RUSA

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

East-West Features Service

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00020165937

275922

SURPLUS - 1
LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/nagranitsiemongo00osok

„НА ГРАНИЦѢ МОНГОЛІИ“

Osokin, Georgii M
1-16-02
DK771
.T8
07
1906

Г. М. ОСОКИНЪ

„НА ГРАНИЦѢ МОНГОЛІИ“

ОЧЕРКИ И МАТЕРІАЛЫ КЪ ЭТНОГРАФІИ

ЮГО-ЗАПАДНАГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

СЪ РИСУНКАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13
1906

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

DK771
T807

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Западное Забайкалье.

ГЛАВЫ. СТРАН.

I. Географическое положеніе. Почва. Климатъ. Растительность 1
II. Исторія края. Населеніе. Сосѣди. Взаимодѣйствіе 18
III. Торговая слобода Кяхта. Троицкосавскъ. Исторія и жизнь населенія. Торговля промышленность. Образованіе 23
VI. Китайскій городъ Маймаченъ. Населеніе. Значеніе для края. Взаимныя отношенія китайцевъ и русскихъ. Торговля 34

Населеніе Западнаго Забайкалья.

V. Русскіе. Русское населеніе края. Составъ его. Жизнь и занятія . . 63
Духовно-нравственная жизнь русскаго населенія 85
Народный эпосъ 89
Сказки 97
Суевѣріе, повѣрья, примѣты 102
Ворожба и колдовство 111
Леченіе, знахарство 123
Рѣчь сибиряка и ея особенности 130
Семья, школа 135
VI. Буряты. Историческое прошлое. Родоначальники ихъ, управленіе и религія 139
Ламы 156
Земледѣліе 176
Торговля, промысла и ремесла 180
Частная жизнь 182
Скотоводство 185
Улусная жизнь 188
Кустарный промыселъ 199
Семейная жизнь: рожденіе, бракъ, болѣзни, смерть, леченіе 201
Болѣзни, смерть, похороны 210
Нравственность 222
Суевѣрія, повѣрья, примѣты, поговорки . . . . . —

Населеніе пограничной полосы Монголіи.

ГЛАВЫ. СТРАН.

VII. Монголы. Ихъ жизнь, отношенія. Управленіе 233
Историческое прошлое и настоящее въ связи съ политикой Китая 236
Денежное обращеніе 241
Хутухта (гыгенъ) и монгольскіе ламы 244
Цѣнность угодій Монголіи 250
Скотоводство 251
Промыслы и занятія 257
Нравственность 259
VIII. **Русскіе въ Монголіи** 263

Приложеніе I.

Словарь мѣстныхъ забайкальскихъ словъ 281

Приложеніе II.

Перечень народныхъ лекарственныхъ средствъ Забайкалья 293

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая сборникъ «очерковъ и матеріаловъ къ этнографіи западнаго Забайкалья», мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, желаніе подѣлиться собранными нами, за время многолѣтняго пребыванія въ краѣ, свѣдѣніями и наблюденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ дать, въ краткомъ описаніи, современную картину бытовой жизни разнородныхъ обитателей пограничной полосы Забайкальской области и сосѣдней Монголіи.

Въ виду особенностей жизни населенія, его занятій, хозяйствъ, матеріальнаго положенія, находящихся въ зависимости отъ географическаго положенія мѣстности и экономическихъ условій края, мы нашли необходимымъ помѣстить въ началѣ своего труда краткій обзоръ области, климата, природы и выдѣлили въ отдѣльные очерки описаніе наиболѣе населенныхъ пунктовъ и сосѣднихъ народностей.

Небольшая часть собраннаго нами этнографическаго матеріала, а также и приложенный въ концѣ книги словарь «мѣстныхъ словъ» (въ первоначальномъ видѣ) были помѣщены ранѣе въ трудахъ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла И. Р. Г. О. (въ 1895, 1897 и 1902 гг.).

Георгій Осокинъ.

Кяхта, 1905 г.

ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ

СЪ ГОРОДОМЪ ТРОИЦКОСАВСКОМЪ, ТОРГОВОЙ СЛОБОДОЙ КЯХТОЙ И ПОГРАНИЧНЫМЪ КИТАЙСКИМЪ ГОРОДОМЪ МАЙМАЧЕНОМЪ.

I.

Географическое положеніе. Почва. Климатъ. Растительность.

Юго-западная часть Забайкалья по характеру мѣстности является продолженіемъ высокаго нагорья отроговъ Яблоноваго и Саянскаго хребтовъ (такъ называемая Даурская возвышенность). Переходя предѣлы Россіи, въ Монголіи, вблизи Урги, нагорье это постепенно понижается и за Ургой переходитъ въ степь Гоби.

Высшая точка Юго-Западнаго нагорья г. Сохандо (помѣстному «голецъ Чикоконскій») находится въ горномъ узлѣ Борщовскаго хребта *, дающаго истокъ рр. Ингодѣ и Чикою Высота его около 8.400 ф. Изъ другихъ гольцовъ болѣе извѣстны Акшинскій, Бальджинскій и Мензинскій.

Отдѣльные горные хребты описываемой мѣстности, пограничной полосы, отъ Наушинскаго до Мензинскаго караула (казач. стан.) въ общемъ невысоки и легко проходимы на перевалахъ.

Къ болѣе значительнымъ по высотѣ хребтамъ сосѣдней полосы Монголіи принадлежитъ Хандагай (Цаганъ-Дабанъ 980 ф.).

Низменныя мѣстности встрѣчаются здѣсь исключительно только въ долинахъ рѣкъ Селенги съ ея притоками Чикоемъ, Орхономъ, Хилкомъ и Онона. Болѣе обширные изъ

---

* Въ кряжѣ Ингодинскихъ горъ, въ юго-вост. части Яблоноваго хребта.

нихъ ближе къ Монгольской границѣ. Степныхъ мѣстъ хотя въ общемъ и много, но всѣ они въ этой части Забайкалья незначительны по величинѣ. Растительность низменныхъ равнинъ преимущественно луговая; степи же очень бѣдны растительностью. Небольшое исключеніе составляютъ лишь Боргойская въ Селенгинскомъ округѣ и Кударинская вблизи р. Чикоя.

Общая картина мѣстности юго-западнаго Забайкалья представляетъ большое разнообразіе. Непроходимая тайга верховьевъ Чикоя, Хилка чередуется унылыми пустынными степями, безлѣсными хребтами. Роскошные луга въ долинахъ рѣкъ смѣняются на десятки и сотни верстъ неприступными утесами и песчаными холмами.

Почва Забайкалья также разнообразна. Основой большинства хребтовъ является гранитъ, базальтовыя породы, гнейсы и сланцы. Каменистая почва тайги, прорѣзываемая горными рѣчками, оголяетъ тонкій пластъ глины и чернозема. Въ горныхъ мѣстностяхъ преобладающими являются суглинокъ, глина, изверженныя породы и песокъ. Въ долинахъ рѣкъ — слабый черноземъ съ подслоемъ глины и песку.

Жирнаго чернозема почти не встрѣчается, хотя повременные обильные урожаи по долинамъ рѣкъ и даютъ возможность мѣстному населенію утверждать о существованіи чистаго чернозема. Справедливѣе же эту почву считать «перегноемъ», такъ какъ въ низкихъ мѣстахъ она имѣетъ всѣ признаки полуболотнаго происхожденія; только буро-сѣрый цвѣтъ ея переходитъ на возвышенностяхъ въ болѣе темный.

Вблизи нѣкоторыхъ рѣчекъ и озеръ нерѣдко встрѣчается солонцеватая почва. Въ сухое лѣто, что здѣсь бываетъ часто, появляются обширныя площади, оазисы, съ тощей растительностью и какъ бы посыпанныя известью («гуджиръ»— по-мѣстному). Въ особенности такихъ мѣстъ много около Кяхты, на пограничной полосѣ. Монгольскій и бурятскій

скотъ охотнѣе пасется на такихъ долинахъ, и мѣстное населеніе по опыту считаетъ лучшимъ то сѣно, которое собрано на солончаковыхъ мѣстахъ.

Плодородный слой почвы здѣсь рѣдко достигаетъ болѣе 3—4 вершковъ и, какъ исключеніе, въ нѣкоторыхъ долинахъ средняго теченія р. Чикоя мощность ея замѣчается 7—8 вершковъ.

Въ общемъ почва юго-западнаго Забайкалья, даже лучшихъ его мѣстностей, въ смыслѣ плодородія, во многомъ уступаетъ таковой же восточной части. Особенности же климатическихъ условій, съ своими рѣзкими переходами, неустойчивостью, случайностями, еще болѣе усложняютъ и безъ того не легкій здѣсь трудъ земледѣльца. Географическое положеніе означенной мѣстности, разъединяющее ее большими пространствами съ другими, болѣе хлѣбородными, само собой вызываетъ потому же и крайне неустойчивыя цѣны на хлѣбъ. Такъ въ данномъ районѣ вы встрѣчаете цѣну 20—40 коп. за пудъ ржаного хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ на слѣдующій годъ цѣна уже поднимается до 1 рубля и болѣе. Но такая же разница въ цѣнахъ встрѣчается въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Забайкалья и въ урожай одного года. Получился урожай въ долинахъ и вымерзъ на горахъ, или наоборотъ. Неудивительно потому, что земледѣліе Забайкалья и до настоящаго времени въ означенныхъ мѣстностяхъ не могло получить должной устойчивости и развитія.

Растительность Забайкалья очень разнообразна и неодинакова для всей области. Ближе къ Байкалу преобладаетъ горная растительность Алтайско-Саянскаго нагорья, за Яблоновымъ же хребтомъ въ южной и юго-западной части замѣчается больше растительность, присущая умѣренной полосѣ Азіи. Хвойныя породы чередуются значительнымъ количествомъ лиственныхъ.

Въ гористой части отроговъ Яблоноваго хребта и высокихъ нагорьяхъ преобладаютъ хвойныя породы: сосна, лиственъ, кедръ, ель, пихта, вересъ; въ болѣе же низменныхъ: береза, тополь, рябина, ильмъ, черемуха, дикая яблоня, боярышникъ, ива, осина, ольха.

Изъ кустарныхъ породъ: дикая акація, смородина, малина, морошка, крушина, дикій абрикосъ, богульникъ, бузина, таволожка и др. Забайкальская тайга, сохранившаяся въ описываемой мѣстности въ вершинахъ рѣкъ Чикоя и Онона и на пограничной полосѣ, занимая часть горныхъ высотъ и переходя къ гольцамъ, заключаетъ въ себѣ наибольшее разнообразіе растительныхъ породъ.

Такъ, напримѣръ, можно встрѣтить въ Забайкальской тайгѣ и породы южной Сибири и вмѣстѣ съ тѣмъ у гольцовъ природу ея далекаго Сѣвера, присущую суровому климату. Сосна въ глухой тайгѣ встрѣчается рѣже. Преобладаютъ кедръ, лиственница, пихта, ель, которые ближе къ вершинамъ хребтовъ и къ гольцамъ замѣтно мельчаютъ, переходя на самыхъ гольцахъ въ такъ называемыя стелящіяся породы (кедръ-сланецъ).

Травяная растительность тайги также отъ роскошныхъ падей съ аршинной, а мѣстами и выше, травой, ближе къ вершинамъ постепенно бѣднѣетъ по склонамъ, на самыхъ же гольцахъ почти вовсе отсутствуетъ. Большое количество мелкихъ рѣчекъ, ключей дѣлаютъ склоны гольцовъ и самую тайгу болотистыми. Громадные же валуны, съ толстымъ слоемъ моха, дѣлаютъ доступъ къ гольцамъ очень труднымъ (калтусы). Нерѣдко въ распадкахъ горъ и долинахъ годами горитъ торфъ, обращая громадныя площади въ унылыя песчаныя мѣста.

Какъ тайга, равно и отдѣльныя лѣса Забайкалья и сосѣдней Монголіи годъ отъ года уменьшаются страшнымъ бичомъ въ краѣ — лѣсными пожарами. Насколько они гро-

мадны, можно судить потому, что по большей части захватываютъ районы на десятки и болѣе верстъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1900 года выгорѣли совершенно два хребта въ общемъ протяженіи на 50 верстъ (Боршовскій хребетъ). Уменьшеніе лѣсовъ и теперь уже сказывается измѣненіемъ климатическихъ условій во многихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Забайкалья и, конечно, не съ лучшей стороны.

Другимъ, не меньшимъ бичомъ, края является истребитель листвы на деревьяхъ—«червь-шелкопрядъ». По словамъ старожиловъ, ранѣе, приблизительно до конца 70-хъ годовъ, его не замѣчали. Теперь же, появляясь массами, въ особенности по долинамъ р. Чикоя, Орхона и Джиды, онъ нерѣдко совершенно оголяетъ отъ листвы черемуху, тальникъ, березу. Научнаго изслѣдованія этого паразита не производилось. Названіе «шелкопряда» дано ему лишь по нѣкоторому сходству. Сосѣди китайцы, болѣе знакомые съ настоящимъ шелкопрядомъ, не считаютъ за него этого паразита и знакомятъ съ тѣмъ, что точно такой же червякъ водится въ Сѣверномъ Китаѣ (вблизи Калгана), гдѣ также онъ производитъ громадный вредъ. Борьбу съ нимъ считаютъ очень трудной, такъ какъ даже выжиганіе пораженныхъ участковъ не всегда гарантируетъ, что черезъ годъ или два онъ не появится вновь. Караванный путь изъ Калгана въ Кяхту, вѣроятно, и послужилъ заносомъ зародышей этого паразита въ Забайкалье. Къ счастью края, паразитъ этотъ появляется не ежегодно и обыкновенно только въ засуху.

Климатъ Забайкалья въ общемъ сухой и холодный, что вызывается, конечно, его географическимъ положеніемъ.

Тѣмъ не менѣе, по изслѣдованіямъ компетентныхъ лицъ и врачей, климатъ Забайкалья признанъ очень здоровымъ. Чистый гористый воздухъ, яркое солнце, отсутствіе тумановъ,—все это, взятое вмѣстѣ, конечно, дѣйствуетъ весьма благотворно на общее состояніе здоровья, и только лишь зна-

чительная сухость воздуха, весенніе вѣтры, періодическія продолжительныя морозныя зимы и рѣзкіе переходы отчасти умаляютъ значеніе и пригодность Забайкалья какъ климатической станціи.

Но въ то же время нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности, въ особенности защищенныя отъ сѣверныхъ вѣтровъ, являются въ полномъ смыслѣ цѣнными уголками Забайкальской Швейцаріи. Нетронутая природа края, чистый воздухъ, здоровая вода горныхъ источниковъ и яркое солнце почти 300 дней въ году — говорятъ сами за себя.

Лучшее время въ году Забайкалья — осень и зима, когда она выпадаетъ не слишкомъ суровая. Въ общемъ зима здѣсь ранняя, продолжительная и малоснѣжная. Весна сухая, холодная и вѣтренная. Лѣто непродолжительное и чаще жаркое, сухое, въ особенности въ іюнѣ.

Распускаются деревья обыкновенно во второй половинѣ мая, цвѣтутъ до половины іюня, а въ первыхъ числахъ августа уже встрѣчается не мало пожелтѣвшаго и частію опавшаго листа. Въ началѣ сентября остается листъ только на тополѣ.

Самые ранніе заморозки наблюдались въ концѣ августа (между 20—24 числами), хотя въ единичныхъ случаяхъ до 2 гр. холода бывало и около 10-хъ чиселъ августа, причемъ выпадалъ значительный снѣгъ и заваливалъ неубранный на поляхъ хлѣбъ (въ 1895—1901 гг.). Конечно, такіе случайные заморозки, продолжавшіеся рѣдко долѣе двухъ-трехъ дней, не оказывали особаго вліянія на осень, которая все же была теплая, сухая и продолжительная. Такая погода обыкновенно держится съ половины сентября нерѣдко до конца октября.

Вѣтра начинаются обыкновенно во второй половинѣ февраля и продолжаются до половины мая, съ небольшими промежутками.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
9	7 сверху	— 0,38	— 38°
—	9 »	0,42	+ 42°
—	11 »	— 0,7	— 7°

Преобладающіе вѣтра здѣсь сѣверные, несущіе холодъ, измѣняются въ маѣ на сѣверо-западные и южные, болѣе сильные, но и теплые.

Безвѣтренными, или маловѣтренными мѣсяцами могутъ считаться здѣсь январь, августъ, ноябрь и декабрь.

Самые сильные морозы наблюдаются въ декабрѣ и январѣ, доходящіе иногда до —0,38 Реомюра. Самый же теплый мѣсяцъ іюль; наибольшая температура, какая наблюдалась, была 0,42 Реомюра (въ 1881, 1892, 1899 и 1902).

Средняя годовая температура по наблюденіямъ мѣстной метеорологической станціи, значится —0,7 Реомюра.

Выпаденіе осадковъ по тѣмъ же наблюденіямъ выражается въ слѣдующемъ:

Въ январѣ . .	3 дня.	
» февралѣ. .	4 »	(при вѣтрѣ)
» мартѣ . . .	5 »	
» апрѣлѣ . .	3 »	при вѣтрѣ.
» маѣ	7 »	тоже.
» іюнѣ. . . .	10 »	во второй половинѣ мѣсяца.
» іюлѣ. . . .	14 »	чаще также во второй половинѣ.
» августѣ . .	6 »	
» сентябрѣ .	6 »	
» октябрѣ. .	2 »	при вѣтрѣ.
» ноябрѣ . .	4 »	
» декабрѣ .	3 »	(часто сопровождается метелью).

Въ среднемъ число дней съ осадками колеблется между 60 и 67 *.

Затяжныхъ ненастій по нѣсколько дней къ ряду почти не наблюдается и если бываютъ, какъ единичные случаи,

* «Труды Троицкосавско-Кяхт. Отд. И. Р. Г. О.». Метеорологич. свѣдѣн. за 1902 г.

то только въ мѣстностяхъ, расположенныхъ между хребтами и въ тайгѣ.

Дождливое, сырое лѣто здѣсь не часто: вообще влаги далеко не достаточно.

Свойство почвы Забайкалья, съ значительнымъ подслоемъ песку, таково, что и продолжительныя ненастья не вызываютъ большой сырости, или грязи. Къ тому же преобладающее количество солнечныхъ дней и вѣтеръ быстро осушиваютъ мѣстность.

Конечно, все это относится къ мѣстностямъ, удаленнымъ отъ тайги и хребтовъ. Въ послѣднихъ продолжительныя ненастья вызываютъ разливы горныхъ рѣчушекъ, болотистая же и моховая мѣстность надолго сохраняетъ влагу, а туманы поддерживаютъ ее нерѣдко въ теченіе всего лѣта.

Въ малолѣсистой и степной части юго-западнаго Забайкалья туманы очень рѣдки.

Степи, мало орошаемыя осадками, только ранней весной покрыты зеленью, лѣтомъ же онѣ почти совершенно выжигаются солнцемъ, а потому и стоятъ все остальное время года унылыми и пустынными для взора. Такой же видъ представляютъ и нѣкоторыя солончаковыя долины. Малоснѣжная, а иногда и совсѣмъ безснѣжная зима даетъ возможность мѣстнымъ жителямъ содержать почти круглый годъ свой домашній скотъ на подножномъ кормѣ.

Бываютъ года, какъ рѣдкое исключеніе, что растительность послѣ дождливаго лѣта сохраняется на степяхъ, и если въ такой годъ и зима малоснѣжная, то для жителей является возможность не только прокормить свой скотъ безъ заботъ, но и сдѣлать запасъ на весну «вѣтоши» (сухой травы).

Недостаточность и неравномѣрность выпаданія осадковъ въ Забайкальѣ и вообще отсутствіе необходимой влаги болѣе чѣмъ гдѣ-либо отражается на растительности.

Глинистая почва и подслой песку, при незначительной мощности чернозема также является краеугольнымъ камнемъ для мѣстнаго земледѣльца.

Сыпучихъ песковъ, съ отсутствіемъ всякой растительности, наблюдается не особенно много, въ смыслѣ обширности района. Встрѣчаются пески чаще около поселеній, а также и въ мѣстностяхъ бывшихъ лѣсныхъ пожаровъ.

На климатъ Забайкалья въ частности вліяетъ и озеро Байкалъ, хотя и отдаленное значительно отъ описываемой мѣстности.

Такъ, напримѣръ, сильные морозы обыкновенно держатся и бываютъ во время замерзанія озера и холодная вѣтренная весна совпадаетъ съ оттаиваніемъ.

Высокое нагорье юго-западнаго Забайкалья, а равно и его географическое положеніе объясняетъ и незначительность отдѣльныхъ низинъ, болотъ и озеръ.

Изъ болѣе значительныхъ по величинѣ озеръ можно указать здѣсь на такъ называемое Гусиное, находящееся въ Селенгинскомъ округѣ, въ 23 верстахъ отъ г. Селенгинска. Длина его приблизительно 25 верстъ при ширинѣ 6 верстъ. Точная глубина неизвѣстна, по разсказамъ же посѣщавшихъ мѣстами доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ саженъ*. Неизвѣстная въ точности глубина и масса разныхъ легендъ, разсказываемыхъ ламами расположеннаго на берегу озера бурятскаго дацана (монастыря), породила среди мѣстнаго населенія ореолъ таинственности его возникновенія, почему оно и считается у бурятъ святымъ.

Изъ массы всевозможныхъ разсказовъ про глубину озера и пр. особенно держится въ народѣ убѣжденіе, что Гусиное озеро имѣетъ какое-то подземное водное сообщеніе съ Байкаломъ. Такъ, напримѣръ, указываютъ на то, что якобы

---

* Въ южной части полуострова Чана—70—75 футовъ.

волненія въ Байкалѣ отражаются волненіемъ и на Гусиномъ озерѣ, что будто бы временами находили въ озерѣ обломки погибшихъ въ Байкалѣ судовъ, и пр.

Остальныя озера очень небольшія, окружность большинства двѣ, много три версты. Между ними есть нѣсколько соленыхъ; такъ одно вблизи Верхнеудинска и другое, находящееся въ 39 верстахъ отъ Кяхты, такъ называемое Киранское.

Недалеко отъ границы, въ Монголіи, извѣстно также нѣсколько соленыхъ озеръ, но правильной добычи соли и эксплоатаціи тамъ не существуетъ. Мѣстные монголы добываютъ ее попутно и примитивными путями, собирая въ засушливые годы самосадочную соль вмѣстѣ съ грязью и иломъ.

Приблизительно въ 70 верстахъ отъ Кяхты, въ Монголіи, въ горной, трудно достижимой мѣстности нѣкоторымъ промышленникамъ извѣстна мѣстность съ каменной солью, но ввиду нѣкоторыхъ религіозныхъ воззрѣній монголъ разработка ея для населенія невозможна; къ тому же и монголы ревниво охраняютъ ее отъ глазъ русскаго населенія.

Насколько озерная соль Забайкалья, даже при заводской эксплоатаціи, получается довольно низкаго качества, настолько эта монгольская каменная соль, судя по имѣвшимся случайно образцамъ и анализу, оказалась прекраснаго качества, безъ примѣсей другихъ солей и пріятнаго вкуса.

Озерная же соль содержитъ большое количество глауберовой и даже по выпуску съ завода процентъ содержанія ея остается значительнымъ.

Рѣки описываемой мѣстности Забайкалья носятъ чисто горный характеръ. Почти всѣ онѣ неглубоки, съ каменистымъ дномъ и значительнымъ паденіемъ. Разливаясь весной и иногда лѣтомъ отъ быстраго таянія снѣговъ въ вершинахъ, онѣ нерѣдко измѣняютъ свое русло на десятки

верстъ, что, конечно, сильно вліяетъ на экономическія условія жителей, селящихся по ихъ берегамъ.

Самая значительная рѣка края, Селенга, беретъ свое начало въ предѣлахъ Монголіи. Ширина ея въ русскихъ владѣніяхъ (уже въ среднемъ протяженіи) колеблется между 170 и 260 саж. при наивысшей глубинѣ въ 2 саж. Въ предѣлахъ юго-западной части Забайкалья встрѣчается нѣсколько пороговъ (перекатовъ), гдѣ глубина на нѣкоторыхъ едва достигаетъ 2 четвертей, при общемъ паденіи 2 фута на версту.

Чикой и Хилокъ, притоки Селенги, въ общемъ носятъ тотъ же характеръ. Длина ихъ каждаго приблизительно по 500 верстъ, годныхъ же для сплава плотовъ и паромовъ верстъ 300. Ширина Чикоя около 120 саж. и Хилка до 100 саж. Глубина наибольшая полторы сажени.

Изъ остальныхъ притоковъ Селенги болѣе значительный Орхонъ, протекающій вблизи русской границы, и притоки Чикоя: Аса, Мензя, Катанца, Киранъ.

Кромѣ упомянутыхъ рѣчекъ, равно и граничащей съ востока описываемой мѣстности притока Селенги — Джиды, въ общемъ, какъ русская территорія, равно и пограничная монгольская полоса изобилуютъ массой мелкихъ горныхъ рѣчушекъ и ключиковъ.

Весеннее половодье въ холодныя весны обыкновенно бываетъ очень незначительное. Таяніе снѣговъ въ вершинахъ въ такіе года запаздываетъ иногда до конца іюня, почему и вызываетъ въ это время громадныя и опустошительныя наводненія.

Дружное таяніе снѣговъ при жаркомъ лѣтнемъ солнцѣ гонитъ такую массу воды, которая, не вмѣщаясь въ русла рѣкъ, разливается на десятки верстъ, принося большія бѣдствія населенію. Значительный уклонъ рѣкъ способствуетъ быстрому затопленію и выходу изъ береговъ.

Вода, по мѣстному выраженію, приходитъ «вàломъ», т. е. совершенно неожиданно, что и влечетъ, конечно, за неподготовленностью населенія, такія громадныя опустошенія.

Особенно памятенъ населенію 1898 годъ, когда лѣтнимъ разливомъ Чикоя и Хилка были почти совершенно смыты нѣсколько деревень, погибъ весь урожай травъ и сотни головъ домашняго скота. Разливъ продолжался около недѣли и былъ въ концѣ іюля.

Такимъ опустошительнымъ и болѣе частымъ разливамъ подвержены здѣсь только Селенга съ своими притоками Чикоемъ и Орхономъ, что объясняется, конечно, тѣмъ, что въ вершинахъ ихъ, близко подходящихъ къ гольцамъ, исключая большіе снѣга и массу горныхъ рѣчекъ, часто бываютъ продолжительные дожди. Незначительная глубина, каменистые перекаты забайкальскихъ рѣкъ дѣлаютъ судоходство по нимъ затруднительнымъ.

Одна только Селенга дождалась пока еще сравнительно правильнаго рейсированія мелкосидящихъ пароходовъ, но и то въ среднемъ своемъ теченіи до устья. Были опыты пароходнаго движенія и по Чикою, но ввиду нѣкоторыхъ чисто техническихъ недочетовъ не увѣнчались успѣхомъ, почему большинство всѣхъ остальныхъ болѣе значительныхъ рѣкъ края использывается населеніемъ единственно лишь для паромнаго и плотоваго сплава. Такъ съ верховьевъ Чикоя сплавляютъ къ Байкалу и попутнымъ населеннымъ пунктамъ хлѣбъ, известь, кедровые орѣхи, коноплё, лѣсъ и нѣкоторые овощи.

По Орхону сплава плотами монголами не производится отчасти по неумѣнію оборудовать такой сплавъ, а также и за отсутствіемъ предметовъ постояннаго сплава. Сплавъ лѣса по Орхону въ русскія владѣнія обыкновенно производится монголами безъ устройства плотовъ, что считается ими болѣе выгоднымъ.

Р. Чикой вблизи села Преображенскаго (усть-киранъ).

Р. Селенга въ среднемъ теченіи.

Съ фот. Г. Чарушина.

Шереръ, Набгольцъ и Ко.

Для переправъ черезъ мѣстныя рѣки обыкновенно употребляются плоскодонные карбазы, а въ пунктахъ значительнаго передвиженія плашкоуты.

Въ Монголіи же черезъ Орхонъ, Иро и др. рѣки переправляются или на долбленыхъ ботахъ или же небольшихъ плотахъ, установленныхъ на такіе же, бо̀льшаго размѣра, боты. Скотъ рѣдко перевозится на ботахъ, или на карбазахъ, обыкновенно же вплавь.

Вскрываются мѣстныя рѣки обыкновенно между 5—15 апрѣля, замерзаютъ около 20—28 октября.

Самое раннее вскрытіе наблюдалось 29 марта, а позднее замерзаніе 4 ноября*.

Горныя мелкія рѣчки замерзаютъ позднѣе, что объясняется быстрымъ теченіемъ. Оттаиваютъ онѣ также на двѣ, три недѣли позже, въ холодную же весну задерживаются въ вершинахъ до конца мая и первыхъ чиселъ іюня.

Селенга съ Чикоемъ, Хилкомъ и Орхономъ изобилуютъ множествомъ незамерзающихъ мѣстъ на перекатахъ, въ устьяхъ горныхъ рѣчекъ и въ мѣстахъ болѣе быстраго своего паденія.

Въ особенности эти, такъ называемые по-мѣстному, «тальцы» замѣчаются часто по Чикою.

Толщина льда достигаетъ обыкновенно 3 четвертей и рѣже, въ безснѣжныя зимы, 4 четвертей.

Продолжительность замерзанія, считая время отъ появленія «забереговъ» и «шуги» до полнаго рѣкостава, колеблется между 2—3 недѣлями. Очищаются же рѣки отъ льда обыкновенно въ 4—5 дней, чему способствуетъ тоже быстрое теченіе.

---

* «Наблюденіе о вскрытіи, замерзаніи и разливѣ рѣкъ за 13 лѣтъ». Г. Осокинъ.

Болотистыхъ мѣстъ въ этой части Забайкалья, какъ уже говорились выше, очень немного. Если не считать таёжныхъ болотъ, то къ другимъ незначительнымъ можно отнести лишь тѣ, которыя находятся по берегамъ рѣкъ и островныя.

Изъ ближайшихъ же болотъ сосѣдней Монголіи болѣе обширны такъ называемыя Буринскія, находящіяся приблизительно въ 18 вер. отъ Кяхты. Болота эти, помимо исторической памяти заключенія вблизи ихъ въ началѣ 1700 годовъ торговаго трактата съ Китаемъ (такъ называемый Буринскій трактатъ), составляютъ излюбленное мѣсто кяхтинскихъ охотниковъ за болотною дичью и считаются наилучшими въ краѣ.

При скудости въ краѣ водныхъ богатствъ, какъ орошенія, съ другой стороны обиліе отдѣльныхъ минеральныхъ источниковъ является поразительнымъ. Въ большинствѣ эти источники еще далеко не изслѣдованы и ждутъ предпринимателей. Несмотря на то, что много источниковъ уже нашли примѣненіе, какъ лечебные, можно съ увѣренностью сказать, что много ихъ еще находится подъ спудомъ и усиленно скрывается мѣстными жителями, въ особенности монголами и бурятами, которые почитаютъ ихъ за святыню*.

Въ особенности богатъ разнообразными минеральными источниками районъ верховья р. Чикоя, гдѣ сравнительно на небольшой площади извѣстны слѣдующіе: желѣзные, щелочные, известковые, сѣрные, углекислые. Въ особенности послѣдній, такъ называемый Ямаровскій минеральный источникъ пользуется громадной и вполнѣ заслуженной славой.

---

* По изслѣдованію г. фонъ-Дервиза въ 1897 — 1899 годахъ значится всего 102 разныхъ источника. По позднѣйшимъ же даннымъ число ихъ доходитъ до 134.

Кромѣ сего, населенію извѣстно много минеральныхъ источниковъ недалеко отъ границы въ Монголіи, которые они и посѣщаютъ, въ особенности сѣрный, горячій, находящійся въ 180 верстахъ отъ Кяхты.

Высокое положеніе, горная природа, здоровый, чистый воздухъ и масса разнообразныхъ минеральныхъ источниковъ, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ поставятъ Забайкалье наравнѣ съ нашими извѣстными въ Россіи курортами.

II.

Исторія края. Населеніе. Сосѣди. Взаимодѣйствіе.

Населеніе юго-западнаго Забайкалья состоитъ изъ коренныхъ сибиряковъ (потомковъ первыхъ завоевателей Сибири), семейскихъ — старообрядцевъ, бурятъ, незначительнаго числа евреевъ, цыганъ и временно проживающихъ китайцевъ.

Коренные сибиряки, составляющіе наибольшую часть населенія, смѣшиваясь съ мѣстными инородцами бурятами, значительно утратили свой первоначальный типъ. Болѣе устойчивыми въ этомъ отношеніи оказались семейскіе. Эти послѣдніе потомки тѣхъ старообрядцевъ, которые при Екатеринѣ II-й въ 1764 г. были переселены въ Сибирь изъ присоединенныхъ польскихъ областей (Подоліи). Въ общемъ количествѣ до 40.000 человѣкъ. Въ данное время, среди мѣстныхъ старообрядцевъ можно наблюдать всѣ три извѣстныя ихъ группы. А именно: послѣдователи австрійскаго толка, такъ называемаго Амвросіевскаго наставленія, бѣглопоповцы и безпоповцы. Изъ нихъ бѣглопоповцы, какъ болѣе распространенные, встрѣчаются чаще, затѣмъ слѣдуютъ австрійскаго толка и наименьшіе по численности безпоповцы.

По сословіямъ коренные сибиряки дѣлятся на крестьянъ, осѣдлыхъ инородцевъ и казаковъ. Буряты же мѣстные на ясачныхъ и казаковъ. Живущіе на пограничной полосѣ мон-

голы, почти исключительно также казаки, принадлежащіе къ Шабинскому вѣдомству Тушетъ-Хана.

Другіе ближайшіе сосѣди китайцы пограничнаго города Маймачена, переселившіеся сюда съ открытіемъ торговыхъ сношеній съ Россіей изъ сѣверной провинціи Шанси, бывшіе земледѣльцы, въ настоящее время, исключительно торговаго сословія.

Болѣе густое населеніе въ краѣ замѣчается въ Верхнеудинскомъ округѣ, по среднему теченію р. Чикоя, приблизительно на 300 верстъ, что болѣе всего объясняется наибольшею плодородностью долины Чикоя, которая и не такъ давно еще считалась житницей края. Также способствовала населенности и близость тайги съ ея пушными промыслами. Второе мѣсто занимаетъ долина Хилка. Въ общемъ же населеніе края слишкомъ разбросанное и чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ малочисленнѣе.

Населеніе пограничной полосы также не вездѣ одинаково и скорѣе преобладаетъ скудость, если не считать, конечно, разбросанныхъ по линіи границы казачьихъ станицъ.

Наименѣе населенныя мѣстности находятся въ гористой части Хилка, верховьяхъ Чикоя, Онона и всей площади сохранившейся здѣсь тайги. На пограничной полосѣ Монголіи встрѣчаются только караулы, или, какъ они называются, «уртоны»; кочевки же монголъ отходятъ далѣе, на 30, 40 верстъ отъ границы и болѣе многочисленны вблизи р. Орхона и въ долинѣ Иро. Здѣсь же замѣчаются и отдѣльныя хозяйства китайцевъ: поля и лѣсной промыселъ. Хотя и монголы являются отчасти лѣсопромышленниками, но занятіе это скорѣе сводится какъ на случайное и вполнѣ въ зависимости отъ требованія русскихъ покупателей, и только доставка и заготовка дровъ получила съ давняго времени широкое развитіе, такъ какъ всѣ дрова, требующіяся для города Троицкосавска, Кяхты и Маймачена, исключительно

получаются изъ Монголіи. То же самое можно сказать и про сѣно, которое заготовляется монголами въ громадномъ количествѣ для продажи въ тѣ же вышеупомянутые пункты. Несмотря на частые лѣсные пожары, уничтожающіе массу лѣса въ Монголіи, а также засушливые года, районъ этотъ настолько еще богатъ лѣсомъ и лугами, что недостатка почти не ощущается. И только нѣсколько послѣднихъ лѣтъ цѣны на сѣно и дрова незначительно повысились и повышаются, причины чему совершенно исключительнаго свойства и поддерживаются политикой китайскаго и манчжурскаго чиновничества.

Совмѣстная жизнь и постоянное общеніе въ краѣ различныхъ по духу народностей, съ присущими каждой отдѣльной расѣ особенностями какъ вѣрованій, обычаевъ и проч., не могли не вызвать ясно опредѣлившагося взаимодѣйствія.

Результаты такого взаимодѣйствія представляютъ глубокій интересъ не только людямъ науки, но и простому наблюдателю.

Жизненныя условія, одинаковыя въ большинствѣ занятія настолько сроднили и сгруппировали мѣстное православное и буддійское населеніе, что коренной житель — крестьянинъ въ своей обыденной жизни очень мало чѣмъ отличается отъ инородца, въ особенности среди малодостаточнаго населенія отдаленныхъ поселковъ края.

Смѣшеніе русскаго населенія съ инородческимъ путемъ браковъ и сожительствъ выдвинуло даже новый типъ, носящій мѣстное названіе «карымы», ближе стоящій къ инородческому типу.

Только семейскіе старообрядцы, какъ уже сообщалось, не смѣшиваются и не сближаются съ инородцами, а также и съ коренными сибиряками, считая какъ тѣхъ, такъ и другихъ «нéчестью» — нечистыми въ отношеніи своихъ религіозныхъ взглядовъ.

Изслѣдователи Сибири даютъ намъ сравнительно очень немногія въ своихъ сочиненіяхъ свѣдѣнія о бытѣ первыхъ русскихъ пришельцевъ въ Забайкалье; общая же исторія завоеванія края указываетъ намъ на то, что первые шаги русскихъ пришельцевъ на востокъ Азіи были долгое время не на почвѣ особенно мирныхъ отношеній, что, конечно, не могло не оставить по себѣ нѣкоторую память у аборигеновъ. Много лѣтъ прошло, когда время и обстоятельства измѣнили первоначальное взаимное недружелюбное отношеніе и установились тѣ пріязненныя и дружескія отношенія, которые наблюдаемъ и по сейчасъ у мѣстныхъ сибиряковъ съ бурятами и сосѣдями монголами.

Результатомъ прогрессировавшаго сближенія позднѣе мы видимъ цѣлый рядъ измѣненій въ бытовой и обрядовой жизни обѣихъ народностей, въ особенности же среди русскихъ, первыхъ пришельцевъ, что, конечно, и неудивительно, такъ какъ послѣдніе стояли въ то время на слишкомъ низкой степени культурности, почему и легче утрачивали свои бытовыя особенности.

Хотя заселеніе южной части Забайкалья и было, какъ извѣстно, болѣе массовое, но и это въ то далекое время не могло оказать должнаго вліянія на инородца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и избѣжать и взаимодѣйствія.

Болѣе стойкими въ этомъ отношеніи оказались монголы, которые и по настоящее время очень немного измѣнились въ своей бытовой жизни отъ близкаго общенія съ болѣе культурной расой русскаго населенія.

Не такъ было съ бурятами; отчасти принудительно, съ другой же стороны добровольно, въ силу сложившихся условій жизни, они очень скоро поддались взаимодѣйствію.

Обрусеніе ихъ, а равно и объинородничанье русскаго населенія продолжается и по настоящее время.

Смѣшеніе русскаго населенія съ инородцами во многихъ

мѣстностяхъ Забайкалья сказалось на первыхъ не только физическимъ перерожденіемъ и вторженіемъ въ русскую рѣчь бурятскаго языка, но и измѣненіемъ психической сферы жизни. Такъ, напримѣръ, обрядовая набожность русскаго населенія замѣнилась слишкомъ ясно и рѣзко языческимъ суевѣріемъ. Сибиряки-забайкальцы особенно выдѣляются своимъ суевѣріемъ и, къ сожалѣнію, не только среди низшаго сословія, но и городского интеллигента.

Насколько сжилось мѣстное русское населеніе съ послѣдствіями вліянія инородца въ бытовомъ и отчасти въ нравственномъ отношеніи и привыкло къ нему, какъ къ явленію вполнѣ естественному, — подтверждается на каждомъ шагу.

Для объясненія этой неустойчивсти русскаго отъ вліянія менѣе культурнаго инородца мы, къ сожалѣнію, имѣемъ слишкомъ мало научнаго матеріала.

Едва ли такую неустойчивость можно подвести подъ общее мнѣніе большинства, «податливости и примѣняемости» къ условіямъ жизни русскаго при новой обстановкѣ, а также и легкому утрачиванію своихъ бытовыхъ особенностей.

Не менѣе удивительно и то, что общеизвѣстная стойкость въ религіи русскаго населенія не могла вполнѣ противустоять въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ Забайкалья, гдѣ многія частности его духовно-религіозныхъ воззрѣній перемѣшались очень замѣтно съ буддійскимъ взглядомъ.

Суевѣріе, извращеніе обрядностей православія, вѣра въ нѣкоторые ламскіе религіозные обряды (напр., такъ называемое «отчитываніе» и пр.), все это, конечно, результатъ вліянія совмѣстной, близкой жизни съ инородцемъ, хотя и вполнѣ пассивный со стороны послѣдняго.

III.

Торговая слобода Кяхта. Троицкосавскъ. Исторія и жизнь населенія. Торговля. Промышленность. Образованіе.

Ближайшимъ культурнымъ населеннымъ пунктомъ пограничной полосы является торговая слобода Кяхта, извѣстная по своему прошлому торговому значенію, а равно и по той значительной роли, которую она играла при развитіи первыхъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ.

Въ настоящее время Кяхта почти совершенно утратила свое міровое торговое значеніе. Много способствовала упадку Кяхты прошедшая черезъ Сибирь желѣзная дорога, которая совершенно и навсегда отвлекла чайные грузы, а съ ними вмѣстѣ и заработки мѣстныхъ жителей. Въ былыя же времена переотправка чая, получаемаго караванами изъ Китая въ сотняхъ тысячахъ пудовъ, давала работу не только мѣстному населенію, но и далеко за предѣлами Кяхты—перевозчикамъ, доставщикамъ.

Въ жизни Забайкалья Кяхта играла громадную роль,—благосостояніе ея было благосостояніемъ всего края.

Основаніе Кяхты относится къ 1727 году, т.-е. къ тому времени исторіи, когда посланный Екатерины I-й въ качествѣ чрезвычайнаго посланника графъ Савва Владиславовичъ Рагузинскій заключилъ 25-го августа 1727 г. торговый трактатъ съ Китаемъ на р. Бурѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Кяхты, бывшимъ тогда карауломъ съ десяткомъ людей. Согласно этому трактату Россія удержала за собой ис-

ключительное право посылать торговые караваны въ Ургу и Пекинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла для этого ту мѣстность, гдѣ стоитъ въ данный моментъ слобода Кяхта *.

Первоначально Кяхта представляла собой небольшую крѣпость, обнесенную деревянной стѣной (форпостъ) и только въ 1743 г. 31-го декабря по указу Сената возведена въ торговую слободу.

Такимъ образомъ Кяхта была первымъ и единственнымъ связывающимъ звеномъ Россіи для сношенія ея съ Монголіей и Китаемъ.

Первоначально торговля была лишь исключительно мѣновая. Въ 1730 году китайцы, пришельцы изъ сѣверной провинціи Шанси, выстроили вблизи Кяхты, приблизительно въ 100 саж., свое торговое мѣстечко Маймачинъ, существующее и по настоящее время.

Къ тому же приблизительно времени относится и начало заселенія города Троицкосавска, отстоящаго отъ Кяхты въ 3-хъ верстахъ.

Въ общемъ Кяхта и Троицкосавскъ все время составляли и составляютъ неразрывное цѣлое. Въ Кяхтѣ живетъ, какъ и прежде, одно лишь купечество, торговыя фирмы, вся же администрація, управленіе, училища, магазины, базаръ находятся въ Троицкосавскѣ. Единственное казенное учрежденіе, которое находится въ Кяхтѣ, и болѣе какъ временное — это таможня.

Благосостояніе жителей Троицкосавска всецѣло находилось въ зависимости отъ Кяхты, такъ какъ средства къ существованію 90% жителей Троицкосавска давала Кяхта по своему чайному дѣлу. Результатъ такой зависимости ярче всего сказался при упадкѣ и полномъ отсутствіи дѣлъ Кяхты за послѣдніе годы.

---

* Изъ архива Кяхтинской ратуши.

Городъ Троицкосавскъ (центральная часть).

Съ фот. г. Осокина.

Шереръ, Набгольцъ и Ко.

Существовавшее до 60-хъ годовъ градоначальство, впослѣдствіи преобразовано было въ коммисаріатъ, остающійся и по настоящее время.

Изъ видныхъ дѣятелей Троицкосавска и Кяхты, въ отношеніи культурнаго развитія, особенно выдѣлился здѣсь бывшій градоначальникъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ. Большая часть учебныхъ заведеній въ городѣ — дѣло рукъ и стараній этого дѣятеля. Память Кяхты о немъ всегда останется священной, а управленіе и заботы какъ примѣръ неустаннаго и честнаго труженика.

Благосостояніе Кяхты въ ея цвѣтущее время и щедрыя жертвы купечества дали возможность устроить Деспотъ-Зеновичу не одно учебно-образовательное учрежденіе.

По количеству такихъ учрежденій, при сравнительно небольшомъ населеніи, Троицкосавскъ вполнѣ заслуженно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ не только среди сибирскихъ городовъ, но и многихъ Европейской Россіи. Здѣсь кстати помянуть и то, что почти всѣ существующія здѣсь учебныя заведенія и благотворительныя учрежденія устроены и исключительно почти существуютъ на средства кяхтинскаго и троицкосавскаго купечества. Если два, три учрежденія и пользуются казенными субсидіями, то въ общей массѣ расходуемыхъ средствъ въ очень небольшомъ размѣрѣ.

При общемъ числѣ жителей г. Троицкосавска, съ слободами Кяхтой и Усть-Кяхтой приблизительно до 7,000 человѣкъ, здѣсь существуютъ слѣдующія учрежденія: мужское реальное училище, женская гимназія, городское училище, ремесленная школа, 3 приходскихъ училища, женская безплатная школа, женская воскресная, женскій пріютъ, приходское училище въ Усть-Кяхтѣ, начальная школа въ Кяхтѣ, домъ трудолюбія для женщинъ, богадѣльня, больница, лечебница для приходящихъ, пріемный покой.

Городъ располагаетъ спеціальными капиталами на нѣкоторыя изъ упомянутыхъ учрежденій, имѣетъ капиталъ пособія бѣднымъ.

Изъ благотворительныхъ обществъ, функціонирующихъ въ городѣ, можно отмѣтить: Общество попеченія о бѣдныхъ, Попеченіе начальнаго образованія, Общество взаимопомощи приказчиковъ. Изъ ученыхъ Географическое общество, которому принадлежитъ музей въ Кяхтѣ.

Видное мѣсто среди просвѣтительныхъ учрежденій занимаетъ Троицкосавская городская библіотека.

Несмотря на полный упадокъ Кяхты и замѣтное матеріальное оскудѣніе, тѣмъ не менѣе частная благотворительность, если и не въ прежнихъ размѣрахъ, не изсякаетъ.

Единственный упрекъ, который заслуживаетъ мѣстное обезпеченное общество, это отсутствіе учрежденія, или спеціальнаго капитала для тѣхъ бывшихъ тружениковъ, которые съ упадкомъ Кяхты лишились заработковъ и за отсутствіемъ всякой возможности приложить свои спеціальныя знанія къ чему-либо другому, кромѣ зашивки, чистки, укупорки чая, должны терпѣть большую нужду.

Не заглядывая впередъ, эти труженики цѣлыми поколѣніями работали по переотправкѣ чая, почему совершенно незнакомы съ другими какими-либо работами или ремеслами, за малымъ исключеніемъ (каменщики) и съ прекращеніемъ транспорта чая черезъ Кяхту остались совершенно не у дѣлъ.

За время процвѣтанія Кяхты нѣкоторыми болѣе дальновидными изъ купечества не разъ поднимался вопросъ объ образованіи особаго запаснаго капитала на случай выдачи пособій нуждающимся труженикамъ. Предполагалось отчислять изъ заработковъ каждой рабочей артели ежемѣсячно по 2% въ основаніе такого капитала, съ тѣмъ чтобы лишившимся работы по какимъ-либо случаямъ вы-

давать пособія. Но предположенія эти не осуществились. Тѣ же «пятаки», которые собирала городская управа съ каждаго заработаннаго рубля тружениковъ, являлись лишь налогомъ и шли на общія городскія нужды. «Пятаковъ» этихъ собиралось ежегодно десятокъ тысячъ, растаяли они незамѣтно и, конечно, безвозвратно для тѣхъ, кто думалъ и надѣялся на помощь въ трудную минуту жизни.

Кяхтинская торговля, находясь въ особо-исключительныхъ условіяхъ, а также подъ вліяніемъ разныхъ случайностей и административныхъ мѣръ, часто испытывала колебанія, то значительно развиваясь, то, наоборотъ, сокращаясь до минимума.

Караванная торговля Кяхты существовала приблизительно 60 лѣтъ, ранѣе одними казенными караванами и впослѣдствіи купеческими и компанейскими. Періодъ караванной торговли имѣлъ въ свое время не мадо разныхъ осложненій, ограниченій, запрещеній и пр.

Такъ напримѣръ, съ 1762 по 1768 годъ, ввиду осложненій съ Китаемъ торговля почти совершенно прекращалась. Впослѣдствіи былъ вновь перерывъ въ 1775 и 1785 годахъ и лишь только въ 1792 г. караванная торговля обосновалась болѣе крѣпко и неизмѣнно.

Предметами мѣновой торговли въ прежнее время были: у Китая чай, сахаръ тростниковый, шелкъ сырецъ и въ издѣліяхъ, китайка даба (бумажная матерія), скотъ, скотскія кожи, мѣха, а у Россіи: юфть, сукна, желѣзо въ издѣліяхъ, мѣдь въ подѣлкахъ, мишура, ревень, дешевыя бумажныя матеріи, опіумъ.

Завѣдываніе и наблюденіе за торговлей кяхтинскаго купечества находилось у такъ-называемыхъ компаньоновъ, а впослѣдствіи у выборныхъ изъ купечества старшинъ.

Во времена процвѣтанія кяхтинской торговли (въ 1854) насчитывалось до 58 фирмъ, которыя вели свои дѣла въ

слободѣ или лично, или черезъ особыхъ довѣренныхъ. Съ упадкомъ же Кяхты число ихъ сошло на 10

Особое процвѣтаніе Кяхты по торговлѣ относится къ 1850-мъ годамъ и совпадаетъ со временемъ разрѣшенія купечеству производить помимо мѣновой торговли и денежныя операціи, что до сего времени было запрещено.

Паденіе торговли стало постепенно замѣчаться съ начала 1880-хъ годовъ, съ открытіемъ морской доставки чая черезъ Одессу, которая значительно оттянула грузы и тѣмъ самымъ сократила проходъ ихъ черезъ Кяхту. При существованіи же единственнаго пути черезъ Кяхту, въ общемъ дорогого, и секретности въ цѣнахъ на чай, доставлялась возможность кяхтинскимъ торговцамъ и заказчикамъ чая наживать громадныя средства.

Къ этимъ же приблизительно годамъ относится и потребленіе такъ-называемаго ханьковскаго чая и цейлонскаго, которые также способствовали сокращенію покупокъ такъ-называемаго кяхтинскаго чая. Заполненіе рынковъ Китая дешевыми иностранными товарами повліяло также на уменьшеніе вывоза русскихъ товаровъ.

Годомъ тяжелаго перелома торговли и благосостоянія Кяхты былъ 1900-й, хотя онъ и не былъ неожиданностью уже съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Несмотря на сравнительно громадный періодъ процвѣтанія Кяхты и благосостояніе купечества, послѣднее не особенно стремилось къ украшенію своего мѣстечка, почему и осталось очень немного памятниковъ исторіи Кяхты. Какъ собственные дома кяхтинцевъ, такъ равно и общественные не отличаются ни красотой, ни особыми удобствами и развѣ только обширностью и массой всевозможныхъ дворовыхъ построекъ. Общее впечатлѣніе усадьбъ купечества ближе подходитъ къ помѣщичьимъ усадьбамъ, въ особенности если прибавить, что почти у всѣхъ были де-

сятки служащихъ и прислуги, десятки головъ скота и по 30—40 выѣздныхъ и рабочихъ лошадей. Все это, конечно, вызывало громадные расходы, у нѣкоторыхъ до сотни тысячъ въ годъ, и, конечно, не удивительно, что всѣхъ кяхтинцевъ считали обладателями милліоновъ.

Въ общемъ Кяхта по наружному виду оставляетъ пріятное впечатлѣніе довольства, чистоты, чему много способствуетъ и мѣстоположеніе ея съ широкой, ровной улицей, прекраснымъ бульваромъ, общественнымъ и частными садами и чистымъ веселымъ видомъ, въ большинствѣ, бѣлыхъ, высокихъ построекъ.

Особенно же выдѣляется роскошный и богатый кяхтинскій Воскресенскій соборъ, который является вполнѣ достопримѣчательностью Кяхты. По внутреннему благолѣпію и богатству храмъ этотъ едва ли найдетъ себѣ равныхъ во всей Сибири. Стоимость его первоначально опредѣлялась въ 600 тыс. рублей. Особенно замѣчателенъ такъ-называемый «холодный придѣлъ» своимъ хрустальнымъ иконостасомъ въ бронзѣ, художественной живописью иконъ, серебряными престоломъ и жертвенникомъ, евангеліемъ и серебрянымъ громаднымъ паникадиломъ, усѣяннымъ цвѣтными камнями. Не менѣе богата и ризница при храмѣ. Содержаніе храма и причта вполнѣ и на вѣчно обезпечено большимъ капиталомъ жертвователей.

Къ грандіознымъ сооруженіямъ Кяхты относится и гостиный дворъ, построенный на частныя средства, но съ субсидіей казны въ формѣ доставленія большого количества рабочихъ изъ отбывавшихъ наказаніе. Построенъ былъ онъ для склада чая и другихъ товаровъ и все время находился и содержался купечествомъ. Стоимость его опредѣлялась, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ 800.000 р.

Все зданіе кирпичное, на гранитномъ фундаментѣ и выстроено въ формѣ квадрата съ внутреннимъ меньшимъ зда-

ніемъ; занимаетъ оно площадь въ одну десятину. Ежегодное содержаніе и внутреннее обслуживаніе гостинаго двора обходилось купечеству въ восемь тысячъ рублей, а нѣкоторые годы и въ десять.

Съ переводомъ въ Кяхту въ 1900 году таможни, половина зданія и двора отошли въ вѣдѣніе таможни и въ данное время совершенно изолированы отъ купеческой половины.

Непосредственнаго денежнаго дохода зданіе это купечеству не приносило, косвенно же всѣ занимавшіе отдѣльныя помѣщенія подъ складъ чая платили при вывозѣ чая изъ Кяхты особый сборъ, такъ называемую «аксиденцію» по 15 коп. съ ящика кирпичнаго чая и 30 коп. съ ящика байховаго. Первый вѣсомъ до 5 пуд., второй 3—4 пуда.

Изъ сбора этого ежегодно составлялся громадный капиталъ, нерѣдко въ сто тысячъ, который и расходовался непосредственно на текущія нужды Кяхты. Средній расходъ Кяхты былъ приблизительно 85 тысячъ ежегодно, не считая, конечно, тѣхъ случайныхъ расходовъ, которые вызывались внѣ Кяхты, но необходимы для нуждъ торговли*.

Помимо пожертвованій на воспитательныя и благотворительныя учрежденія, составившихъ въ общемъ не одну сотню тысячъ за время процвѣтанія Кяхты, тоже кяхтинское купечество сдѣлало изысканіе и провело впослѣдствіи новый трактъ къ Байкалу, минуя прежній и укоротивъ разстояніе съ 400 верстъ на 250 верстъ. Трактъ этотъ прошелъ черезъ бурятскую степь Баргой, перерѣзалъ рѣки Джиду, Темникъ, на которыхъ построены капитальные деревянные мосты, и долинами Мишихи и Мысовой вышелъ къ Байкалу у г. Мысовска (а прежде деревни Мысовой). Трудность устройства этого пути, а вмѣстѣ красота окружающей природы бросаются въ глаза каждому. На устрой-

* Отчеты старшинъ кяхтинскаго купечества.

ство и поддержку пути купечество тратило также громадныя средства.

Несмотря на то, что сокращеніе пути для всѣхъ было ясно по своимъ преимуществамъ, хотя бы въ томъ отношеніи, что сокращало переѣздъ отъ Байкала въ Кяхту почти на два дня и со времени открытія дороги болѣе половины проѣзжающихъ прежде почтовымъ трактомъ стали ѣздить этимъ такъ называемымъ «купеческимъ», тѣмъ не менѣе онъ совершенно игнорировался почтовымъ вѣдомствомъ и казной. Первое на хлопоты купечества по перевозкѣ почты новымъ ускореннымъ трактомъ и на предложеніе принять часть расходовъ отвѣчало уклончиво, вторая же, несмотря на всю полезность для края новаго удобнаго пути, сложило съ себя всякую заботу по содержанію его, предоставивъ купечеству поддерживать его на собственныя средства. Въ настоящее время путь этотъ съ упадкомъ торговли совершенно заброшенъ.

Въ матеріальномъ положеніи г. Троицкосавскъ, благодаря особымъ условіямъ, занималъ до послѣдняго времени одно изъ видныхъ мѣстъ Забайкалья.

Главными статьями дохода города были: высокій, сравнительно, городской налогъ, арендная плата съ городскихъ недвижимостей, доходъ съ купеческихъ свидѣтельствъ, атестатовъ и 5% налогъ съ заработка рабочихъ артелей.

Благоустройство города вполнѣ было въ зависимости отъ его бюджета, такъ какъ спеціальныхъ капиталовъ на это у города не существовало. Болѣе крѣпко стоитъ обезпеченіе существованія учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ городѣ, такъ какъ на содержаніе ихъ имѣются у города спеціальные капиталы изъ пожертвованій и отчисленій.

А потому все то, что существовало на избытки, или добровольныя жертвы жителей, съ упадкомъ благосостоянія

послѣднихъ должно или прозябать, или совершенно заглохнуть.

Приливъ иногороднихъ предпринимателей и торговцевъ, съ упадкомъ торговли въ Кяхтѣ, почти прекратился. Мѣстное же населеніе, принимая въ расчетъ, конечно, бывшій рабочій людъ, за отсутствіемъ на мѣстѣ какого-либо заработка, поставлено въ необходимость искать работы за предѣлами Кяхты и Троицкосавска.

Мѣстная торговля поддерживается не мало окрестнымъ сельскимъ населеніемъ, а также бурятами и сосѣдями монголами, китайцами.

Каждый новый годъ въ жизни Кяхты и Троицкосавска заставляетъ еще болѣе убѣждаться, что прежнія времена и торговля для нихъ прошли безвозвратно и ждать новаго возрожденія не имѣется основаній.

Надежды жителей на проведеніе желѣзной дороги до Урги, хотя, быть можетъ, и подняли бы благосостояніе ихъ, но и это было бы не болѣе какъ временно.

Разсчитывать же здѣсь на развитіе промышленности едва ли возможно по весьма многимъ причинамъ.

За все время существованія Кяхты и Троицкосавска, едва возможно насчитать десятокъ заводовъ, изъ которыхъ почти двѣ трети занимаются выработкой кожъ въ минимальномъ количествѣ.

Главная причина тормоза въ развитіи фабрично-заводской промышленности въ краѣ — отсутствіе дешевыхъ рукъ и дороговизна полученія необходимыхъ матеріаловъ и машинъ изъ Европейской Россіи.

Желѣзная дорога, хотя и значительно удешевила провозъ необходимыхъ предметовъ для оборудованія фабрикъ и заводовъ, но тѣмъ не менѣе мѣстныхъ предпринимателей не прибавилось, хотя какъ самъ край, равно и сосѣдняя Монголія могли бы дать массу всевозможнаго сырья.

Китайскій пограничный г. Маймаченъ. Общій видъ.

Торговая слобода Кяхта (центральная часть).

Съ фот. г. Петрова.

Шереръ, Набгольцъ и Ко.

Косность взглядовъ мѣстныхъ капиталистовъ и отсутствіе энергіи заставляетъ ихъ относиться съ какимъ-то предубѣжденіемъ къ заводской промышленности, а если и рисковать своимъ капиталомъ, то лишь въ дѣлахъ болѣе старыхъ, какъ напримѣръ въ винномъ, дававшимъ здѣсь, до введенія монополіи, громадные барыши, и торговлѣ.

Промышленныя предпріятія заключались здѣсь въ слѣдующихъ заводахъ: кожевенный заводъ одного крупнаго товарищества, находящійся вблизи Кяхты на рѣкѣ Чикоѣ, три винокуренныхъ на рр. Чикоѣ и Селенгѣ, десятокъ мелкихъ кожевенныхъ заводовъ въ Усть-Кяхтѣ. Три крупчатныя мельницы, нѣсколько небольшихъ мыловаренныхъ и свѣчныхъ заводовъ и существовавшій лѣтъ 5 вблизи Кяхты первый въ Сибири стеариновый, мыловаренный и химическій заводъ. Послѣдній являлся въ краѣ однимъ изъ болѣе интересныхъ и благоустроенныхъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ временно заставилъ прекратить дѣйствіе завода.

Училища и школы въ Троицкосавскѣ, помимо своей обезпеченности въ матеріальномъ отношеніи, заслуживаютъ полнаго вниманія по ихъ благоустройству въ научномъ и образовательномъ отношеніяхъ.

Въ особенности выдѣляется реальное училище.

Музей Географическаго общества представляетъ въ образовательномъ и научнымъ отношеніяхъ также глубокій интересъ и весьма цѣненъ по своей археологической коллекціи.

Отдѣленіемъ Географическаго общества издаются печатные труды общества по изслѣдованію и изученію края.

Періодическая печать, за все время существованія Кяхты и Троицкосавска, проявлялась всего лишь дважды. Такъ въ 1862 г. издавался «Кяхтинскій Листокъ» (около года) и съ 1900 г. выходитъ мѣстная небольшая газета «Байкалъ».

IV.

Китайскій городъ Маймаченъ. Населеніе. Значеніе для края. Взаимныя отношенія китайцевъ и русскихъ. Торговля.

Китайское торговое мѣстечко Маймаченъ расположено вблизи Кяхты въ довольно низменной мѣстности и открыто со всѣхъ сторонъ.

Послѣ Кяхты и Троицкосавска, расположенныхъ между горъ и широко раскинувшихся, Маймаченъ, съ своими низкими, сѣрыми невзрачными постройками, представляетъ какое-то грязное пятно и въ общемъ далеко непривлекателенъ по наружному виду.

Контрастъ съ чистенькой, выхоленной Кяхтой полный; къ тому же отсутствіе садовъ и вообще какой-либо растительности въ самомъ Маймаченѣ дѣлаетъ его еще болѣе унылымъ.

Всѣхъ жителей въ Маймаченѣ, считая торгующій классъ въ самомъ городкѣ, а также ремесленниковъ и бѣдняковъ въ пригородной его части, или какъ она здѣсь называется «огороды», едва ли будетъ болѣе 2.000. Въ прежнее же время населеніе его было до 4.000 человѣкъ, но съ упадкомъ торговли постепенно сокращалось. Если наружный видъ Маймачена такъ непривлекателенъ, то внутренній еще болѣе, хотя онъ весьма интересенъ какъ въ отношеніи своихъ построекъ, равнымъ образомъ и строемъ жизни обитателей.

Типъ построекъ, расположеніе улицъ и внутренняя городская жизнь Маймачена очень оригинальны. Несмотря на близость русскаго поселенія, Маймаченъ построенъ во всѣхъ деталяхъ чисто въ китайскомъ стилѣ, почему оригинальность его выступаетъ еще рѣзче.

Торговая часть города представляетъ правильный четыреугольникъ, прорѣзанный тремя главными узкими улицами и одной поперечной. Вся эта часть города обнесена невысокой кирпичной стѣной съ воротами, запирающимися со стороны Кяхты на всю ночь. Улицы настолько узки, что два экипажа едва могутъ разъѣхаться. Фасада домовъ въ улицу не существуетъ, или же они ничѣмъ не отличаются отъ стѣнъ, какія идутъ во всю длину улицъ. Выдѣляются только входныя ворота, обыкновенно украшенныя рѣзьбой, орнаментами и выкрашенныя въ яркіе цвѣта. Входъ въ жилье со двора; дворы очень невелики и обыкновенно выстланы деревомъ, а у богатыхъ и покрыты.

Изъ построекъ Маймачена по оригинальности выдѣляются башни надъ входными воротами, окрашенныя въ яркую красную краску съ массой всевозможной рѣзьбы.

Особенно капитальныхъ большихъ построекъ въ Маймаченѣ почти нѣтъ. Выдѣляются только нѣсколько кумиренъ, изъ которыхъ одна въ самомъ городѣ и двѣ за стѣнами его.

По архитектурѣ городская кумирня заслуживаетъ вниманія, но, конечно, не по внѣшнему своему виду, а по внутренней отдѣлкѣ, замѣчательной рѣзьбѣ, сочетанію красокъ и по своей оригинальности въ расположеніи. Очень много теряетъ кумирня отъ отсутствія внутри освѣщенія. Хотя быть можетъ такая темнота и располагаетъ буддиста къ молитвѣ и отрѣшенію отъ всего земного, но на православнаго посѣтителя дѣйствуетъ подавляюще непріятно, въ особенности при сравненіи съ его храмами.

Правильнаго служенія въ кумирняхъ не бываетъ за отсутствіемъ постояннаго духовенства. Краткія же службы совершаются обыкновенно въ нѣкоторые большіе праздники, какъ напримѣръ въ Новый годъ, особыми выборными изъ своей среды такими же гражданами. Къ тому же и все служеніе заключается лишь въ поклонахъ, принесеніи жертвенныхъ даровъ: чая, хлѣба, сластей и ставленію свѣчей изъ ароматической травы.

Завѣдующему кумирней обыкновенно поступаетъ наибольшая часть приношеній. Ввиду того, что среди китайцевъ Маймачена очень много различныхъ сектантовъ, то и неудивительно, что всѣ обряды и отношенія къ ихъ религіозной жизни весьма различны. Взгляды же большинства китайцевъ Маймачена на свою религію вполнѣ индеферентны. Торговля, жажда наживы совершенно убила въ мѣстныхъ китайцахъ какой-либо интересъ къ чему-либо другому. Вся обычная обрядовая жизнь сводится у нихъ къ чисто одной лишь привычкѣ жить именно такъ, а не иначе. Цѣль жизни онъ видитъ лишь въ одной наживѣ, а все остальное считаетъ совершенно лишнимъ, исполнять которое заставляетъ его лишь только обычай старины *.

Внутренній видъ Маймачена заставляетъ желать очень многаго относительно своей чистоты. Если на главныхъ улицахъ соръ и грязь убираются домохозяевами, то остальная часть города и пригородная площадь никогда не приводилась въ порядокъ, почему можно себѣ представить насколько она загрязнена и запущена. Къ тому же эта единственная площадь занята базаромъ и черезъ нее въ прежнія времена проходило до сотенъ тысячъ каравановъ съ чаемъ.

Нѣкоторыя, очень уже загрязненныя мѣстности Майма-

---

* Къ старинѣ китаецъ вообще относится съ большимъ уваженіемъ. Равнымъ образомъ и старики у китайцевъ пользуются особымъ вниманіемъ и почтеніемъ.

чена, лежащія вблизи Кяхты, благодаря настояніямъ русскаго купечества вычищались, но, конечно, также быстро опять приходили въ прежній видъ. Въ общемъ мѣстные китайцы не отличаются чистотой одинаково и своихъ домовъ. Кухонные отбросы обыкновенно выливаются тутъ же у воротъ, соръ заметается къ сторонѣ и при первомъ же вѣтрѣ разносится по улицамъ. Въ особенности грязный видъ представляетъ Маймаченъ весной и лѣтомъ.

Достойно удивленія, что, живя при такихъ антисанитарныхъ условіяхъ, маймаченскіе китайцы рѣдко переживаютъ эпидеміи. Повидимому, отсутствію эпидемій способствуетъ и яркое забайкальское солнце, равно отсутствіе сырого времени года и весенніе вѣтра. Также и расположеніе Маймачена, открытаго со всѣхъ сторонъ, несмотря на свою скученность и тѣсноту построекъ, даетъ все же достаточный доступъ животворному воздуху и просторъ вѣтрамъ.

Въ послѣднее время китайцы обратили вниманіе на воду. Благодаря указаніямъ русскаго населенія, они стали весьма заботливо охранять ея чистоту, что, конечно, также дало большіе шансы къ оздоровленію.

Изъ эпидемій, которыя оставляли значительный слѣдъ въ Маймаченѣ, можно назвать оспу и въ послѣдніе года инфлюенцію. Въ общемъ же народъ рѣдко хвораетъ и смертность незначительна.

Средняя годовая смертность Маймачена колеблется отъ 30 до 60 человѣкъ въ годъ. Статистика умершихъ ведется мѣстнымъ начальникомъ города, такъ называемымъ «дзаргучеемъ». Счисленіе обыкновенно ведется съ 15-го числа 7-й луны, т. е. приблизительно съ половины нашего августа *. Большинство умершихъ лишь временно остается въ городѣ, такъ какъ каждый родственникъ-китаецъ старается

---

* Сообщено китайцами города Маймачена.

отправить покойника на родину. Остаются же здѣсь только бѣдняки.

Въ виду такихъ дальнихъ отправокъ, хоронятъ китайцевъ обыкновенно въ очень толстыхъ деревянныхъ гробахъ, въ которыхъ и перевозятъ съ караванами на родину. Отправки на родину иногда бываютъ черезъ годъ, а то и болѣе, почему временно гроба съ покойниками ставятся въ особо отведенный для этого дворъ при одной изъ пригородныхъ кумиренъ.

Бѣдняковъ же хоронятъ за городомъ въ землю или оставляютъ въ гробахъ прямо на землѣ, почему нерѣдко, съ первымъ весеннимъ теплomъ, южный вѣтеръ приноситъ въ сосѣднюю въ Кяхту такое зловоніе, что заставляетъ всѣхъ имѣющихъ возможность скорѣе выселяться на дачи.

Одной изъ замѣчательныхъ особенностей Маймачена нужно считать то, что въ городѣ совершенно отсутствуютъ женщины и дѣти, что, конечно, налагаетъ свой особый колоритъ на городскую жизнь этого города.

Проживаніе женщинъ въ Маймаченѣ было запрещено китайскимъ правительствомъ и хотя впослѣдствіи, сравнительно недавно, было разрѣшено, но китайцы, сжившіеся за сотню лѣтъ съ такимъ положеніемъ, не воспользовались разрѣшеніемъ. Къ тому же и устройство самыхъ жилищъ и строй жизни въ домахъ заставили бы китайца многое измѣнить, на что они не особенно охотливы.

Мѣстные китайцы, повидимому, и сами не особенно желали бы доставки своей семьи, такъ какъ это заставило бы производить лишнія траты, а жизнь въ Маймаченѣ не можетъ считаться такой дешевой, какъ въ Китаѣ. Къ тому же, черезъ каждые три года, семьянинъ пользуется годовымъ отпускомъ на родину, а богатые могутъ уѣзжать и чаще, почему все это и не представляетъ необходимости китайцу-торгашу особенно тяготиться раздѣль-

ной жизнью съ семьей. Близость же монгольскаго женскаго населенія, а отчасти и русскаго пополняютъ китайцу все остальное.

Все населеніе Маймачена, за малымъ исключеніемъ, занимается куплей-продажей. Ремесленниковъ очень немного. Изъ нихъ наибольше столяры, огородники, обслуживающіе потребности какъ своихъ китайцевъ, равно и сосѣдей русскихъ. Есть также немного слесарей, кузнецовъ, кожевниковъ, но все это лишь какъ исключеніе.

Заводской промышленности, въ полномъ смыслѣ, не существуетъ, такъ какъ нельзя, конечно, назвать заводами тѣ нѣсколько мельницъ, съ коннымъ приводомъ, которыя перерабатываютъ каждая въ сутки 2 или 3 десятка пудовъ зерна. Кустарной промышленности также не замѣчается.

Маймаченское торговое населеніе можно подраздѣлить на крупныя торговыя фирмы съ десяткомъ служащихъ, ведущихъ обороты на сотню тысячъ рублей въ годъ, мелкихъ торговцевъ лавочниковъ, продающихъ разные предметы домашняго обихода для китайцевъ и монголъ, и такъ называемыхъ здѣсь «мелошниковъ», торгующихъ въ разносъ и въ большинствѣ случаевъ не только своимъ товаромъ, но берущихъ товаръ на комиссію у большихъ торговцевъ. Эти послѣдніе самые распространенные здѣсь торговцы. Черезъ такого «мелошника» можно достать положительно всѣ товары, которыми торгуютъ китайцы, и къ тому же съ тѣмъ удобствомъ, что все необходимое будетъ доставлено покупателю на домъ. Изъ такихъ мелкихъ торгашей нерѣдко скоро выходятъ довольно крупные торговцы. Честностью они особенной, конечно, не отличаются, такъ какъ и благосостояніе свое обыкновенно получаютъ не столько честной, сколько «ловкой» продажей покупателю, въ особенности изъ пріѣзжихъ. Не безъ основанія среди мѣстныхъ жителей они и извѣстны подъ кличкой «тянутая шельма».

Большія торговыя фирмы Маймачена носятъ общее названіе — лавокъ. Напримѣръ, лавка Сефаюнъ, лавка Синтайлунъ и т. д. Хотя въ нѣкоторыхъ лавкахъ и участвуетъ нѣсколько компаньоновъ, но тѣмъ не менѣе названіе фирмы сохраняется по фамиліи главнаго распорядителя-хозяина.

Управленіе маймаченскими лавками иногда поручается и особому довѣренному, а самъ хозяинъ-распорядитель, или какъ они зовутся «серебро-хозяинъ», т. е. на чьи собственно деньги устроена первоначальная торговля, живетъ или въ Калганѣ, или же въ Ургѣ. Каждая большая лавка имѣетъ нѣсколько служащихъ крупныхъ и мелкихъ, у которыхъ строго опредѣлены занятія, хотя при недостаткѣ каждый служащій вполнѣ подчиняется распоряженію хозяина въ назначеніи ему занятія.

Иногда занятіе, которое долженъ выполнять такой служащій, далеко для послѣдняго не симпатичное, такъ напримѣръ чистка, укупорка товаровъ, чистка лавки, а въ нѣкоторыхъ чистка двора и караулъ ночью товарныхъ амбаровъ.

Всѣ служащіе лавки, какъ-то: приказчики, купорщики и остальные, живутъ тутъ же въ лавкѣ, а такъ какъ по условіямъ они черезъ извѣстное число лѣтъ являются компаньонами въ распредѣленіи барышей фирмы, то неудивительно, что каждый изъ приказчиковъ всегда и вполнѣ освѣдомленъ со всѣми подробностями торговаго обихода лавки и дѣйствуетъ вполнѣ въ интересахъ фирмы, у которой служитъ.

Отношеніе служащихъ къ хозяину и вообще къ заправиламъ фирмы изобилуетъ массой всевозможныхъ этикетовъ, условностей, чинопочитаніемъ, если можно такъ назвать.

Зависимость служащаго отъ воли хозяина и интригъ между собой, конечно, должна была развить у первыхъ въ значительной мѣрѣ хитрость, обманъ, лесть.

Въ особенности строго держатъ мелкихъ служащихъ. Начиная свою службу обыкновенно съ комнатнаго мальчика, такой служащій первое время страшно эксплоатируется не только самимъ хозяиномъ, но и болѣе старшими изъ служащихъ.

За время службы комнатнымъ мальчикомъ, послѣдній, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, долженъ посвящать часть дня изученію китайскихъ дзыровъ (буквъ) и письма, а также разговорныхъ русскихъ словъ и фразъ на особомъ неправильномъ нарѣчіи, примѣры котораго привожу ниже.

Торговля въ маймаченскихъ лавкахъ существуетъ на артельныхъ началахъ, т. е. каждый изъ приказчиковъ, смотря по долговременности своего служенія и способностямъ, получаетъ извѣстный процентъ съ чистаго барыша, или принимается въ извѣстной части капитала, на которую и отсчитывается соразмѣрная часть чистаго барыша по окончаніи торговаго года. Вознагражденіе получаютъ служащіе въ лавкахъ очень небольшое, а именно отъ 40 до 200 р. на русскія деньги за годъ, которыя при убыточныхъ годахъ являются единственнымъ заработкомъ. Высшій окладъ жалованья рѣдко когда превышаетъ, съ процентами, 800 или 1.000 рублей.

По истеченіи каждыхъ трехъ лѣтъ, китаецъ-служащій пользуется обыкновенно годовымъ отпускомъ на родину, съ сохраненіемъ всего годичнаго жалованья, или въ половинномъ размѣрѣ, смотря по заслугамъ.

Живя въ лавкѣ, китаецъ-служащій пользуется даровой квартирой, полнымъ содержаніемъ, а въ нѣкоторыхъ фирмахъ дается разъ въ 3 года и верхнее платье, хотя послѣднее почти уже вывелось.

Какъ ни мало, на первый взглядъ, получаетъ китаецъ за свои труды, но если знать жизнь его, полную почти вся-

каго отсутствія духовныхъ потребностей, то неудивительно, что и изъ такого мизернаго вознагражденія онъ умѣетъ составить сбереженія и пересылать такія къ себѣ на родину семьѣ.

Нѣкоторые же, въ особенности прожившіе въ лавкѣ десятокъ, а то и болѣе лѣтъ, впослѣдствіи на родинѣ своими сбереженіями проживаютъ до конца своей жизни безбѣдно. Конечно, жизнь такая возможна только въ Китаѣ и китайцамъ, такъ какъ въ дѣйствительности потребности ихъ жизни сведены до минимума, дешевыя же жизненныя продукты въ Китаѣ позволяютъ имъ тратить на это очень мало.

Жизнь маймаченскаго китайца для наблюдателя покажется слишкомъ однообразной и скучной. Всѣ его интересы сводятся единственно къ торговлѣ во всѣхъ ея видахъ. Жизнь здѣшняго китайца является для него единственной цѣлью нажить лишній рубль, скопить небольшое сбереженіе и уѣхать навсегда на свою родину, гдѣ почти у каждаго есть свой клочокъ земли, который и даетъ средства къ существованію. Сбереженіе же дастъ возможность или расширить свое хозяйство, или завести собственную торговлю, или, у немногихъ, почить отъ трудовъ, проживая ренту съ своего капитала.

Каждый торговецъ-китаецъ лелѣетъ мечту стать хозяиномъ и имѣть свое дѣло, которое бы обезпечивало его старость.

Общественной жизни въ Маймаченѣ, въ томъ смыслѣ, какъ привыкли понимать ее мы, совершенно нѣтъ. Каждая лавка живетъ своей замкнутой обособленной жизнью. Торговля и пропитаніе составляютъ единственно ея заботу. Ко всему же остальному, не затрагивающему торговые интересы, китайцы относятся вполнѣ индеферентно и безучастно.

Нѣтъ у нихъ здѣсь ни газетъ, ни книгъ, и всѣмъ этимъ они почти не интересуются. Получается только оффиціальная Пекинская газета однимъ, много двумя лицами, которую хотя и читаютъ они, но свѣдѣніямъ тѣмъ не придаютъ никакого значенія, такъ какъ увѣрены, что правительство ихъ не пишетъ правды. Отчасти въ этомъ они могли горько убѣдиться въ послѣднія смуты боксеровъ, когда въ газетѣ писались лишь дифирамбы чиновникамъ и не сообщалось ни о какихъ неудачахъ. Всѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о ходѣ смутъ, пораженіяхъ и пр. они получали отъ русскихъ.

Въ эту же смуту мѣстные китайцы еще болѣе доказали, насколько ихъ мало интересовало все, касающееся ихъ родины. Болѣе всего они боялись, во-первыхъ, какого-либо предписанія изъ Пекина, которое заставило бы ихъ стать въ недружелюбное отношеніе къ русскимъ, а также и того, что разъединеніе съ русскимъ населеніемъ повлечетъ за собой полный упадокъ торговли.

За все время внутреннихъ смутъ мѣстные китайцы особенно боялись внезапнаго нападенія русскаго населенія на Маймаченъ и его разграбленія. Понимая же вполнѣ свою полную неспособность противостоять какому-либо насилію, многія купеческія фирмы заранѣе заручались согласіемъ своихъ русскихъ друзей, въ случаѣ какихъ-либо неожиданностей, принять ихъ подъ свое покровительство и позволить переселиться въ Кяхту со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Въ общемъ же за время этихъ тревожныхъ волненій мѣстные китайцы къ удачамъ и неудачамъ своихъ далекихъ согражданъ относились наружно вполнѣ безучастно. То же замѣчалось и въ китайско-японскую войну, отчасти потому, что мѣстные китайцы и по сейчасъ слишкомъ большого мнѣнія о своихъ войскахъ, ихъ непокоримой силѣ и проч. А также при всѣхъ неудачахъ, большихъ пораженіяхъ,

массѣ убитыхъ обыкновенно хладнокровно говорили, что «въ Китаѣ народу очень много и потому никакія громадныя потери его незамѣтны для страны» *.

Общественныхъ сборищъ въ Маймаченѣ почти нѣтъ, если не считать два, три сборища въ году, въ нѣкоторые религіозные обряды праздниковъ, или по пріѣздѣ какихъ-либо высшихъ чиновниковъ. Единственное мѣсто, гдѣ собирается иногда общество китайцевъ (простого народа въ большинствѣ), это во дворѣ народнаго театра. Вообще зрѣлища для китайца составляютъ большой интересъ. Здѣсь въ толпѣ онъ узнаетъ разныя новости, обмѣнивается ими, совершаетъ нѣкоторыя сдѣлки и проч.

Къ интересамъ же страны и государства китайцы, какъ уже сообщалось, относятся безучастно, почему и на такихъ сборищахъ разговоровъ, помимо узкихъ спеціально мѣстныхъ, никакихъ другихъ не бываетъ.

Если же что̀ и заставляетъ временно волноваться китайца, такъ это или полученное извѣстіе о какомъ-либо бѣдствіи на своей родинѣ, какъ голодъ, болѣзни, или же вѣсть о новыхъ правительственныхъ налогахъ и пр. Вообще китаецъ болѣе чувствителенъ къ своему карману, чѣмъ къ какимъ-либо прямо не касающимся его вопросамъ.

Кромѣ хитрости и любопытства, присущихъ вообще всей желтой націи, мѣстные китайцы отличаются еще особой безцеремонностью своихъ отношеній къ русскому населенію, переходящей иногда прямо въ нахальство. Конечно, отчасти въ этомъ отношеніи виновато и само русское населеніе, которое, благодаря своему гостепріимству и терпимости, позволило китайцамъ переходить границы общепринятаго уваженія къ правамъ и обязанностямъ сосѣда.

---

* «На̀мо мѣсто лю̀ди шѝбоко много—чего̀ сшитай:—все убилъ не буду», т. е. у насъ (въ Китаѣ) народу много—что считать—всѣхъ не убьютъ.

Въ этомъ отношеніи китайцы болѣе всего отличаются назойливостью въ своихъ посѣщеніяхъ, высиживаніи цѣлыми группами по нѣсколько часовъ кряду, безъ всякаго дѣла.

Отъ такихъ посѣщеній никто здѣсь не гарантированъ, и хотя рѣдко не возмущенъ, но тѣмъ не менѣе, не желая ломать обычай старины, терпѣливо примиряется какъ бы съ невольной необходимостью. Насколько безцеремонность китайца переступаетъ границы, служитъ доказательствомъ то, что почти ни одна комната въ домѣ русскаго купца не гарантирована отъ посѣщенія китайца, который, нося обыкновенно одну и ту же одежду на дворѣ и въ комнатѣ, одну и ту же обувь, не заботясь особенно о чистотѣ своего костюма, конечно, является разносчикомъ всевозможныхъ бактерій, а если ко всему этому добавить, что почти всѣ китайцы употребляютъ всегда чеснокъ и черемшу, то можно себѣ представить, каковъ бываетъ воздухъ послѣ подобныхъ посѣщеній.

Приходятъ и знакомые, но и совершенно незнакомые, съ предложеніемъ какихъ-либо товаровъ, а то такъ и вовсе безъ всякаго дѣла. Высиживаютъ нѣсколько часовъ въ какой-либо комнатѣ, не стѣсняясь даже «прихожихъ» (переднихъ) и, накуривши, надышавши чеснокомъ, благодушно отправляются домой.

Насколько развита торговля съ предложеніемъ на домахъ у мѣстныхъ китайцевъ, доказывается и тѣмъ, что нѣкоторыя большія лавки имѣютъ отдѣльныхъ приказчиковъ, говорящихъ болѣе хорошо по-русски, которые спеціально назначаются только для хожденія по русскимъ домамъ съ предложеніемъ.

Желая избѣжать посѣщеній китайцевъ, нѣкоторыя русскія фирмы опредѣлили для такихъ посѣщеній особыя комнаты въ своихъ домахъ, но и эта мѣра не всегда бываетъ достаточной.

Въ прежніе года, во время чайныхъ расторжекъ, въ зимніе мѣсяца, у каждаго торгующаго русскаго купца собиралось иногда по 30, 40 человѣкъ китайцевъ, которые высиживали съ ранняго утра до поздняго времени, тутъ же угощаясь чаемъ, пуншемъ, папиросами и пр.

Обычай этотъ постепенно современемъ сталъ отходить въ область преданій, также и посѣщенія китайцевъ получили нѣкоторое сокращеніе, относительно ихъ безцермонности, что, конечно, для многихъ явилось непріятностью. Отчасти вызвано это было и тѣмъ, что за послѣднее время, съ сокращеніемъ торговли, китайскія лавки почти совершенно перестали посѣщать русскихъ въ лицѣ своихъ представителей, державшихся все же болѣе коректно, а стали поручать торгъ своимъ мелкимъ служащимъ, въ большинствѣ совершеннымъ невѣждамъ. Также за послѣднее время страшно много развелось китайцевъ мелочниковъ, держащихъ себя съ большимъ нахальствомъ и далеко нечистоплотныхъ въ отношеніи собственности.

Нужно отдать справедливость, что среди прежнихъ торговцевъ китайцевъ, владѣльцевъ лавокъ и ихъ представителей было далеко болѣе лицъ, заслуживавшихъ лучшихъ отношеній со стороны русскихъ. И теперь еще изъ такихъ торговцевъ найдется не мало, которые дѣйствительно являлись друзьями, «пріятелями» русскаго купечества, а также и торговыя отношенія съ ними носили лучшій оттѣнокъ, чѣмъ теперь.

Населеніе Маймачена въ большинствѣ все бывшіе земледѣльцы сѣверныхъ провинцій Китая. Китайцевъ южной части Китая здѣсь далеко меньше.

Въ образовательномъ отношеніи всѣ мѣстные китайцы ушли очень недалеко, хотя почти всѣ живущіе здѣсь грамотны, нѣкоторые же выучились не только говорить по-русски, но и писать, чѣмъ, конечно, очень гордятся.

Ни школъ, ни особыхъ учителей въ Маймаченѣ нѣтъ. Учатъ молодыхъ пріѣзжихъ китайцевъ приказчики лавокъ, а по-русски обыкновенно кто-либо изъ знакомыхъ русскихъ между дѣломъ и, понятно, безвозмездно.

Взгляды и понятія китайцевъ на жизнь очень своеобразны. Почти всѣ они страшно суевѣрны, недовѣрчивы, боязливы въ отношеніи своихъ власть-имущихъ.

Чинопочитаніе сильно развито, даже и среди своихъ горожанъ, стоящихъ на одинаковой ступени съ ними по отношенію къ состоянію, положенію и пр. Въ особенности чинопочитаніе по должностямъ замѣчается въ жизни лавки. Здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо проявляется у китайца и его льстивость, хитрость и боязнь навлечь неудовольствіе.

Отецъ съ сыномъ, по правиламъ, не могутъ служить въ одной и той же лавкѣ, а обыкновенно служатъ въ разныхъ. Также и братья и вообще ближайшіе родственники.

Въ отношеніяхъ своихъ къ русскому населенію китайцы хотя и выглядятъ простаками и друзьями, но все это, конечно, въ большинствѣ случаевъ восточная хитрость. Считая свою націю умнѣе, гордясь численностью своей страны, а также ставя себя выше всѣхъ, они въ сущности далеко не такіе «милые пріятели», какъ кажутся.

Двуличность, одна изъ чаще встрѣчаемыхъ среди ихъ чертъ, вошла даже въ поговорку. Какъ ни близокъ китаецъ къ русскому, тѣмъ не менѣе онъ не упуститъ случая за спиной того же русскаго, будь онъ хотя и близкій другъ, при случаѣ обмануть, провести, и все, конечно, ради того же лишняго рубля. Прежде всего мѣстный китаецъ коммерсантъ, но коммерція его въ большинствѣ далеко не чистоплотна.

Особенно сильно и безнаказанно эксплоатируетъ китаецъ крестьянское населеніе ближайшихъ деревень. Рѣдкая деревня въ Забайкалѣ не имѣетъ одного или двухъ торгов-

цевъ китайцевъ. Но не въ торговлѣ тутъ дѣло. Одной изъ приманокъ китайцу селиться въ деревнѣ является возможность дешеваго скупа золота отъ хищниковъ и мелкихъ золотопромышленниковъ. Въ особенности въ деревняхъ по Чикою, Хилку и Джидѣ. Скупка золота до послѣдняго времени составляла очень выгодное предпріятіе. Покупка на деньги, конечно, почти отсутствовала. Платилось за просимое золото разнымъ товаромъ, виномъ (ханшинъ). Въ виду же того, что свободная продажа золота въ то время не существовала, и вся операція купли-продажи должна была производиться подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, можно уже по этому видѣть, какъ должны были продавцы подчиняться безусловно всѣмъ требованіямъ такого покупателя, которыя, конечно, ставились прямо хищническія. Если болѣе крупные предприниматели имѣли иногда возможность безнаказанно свезти свой золотой товаръ въ Маймаченъ, гдѣ и продать за деньги и на лучшихъ условіяхъ, то мелкіе уже безусловно находились въ рукахъ китайца-скупщика въ деревнѣ и подчинялись всѣмъ его условіямъ.

Съ открытіемъ золота въ Чикойской тайгѣ, можно съ увѣренностью сказать, что добрая половина всего добытаго золота перешла въ Китай черезъ мелкихъ агентовъ-скупщиковъ и крупныхъ маймаченскихъ торговцевъ. По приблизительному подсчету, ежегодно Маймаченъ скупалъ русскаго золота и вывозилъ во внутренній Китай до 80 пудовъ, не считая тѣхъ мелкихъ скупщиковъ, которые отправляли непосредственно сами въ Ургу и далѣе. Собственно чикойскаго золота закупалось китайцами, вѣроятно, пудовъ до 20, остальное же получалось ими въ Иркутскѣ, Верхнеудинскѣ и др. мѣстахъ отъ контрабандныхъ продавцовъ съ Лены, Витима и изъ Енисейской тайги, а въ послѣднее время попадала и часть амурскаго. Несмотря на всю строгость

преслѣдованія и карауловъ по сбыту золота, сбытъ его заграницу не прекращался все время. Открытая граница и невозможность окарауливанія ея даютъ возможность такой тайной продажи золота.

Мелкая золотопромышленность въ краѣ не могла, конечно, выносить на своихъ плечахъ всѣ тѣ трудности, которыми обставлена вообще золотопромышленность на Руси въ возвратѣ затраченнаго капитала черезъ полученіе ассигновокъ громадной подесятинной подати и пр., почему китайцы-скупщики, а также и нѣкоторые русскіе по деревнямъ являлись «банкирами», ссужавшими подъ золото средства и покупавшими товаръ немедленно по полученіи; т. е., другими словами, возвращавшими быстро и безъ хлопотъ затраты промышленника. Тѣ потери въ цѣнѣ, которыя неминуемо должны были быть въ данномъ случаѣ, считая скорость оборота капитала, являлись незамѣтными.

За послѣднее-время посредниками между хищниками и мелкими предпринимателями являлись и нѣкоторые изъ торгующихъ русскихъ, которые одновременно сбывали свой товаръ и, получая на перепродажѣ золота хорошій дивидендъ, постепенно развивали и свою торговлю, т. е. зарабатывали вдвойнѣ.

Въ рѣдкой русской значительной деревнѣ или селѣ не увидите этихъ лавчонокъ, гдѣ товару рѣдко наберется на сотню — другую рублей, а хозяинъ которой рѣдко въ то же время не богатъ. Водка и товаръ главный обмѣнъ на золото, и только въ очень немногихъ деревняхъ покупка золота идетъ на деньги, но, конечно, также съ большой уцѣнкой.

Для опредѣленія пробы золота и цѣны его каждый скупщикъ имѣетъ при себѣ флакончикъ «царской водки» и аспидный камешекъ, на которомъ, проводя черту золотинкой, по цвѣту ея опредѣляетъ «пробу» и назначаетъ цѣну, которая рѣдко оспаривается продавцомъ.

Отдавая должное китайской предпріимчивости и трудолюбію, нельзя не замѣтить, что они въ то же время очень немного что̀ заимствовали отъ русскаго населенія въ культурномъ отношеніи. Китаецъ очень крѣпко держится своихъ взглядовъ на жизнь, занятія, обычая и вѣрованій.

Несмотря на близкое сожительство, общіе интересы, онъ въ рѣдкихъ случаяхъ въ чемъ измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ. Наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ ко всему относится подозрительно, недовѣрчиво и съ предубѣжденіемъ.

Обрусѣвшихъ китайцевъ въ краѣ очень немного и то, скорѣе, обрусѣлость только наружная.

Почти все болѣе или менѣе состоятельное населеніе Маймачена рано или поздно уѣзжаетъ къ себѣ на родину. Очень немного исключеній, когда китайцы, заѣхавшіе въ Маймаченъ, остаются въ немъ до конца своихъ дней. Поэтому населеніе довольно часто мѣняется. Болѣе осѣдло основались здѣсь ремесленники, имѣющіе свои мастерскія и проч.

Если торговый людъ, заѣзжая въ Маймаченъ, не прерываетъ совершенно связи съ своимъ домомъ и хозяйствомъ на родинѣ, навѣщая родину черезъ два-три года, то въ числѣ ремесленниковъ это является какъ исключеніе. Большая же часть ихъ, по ихъ увѣреніямъ, совершенно ликвидировали свои хозяйства на родинѣ и потому устроились въ Маймаченѣ на всю свою жизнь.

Китайскіе ремесленники заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ по своему искусству, акуратности, такъ равно и по той пользѣ, которую приносятъ они не одному только Маймачену, но и сосѣднимъ Кяхтѣ и Троицкосавску, гдѣ имѣютъ постоянные заказы.

Въ особенности изъ ремесленниковъ пользуются сильнымъ спросомъ столяры. Единственно, что можно поставить въ упрекъ китайцу-ремесленнику, это его «копотливость», которая вообще присуща всей націи.

Слабосильность и «копотливость» китайца заставили избѣгать его какъ работника на заводахъ, промыслахъ и пр., хотя, съ другой стороны, отсутствіе среди китайцевъ пьянства, прогульныхъ дней по случаю праздниковъ, невзыскательность въ одеждѣ и пропитаніи дѣлали ихъ идеальными рабочими. Русское населеніе въ рѣдкихъ случаяхъ обращается къ труду китайца какъ работника, исключеніе составляютъ огородники, которые, безспорно, являются здѣсь лучшими.

У китайцевъ очень мало праздниковъ, въ которые работа прекращается надолго. Если не считать празднуемые ими каждое первое и пятнадцатое число мѣсяца, когда занятія и работы идутъ своимъ порядкомъ, то изъ большихъ праздниковъ можно назвать Новый годъ, когда всякія работы останавливаются на весь мѣсяцъ, за немногими исключеніями. Праздникъ этотъ бываетъ приблизительно въ половинѣ нашего февраля и называется китайцами «бѣлый мѣсяцъ»*.

Торговля хотя въ общемъ и не прекращается, но вмѣстѣ съ тѣмъ все же идетъ въ это время безъ той лихорадочности, какъ въ остальное время года. Отдѣльными праздниками этого мѣсяца можно назвать: день Новаго года, въ который китайцы не выходятъ изъ Маймачена, гдѣ весь день проводятъ въ хожденіи другъ къ другу съ поздравленіями, играютъ въ кости и пр. «Счастливый день», или собственно торговый праздникъ, когда почти всѣ торгующіе китайцы стараются обязательно совершить какую-либо торговую сдѣлку, считая, что разъ этотъ день завершится выгодной торговой сдѣлкой, то и весь годъ будутъ хорошія дѣла. Въ этотъ день китайскія лавочки почти въ полномъ составѣ, въ праздничныхъ костюмахъ, разъѣзжаютъ по

---

* По-монгольски и по-бурятски «Цаганъ-Саръ».

своимъ знакомымъ русскимъ фирмамъ, гдѣ для нихъ готовится угощеніе, разныя вина, и гдѣ китаецъ, въ сущности, «однажды» въ году является гостемъ и пользуется радушнымъ пріемомъ и обильнымъ угощеніемъ. Обычай этотъ очень старый; также старо и обыкновеніе въ этотъ день одаривать китайцевъ платками полотнянными или шелковыми. Откуда и по какому случаю ввелся этотъ обычай, узнать не удалось. Въ послѣдніе года обычай посѣщенія русскихъ въ «счастливый день» постепенно выводится, ввиду упадка торговли.

Третій отдѣльный праздникъ «бѣлаго мѣсяца» — такъ называемый «фонарный день», бывающій обыкновенно въ концѣ мѣсяца. Этотъ день является какъ бы отвѣтнымъ днемъ русскихъ для отдачи визитовъ китайцамъ. Утромъ обкновенно близкіе торговцы-друзья посѣщаютъ китайцевъ, которые, въ свою очередь, угощаютъ русскихъ. Вечеромъ же по всему городу, разукрашенному бумажными флагами, зажигаютъ множество причудливыхъ формъ фонарей, которые придаютъ городу особенный фантастическій видъ; если же прибавить къ этому, что почти весь вечеръ идетъ пальба китайскаго фейерверка, такъ называемыхъ «хлопушекъ», движется масса народа, монголовъ, бурятъ, русскихъ, китайцевъ, всюду шумно, тѣсно,—то картина получается совершенно особенная и даже для мѣстныхъ постоянныхъ жителей всегда интересная.

Въ особенности шумно праздновался этотъ «фонарный день» въ недавніе прошлые и въ лучшіе торговые года. Насколько въ обычное время внутренняя жизнь Маймачена сѣра, монотонна и мало интересна, настолько въ этотъ день все положительно носитъ какой-то новый, своеобразный по интересу характеръ. Въ прежніе года въ «фонарный день», можно не преувеличивая сказать, въ Маймачень бывало перебываетъ почти все населеніе Кяхты и

Китайскій купецъ (хозяинъ лавки) въ Маймаченѣ.

Типы забайкальскихъ бурятъ Селенг. окр. „Есачный“ съ Абактуя 27 лѣтъ.

Типъ мѣстнаго зажиточнаго бурята Селенгинскаго окр. 63 лѣтъ.

Съ фот. Г. Чарушина.

Шереръ, Набгольцъ и Ко.

Троцкосавска и почти всѣ, за небольшимъ исключеніемъ, находили радушный пріемъ и обильное угощеніе. Къ слову, нельзя не вспомнить здѣсь и того, что мѣстное русское рабочее населеніе иногда слишкомъ уже грубо пользовалось радушіемъ китайцевъ, требуя себѣ угощенія, а главное выпивки излюбленнаго «ханшина», послѣ чего дѣло рѣдко обходилось безъ буйствъ. Это послѣднее и заставило впослѣдствіи китайцевъ быть разборчивѣе въ пріемѣ гостей и даже просить содѣйствія русскихъ властей въ огражденіи себя отъ такихъ посѣтителей. Но и при всемъ томъ день этотъ у китайцевъ, освященный стариной, тѣмъ не менѣе являлся всегда желаннымъ для сосѣдей русскихъ, которые шли съ увѣренностью, что будутъ гостями.

Торгующій русскій классъ въ «фонарный день», послѣ окончанія визитовъ по маймаченскимъ лавкамъ, завершалъ вечеръ обыкновенно ужиномъ у кого-либо изъ своихъ китайскихъ друзей. Нерѣдко въ одной и той же лавкѣ ужинали двѣ и три русскія фирмы, или отдѣльныя семейства.

Коснувшись угощенія китайцевъ, нельзя обойти молчаніемъ одинъ обычай, или вѣрнѣе, пожалуй, привычку, а именно: въ теченіе года разъ, а то и нѣсколько разъ, русскіе купцы заказываютъ въ знакомыхъ лавкахъ китайскій обѣдъ какъ для себя, такъ и для своихъ знакомыхъ. Китайцы не только не въ претензіи за такіе заказы, но, наоборотъ, считаютъ чѣмъ-то лестнымъ получить заказъ отъ своихъ друзей русскихъ. Конечно, обѣды такіе дѣлаются безплатно, или въ рѣдкихъ случаяхъ одариваются подарками. Обѣдъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ различныхъ національныхъ блюдъ и вина, такъ называемаго «майгала» (приготовляемаго изъ рису).

Почти всѣ русскіе очень любятъ китайскую кухню, которая дѣйствительно очень тонкая и своеобразная. Конечно, въ обѣдахъ этихъ нѣтъ тѣхъ кушаній, о которыхъ обы-

кновенно упоминали всѣ прежніе путешественники, то есть щенковъ, кошекъ, мышей и пр. Наоборотъ, здѣсь весь обѣдъ состоитъ на половину изъ различныхъ овощей, морскихъ молюсковъ, водорослей, изъ мяса же: баранина, свинина, дичь, и все это обыкновенно приготовлено очень искусно и совершенно оригинально. Всѣ блюда подаются въ небольшомъ количествѣ и чередуются все время различными соусами, супами, закусками. Соли китайцы почти не употребляютъ, и ее у нихъ замѣняетъ особый уксусъ, безъ котораго не употребляется почти ни одно блюдо и который, въ свою очередь, придаетъ особый вкусъ и пикантность всѣмъ кушаньямъ.

У простого рабочаго класса русскаго населенія пользуются особеннымъ вниманіемъ китайскіе «пельмени» и особаго вида мясные пироги, такъ называемые «кушѝ», которые въ теченіе всего года обыкновенно готовятся китайцами и продаются на ихъ базарной площади въ Маймаченѣ. Также многіе русскіе, какъ лакомство, любятъ печенье съ начинкой изъ ядеръ грѣцкаго орѣха и сахара, такъ называемый «юбень».

Ежедневная пища китайцевъ однообразна и довольно скудна. Самая обычная пища это — лапша, пельмени и различные морскіе водоросли. Мяса они употребляютъ очень немного и не часто, преимущественно баранину.

Молока и молочныхъ продуктовъ совершенно не употребляютъ. Изъ овощей любятъ капусту, лукъ, чеснокъ, огурцы, редиску, картофель. Хлѣба въ томъ видѣ, какъ употребляютъ его другія націи, у китайцевъ незамѣтно. За обѣдомъ ѣдятъ особыя прѣсныя лепешки изъ пшеничной муки, или въ рѣдкихъ лавкахъ особые сухари, вкусомъ похожіе на такъ-называемый финляндскій хлѣбъ. Водку употребляютъ въ очень минимальномъ размѣрѣ и не всегда («ханшинъ» или медъ).

Пьянство, какъ болѣзнь, почти совершенно неизвѣстно среди китайцевъ, и развѣ встрѣчаются единичные случаи среди обрусѣвшихъ.

Куреніе опіума хотя и преслѣдуется китайскими властями, но тѣмъ не менѣе курильщиковъ его въ Маймаченѣ всегда было довольно и не только среди зажиточнаго класса.

Гражданское управленіе Маймачена находится въ рукахъ манджурскаго чиновника, такъ-называемаго дзаргучея, присылаемаго изъ Пекина китайскимъ правительствомъ на каждые три года. Власть его и обязанности равняются градоначальнику, хотя правъ, какъ и вообще у всѣхъ китайскихъ чиновниковъ, далеко больше и не такъ они ограничены. Мѣсто дзаргучея довольно доходное (конечно, нелегальными путями), почему назначеніе — «избранниками» оплачивается при пекинскомъ дворѣ и покупается.

Дзаргучей завѣдуетъ общимъ строемъ жизни населенія, назначеніемъ налоговъ и сборомъ таковыхъ для правительства. Одновременно же онъ является судьей, и отъ него зависитъ наказаніе за какіе-либо проступки, кромѣ присужденія смертнаго приговора, для котораго или вытребывается преступникъ въ Ургу на судъ амбани, или приговоръ, по представленію мѣстныхъ властей, присылается изъ Пекина. Самая же казнь производится въ Ургѣ. Конечно, не рѣдкость, что преступленія оставляются безнаказанными при подкупѣ чиновниковъ-судей.

Высшая степень наказанія, къ которому можетъ присудить дзаргучей — это тюремное заключеніе и розги. Къ послѣднимъ присуждались даже и въ болѣе интеллигентномъ классѣ мѣстные китайцы и сравнительно за небольшіе проступки, что, конечно, и вызываетъ среди китайцевъ явное недружелюбное отношеніе къ дзаргучею и въ то же время заставляетъ населеніе относиться, наружно, къ дзаргучею подобострастно.

Пытки, хотя и не въ тѣхъ видахъ, какъ внутри страны, все же практикуются изрѣдка и здѣсь. Въ особенности примѣняютъ ихъ къ ворамъ. Изъ болѣе частыхъ пытокъ можно указать на подвѣшиваніе за пальцы рукъ и сидѣніе въ особаго устройства клѣткѣ, гдѣ туловище пытаемаго держится какъ бы на вѣсу, упираясь на подборокъ и икры ногъ. Мѣстные китайцы о своихъ пыткахъ и наказаніяхъ вообще не любятъ говорить и усиленно скрываютъ существованіе ихъ отъ русскаго населенія.

Мѣсто дзаргучея оплачивается сборомъ съ мѣстныхъ китайскихъ лавокъ. Размѣръ вознагражденія опредѣляется обыкновенно каждымъ дзаргучеемъ по вступленіи своемъ на должность и, смотря потому какъ дорого онъ купилъ это свое назначеніе, соразмѣрно назначается и налогъ. Насколько онъ великъ, можно судить потому, что рѣдкій дзаргучей не увозитъ по окончаніи своего трехлѣтняго служенія нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, считая на русскія деньги.

Содержаніе его свиты и канцеляріи частію также ложится на мѣстныхъ жителей и въ меньшей долѣ оплачивается китайскимъ правительствомъ.

Вообще налоги у китайцевъ весьма значительны и мало опредѣленны, скорѣе произвольны и въ большинствѣ являются въ формѣ откупа, или законнаго подкупа произвола чиновничества. Потому и отношеніе китайцевъ къ чиновничеству, которое къ тому почти исключительно манджурское, очень недружелюбное и враждебное. Наружное уваженіе является лишь продуктомъ страха передъ произволомъ и безнаказанностью самыхъ невозможныхъ отношеній чиновника къ мирному китайцу.

Неудивительно, что дзаргучей живетъ совершенно особнякомъ. Все общеніе его съ китайцами ограничивается рѣдкими оффиціальными или дѣловыми визитами.

Поборы дзаргучеевъ, несмотря на упадокъ торговли и благосостояніе жителей, остаются въ прежнемъ размѣрѣ, далеко не соотвѣтствующемъ настоящему положенію, что, конечно, ложится тяжелымъ бременемъ не только на отдѣльныхъ лицъ свободныхъ профессій, но и на купечество.

Дѣлами собственно купечества Маймачена завѣдуютъ особыя выборныя лица, такъ называемые старшины, которые, въ свою очередь, являются и представителями купечества во всѣхъ дѣлахъ передъ дзаргучеемъ, собираютъ налоги съ купечества, рѣшаютъ общественнныя дѣла по торговлѣ, наблюдаютъ за городскими зданіями, хозяйствомъ, кумирнями, принимаютъ высшихъ китайскихъ и монгольскихъ чиновниковъ.

Избираются они на два года и служатъ по очередямъ. Всѣ споры по торговымъ дѣламъ рѣшаются также старшинами, рѣшеніе которыхъ считается окончательнымъ.

Въ общемъ обязанности старшинъ не многосложны и не разнообразны, какъ и сама жизнь маймаченскаго населенія, которая не выходитъ изъ узкой рамки однихъ лишь торговыхъ интересовъ.

Стороннему наблюдателю кажется, что жизнь китайскаго населенія какъ бы застыла на одной точкѣ. Какъ было полсотни лѣтъ тому назадъ, такъ осталось и по сейчасъ. Пройдетъ и еще сотня лѣтъ, и если китайцы Маймачена не разъѣдутся по своей родинѣ, то общая картина жизни города останется безъ перемѣнъ.

Къ особенностямъ совмѣстной жизни мѣстнаго русскаго населенія съ сосѣдями китайцами можно отнести особую настойчивость русскихъ объясняться только на своемъ родномъ языкѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что среди русскаго населенія Троицкосавска и Кяхты едва ли найдется десятокъ лицъ, умѣющихъ говорить по-китайски, и совершенно никого знакомыхъ съ ихъ письменами.

Изъ старожиловъ Кяхты, мѣстнаго купечества, было два-три человѣка говорившихъ и писавшихъ по-китайски, но лица эти въ свое время спеціально изучали китайскій языкъ въ существовавшей недолгое время школѣ китайскаго языка (въ Кяхтѣ).

Обыкновенно же русскіе объясняются съ китайцами на особомъ мѣстномъ нарѣчіи, ломаномъ русскомъ языкѣ, и въ той формѣ, какъ выучиваются обыкновенно сами китайцы. Нарѣчіе это не только составлено изъ неправильныхъ русскихъ словъ, но и самая постановка фразъ совершенно оригинальная и своеобразная.

Если сказать, что тѣ же мѣстные русскіе особенно легко и въ совершенствѣ научаются говорить по-монгольски и по-бурятски, то незнаніе китайскаго разговорнаго языка является достойнымъ удивленія.

Объясняется это слѣдующимъ. При возникновеніи первыхъ торговыхъ сношеній Китая съ Россіей, китайское правительство по какимъ-то своимъ соображеніямъ поставило непремѣннымъ обязательствомъ для своихъ подданныхъ, переселившихся въ Маймаченъ, сноситься съ русскими только на ихъ языкѣ, стараясь мѣшать русскимъ изученію китайскаго. Предписаніе это, конечно, первое время являлось для русскаго населенія большимъ облегченіемъ при сношеніяхъ, а впослѣдствіи совершенно игнорировало желаніе и потребность изученія китайскаго языка.

Для облегченія китайцамъ изученія русскаго языка почти съ первыхъ годовъ китайскимъ правительствомъ были выпущены учебники русскихъ словъ и отдѣльныхъ фразъ. Въ учебникахъ тѣхъ слова были написаны китайскими буквами, а такъ какъ въ китайской азбукѣ нѣтъ совершенно нѣкоторыхъ звуковъ, то они замѣнялись такими, какіе могъ выговорить китаецъ, откуда и была положена первая неправильность произношенію; впослѣдствіи же и сами русскіе,

желая быть болѣе понятыми, старались коверкать какъ слова, такъ и составъ предложеній. Результатомъ этого и явилось то нарѣчіе, на которомъ все время объяснялись и объясняются китайцы съ русскими и которое изучаютъ вновь прибывающіе въ Маймаченъ китайцы.

Не преувеличивая можно сказать, что почти все китайское населеніе говоритъ и понимаетъ по-русски. Нарѣчіе это существуетъ не только въ Забайкальи, но одинаково и на всей русско-китайской границѣ Восточной Сибири.

Говорящихъ, относительно правильно, китайцевъ здѣсь очень немного и въ большинствѣ только тѣ изъ нихъ, которые продолжительное время прожили за предѣлами Забайкалья.

Какъ образчикъ этого русско-китайскаго нарѣчія приводимъ слѣдующее (сохраняя его выговоръ):

Здравствуй — *здала̀вствуй.* Приходи къ намъ — *за на̀ма походѝ.* Что стоитъ, какая цѣна?—*Почѐма, ка̀ка цѣна?* Зачѣмъ такъ сдѣлалъ? — *Зачѣма та̀ко подѣлай бы̀ло?* Очень хорошо—*шѝбко хороша̀нки.* Когда ты поѣдешь?—*Кото̀рна врѐмя тѝбѣ пошѐлъ бу̀ду?* Я думаю — *моя̀ поду̀май* и т. п.

Въ большинствѣ случаевъ перемѣщается удареніе въ словахъ, а также встрѣчается много словъ, въ которыхъ измѣнены окончанія, или вставлены новыя буквы; наконецъ много словъ совершенно замѣнены и исковерканы до неузнаваемости. Изученіе русскаго разговорнаго языка китайцы вообще считаютъ труднымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые буквы и звуки они почти не могутъ правильно произнести, напримѣръ въ буквѣ «*р*» у нихъ слышится два звука: «*рл*», мягкое «*л*» почти не могутъ выговорить, «*к*» часто замѣняютъ буквой «*ч*» и вообще очень много звуковъ замѣняютъ произвольно и такъ, какъ для нихъ легче.

НАСЕЛЕНІЕ ЗАПАДНАГО ЗАБАЙКАЛЬЯ.

РУССКІЕ И БУРЯТЫ.

V.

Русскіе. Русское населеніе края. Составъ его. Жизнь и занятія.

Населеніе юго-западнаго Забайкалья преимущественно состоитъ изъ коренныхъ сибиряковъ (потомковъ прежнихъ завоевателей края), которыхъ приблизительно восемьдесятъ процентовъ; остальные двадцать составляютъ семейскіе старообрядцы, живущіе почти исключительно въ деревняхъ Большой Куналей, Бичура, Кочены, Окина-ключи и такъ называемые «карымы», или крещеные инородцы Цонголова рода.

Смѣшанное русское населеніе городовъ и селъ, конечно, не идетъ въ расчетъ. Въ послѣднихъ три четверти населенія позднѣйшіе пришельцы изъ разныхъ мѣстъ Западной Сибири и Европейской Россіи. Также не идетъ въ счетъ и ссыльный элементъ, равно и поселенцы изъ отбывшихъ наказаніе въ Сибири.

Мы остановимся лишь на бытоописаніи потомковъ первыхъ пришельцевъ въ Забайкалье, а именно: «коренномъ сибирякѣ» и «семейскомъ старообрядцѣ».

Совмѣстная жизнь сибиряка и семейскаго, несмотря на общность интересовъ, занятій, условій жизни и прочее, тѣмъ не менѣе далеко не одинакова. Стойкость убѣжденій семейскаго, его особенный взглядъ на жизнь поставили послѣдняго въ нѣкоторую отдаленность отъ сибиряка. Въ особенности это замѣтно въ взаимныхъ отношеніяхъ

При всемъ томъ, насколько совмѣстная жизнь налагаетъ извѣстныя условія уваженія къ сосѣду-сотоварищу, въ данномъ случаѣ приходится удивляться, что отношенія сибиряка и семейскаго, въ общемъ, далеко не таковы. Если сибирякъ относится къ семейскому въ большинствѣ безразлично, или съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, то семейскій даже не скрываетъ своего полнаго неуваженія, а также и презрѣнія къ сибиряку. Чѣмъ вызвано такое отношеніе, трудно прослѣдить, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ и по настоящее время.

Конечно, такія отношенія не отзываются на общественномъ строѣ жизни, что доказывается уже тѣмъ, что селятся въ деревняхъ и селахъ совмѣстно тѣ и другіе. Но фактъ остается фактомъ и, въ обыденной жизни, нельзя не замѣтить этой розни и взаимной недружелюбности.

Сжившись съ этимъ отношеніемъ, какъ тѣ, такъ и другіе принимаютъ его совершенно хладнокровно. Эпитетъ семейскаго—«желторотый», одинаково не причиняетъ ему чего-либо оскорбительнаго, какъ и сибиряку кличка «нѣчесть».

Какъ тотъ, такъ и другой совершенно сжились съ этимъ.

Сибирякъ привыкъ видѣть въ каждомъ семейскомъ воплощеніе хитрости, обмана и бояться его какъ искуснаго вора и вообще, отдавая должное его силѣ и ловкости, боится какого-либо насилія и мести. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ боязнь его не плодъ фантазіи.

Семейскій же считаетъ почему-то сибиряка нечистымъ, какъ въ прямомъ, такъ и переносномъ смыслѣ: также мало вѣритъ ему и, вообще, ставитъ его далеко ниже себя по развитію.

Въ наружности сибиряка преобладающимъ является бурятскій типъ: смуглый цвѣтъ кожи, значительно выдающіяся скулы, чаще темные волосы. По внѣшнему виду ростомъ выше средняго, крѣпкій, коренастый. Низкорослыхъ

встрѣчается мало. Несмотря на то, что типъ его значительно отошелъ отъ великороса, красивыя лица и сложенія не могутъ считаться исключеніемъ.

Семейскій же старообрядецъ сохранилъ вполнѣ типъ великороса, чему не мало способствовало и то, что онъ не смѣшивается съ сибиряками, или инородцами.

Въ этомъ отношеніи онъ оказался устойчивѣе сибиряка, какъ и вообще болѣе противустоялъ взаимодѣйствію сосѣда инородца.

Ведя болѣе правильную жизнь, не злоупотребляя виномъ, табакомъ, распутствомъ, семейскіе дали краю крѣпкій, здоровый, сильный и красивый типъ населенія. И это тѣмъ рѣзче выдѣляется и бросается въ глаза въ деревняхъ и селахъ, гдѣ они живутъ рядомъ съ коренными сибиряками.

Не рѣдкость встрѣтить 80-ти-лѣтняго старца семейскаго настолько бодраго, что онъ работаетъ наравнѣ съ молодыми, тогда какъ среди сибиряковъ 70 лѣтъ уже рѣдкость, у бурятъ же 60 лѣтъ почти предѣлъ.

Средняя продолжительность жизни семейскаго—48, сибиряка—40, а бурята—38.

Крещеные инородцы «карымы» по наружности своей, какъ и потомство ихъ отъ браковъ съ сибиряками, конечно, ближе всего стоятъ къ инородцу и въ большинствѣ представляютъ низкорослый, некрасивый типъ населенія.

Во второмъ или третьемъ колѣнѣ наблюдается иногда преобладающимъ типъ сибиряка, но нѣкоторыя черты инородца, какъ напр., значительно выдающіяся скулы, смуглый цвѣтъ лица и разрѣзъ глазъ остаются слишкомъ замѣтными.

По внѣшнему виду, насколько семейскій чаще выглядитъ бодрымъ, рѣзкимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ, настолько сибирякъ смотритъ, наоборотъ, вялымъ, лѣнивымъ и въ то же время часто забитымъ, трусливымъ.

Предпріимчивость, трудолюбіе, сибирская «смекалка» рѣзче замѣчается у того же семейскаго, чѣмъ у сибиряка. Послѣдній и здѣсь неохотно оставляетъ общероссійское «авось», которое не меньше, чѣмъ гдѣ-либо на Руси даетъ сомнительные результаты.

Зажиточность семейскихъ, конечно, всецѣло является результатомъ его трудолюбія и болѣе крѣпкихъ основъ обыденной жизни, а также и сплоченности взаимныхъ интересовъ и помощи.

Сибирякъ же въ большинствѣ живетъ не такъ тѣсно со своими сородичами, трудолюбіемъ не отличается; водка и лѣность дополняютъ его жизнь и не даютъ возможности поднять свое благосостояніе.

Малоземельность, неурожаи, отсутствіе возможности удержать свое хозяйство безъ разоренія заставляютъ бо̀льшую часть населенія искать работы на сторонѣ.

Рѣдкая сибирская деревня не считаетъ половины своего населенія годами въ отхожемъ промыслѣ. Больше всего нанимаются на золотые промыслы, заводы или уходятъ въ «ямщину».

Подспорьемъ въ хозяйствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ являются: лѣсной промыселъ, звѣриный, сборъ орѣховъ и въ незначительномъ размѣрѣ кустарный.

Земледѣліе, хотя и является у мѣстнаго крестьянина главнымъ его занятіемъ, но въ общемъ не всегда и далеко не вездѣ оправдываетъ его трудъ. Повсемѣстныхъ урожаевъ въ краѣ почти не замѣчалось. Періодическіе же въ извѣстныхъ районахъ далеко не часты.

Въ рѣдкихъ случаяхъ сибирякъ-крестьянинъ не живетъ въ нуждѣ. Видимая его зажиточность въ сущности далека отъ дѣйствительности.

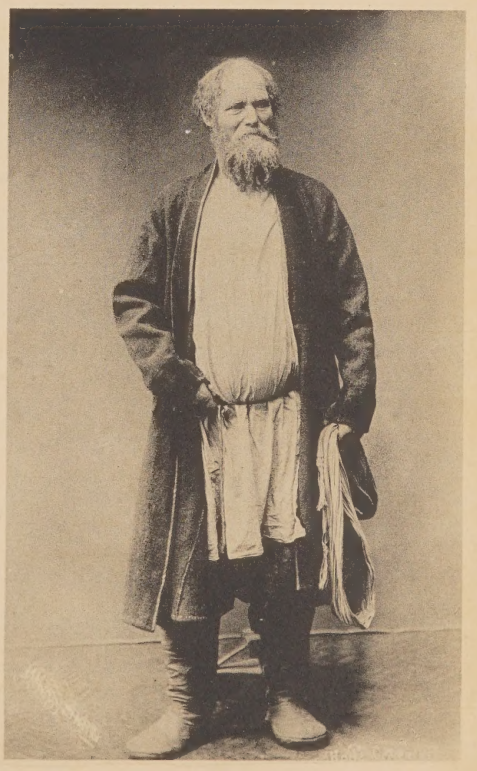
Кустарная промышленность среди мѣстнаго населенія очень незначительна и заключаетъ въ себѣ почти исклю-

Семья Чикойскаго семейскаго (изъ с. Урлука)

Съ фот. Осокина.

„Бродяга“ типъ бѣглаго каторжника въ Забайкальѣ.

Съ фот. Осокина.



Забайкальскій крестьянинъ „семейскій“ съ Чикоя.

Съ фот. Г. Чарушина.

чительно производства домашняго крестьянскаго обихода. Сбытъ на сторону ограниченный и далеко не носитъ характера постоянности.

Мѣстный крестьянскій холстъ очень грубый и непрочный; работаютъ его почти исключительно семейскіе. Бараньи сукна въ нѣкоторыхъ деревняхъ по Чикою и Хилку вырабатываютъ довольно порядочнаго качества, но въ небольшомъ количествѣ. Сукно это исключительно употребляется самими крестьянами и на рынокъ почти не поступаетъ. Глиняная и деревянная посуда работается въ большомъ количествѣ, такъ же и берестяные «туязья» и все это находитъ большой спросъ въ округѣ.

Населеніе верховьевъ Чикоя занимается въ большомъ размѣрѣ выжиганіемъ извести и ломкой мрамора. Вся известь, которая поступаетъ на продажу въ краѣ, исключительно кустарнаго приготовленія чикойскихъ крестьянъ и бурятъ, живущихъ по рѣкѣ Джидѣ.

Чикойская известь исключительно идетъ только для строительныхъ работъ, благодаря своему невысокому качеству, джидинская (туфовая) вдвое дороже, но и бѣлѣе, почему и употребляется для побѣлокъ и въ кожевенномъ производствѣ.

Обжиганіе извести ведется въ краѣ примитивнымъ способомъ; занимаются этимъ люди мало знакомые съ дѣломъ, почему страдаетъ и качество продукта, а нерасчетливость въ топливѣ удорожаетъ самый продуктъ.

Въ особенности плохо поставлено дѣло у чикойскихъ крестьянъ. Получаемая отъ нихъ известь заключаетъ въ себѣ до 30 процентовъ совершенно необожженнаго камня, что, конечно, и заставляетъ цѣнить ее слишкомъ низко.

Изъ другихъ промысловъ забайкальскаго крестьянина, которые составляютъ подспорье въ его матеріальной обезпеченности, болѣе значительны: добываніе кедровыхъ орѣховъ

рыбный и «бѣлковье». То и другое годами приноситъ значительный заработокъ.

Орѣхъ добывается въ урожайные года въ районѣ рѣки Чикоя до 100 тысячъ пудовъ. Часть всего количества перерабатывается домашнимъ способомъ на масло,* остальное же вывозится и распродается на Верхнеудинской ярмаркѣ.

Скотоводствомъ съ промышленной цѣлью не занимаются. Держатъ скотъ для своего хозяйства и только излишекъ продаютъ на сторону.

Мясной скотъ въ краѣ исключительно поступаетъ отъ монголъ и въ незначительномъ сравнительно количествѣ отъ бурятъ.

Матеріальное положеніе забайкальскаго казачества въ общемъ настолько же незавидное, какъ и крестьянъ.

Къ тому же необходимость казака, состоящаго на службѣ, имѣть полное снаряженіе за свой личный счетъ, какъ-то: лошадь, сѣдло, полное обмундированіе, всегда отнимаетъ у него значительную часть сбереженій. Долгія же отлучки его изъ дома отражаются на благосостояніи хозяйства. Одновременная служба, внѣ дома, отца и сына въ нѣкоторыхъ семьяхъ совершенно разстраиваетъ заведенное долгими трудами хозяйство, такъ какъ не всегда оставшаяся дома жена или дочери найдутъ возможность поддерживать, безъ стороннихъ работниковъ, обработку полей или сѣнокосовъ. Наемный же трудъ въ сибирскихъ деревняхъ слишкомъ невыгоденъ.

Земельные надѣлы въ Забайкальѣ, ввиду особыхъ мѣстныхъ условій, даже и значительные, не могутъ быть показателемъ благосостоянія населенія.

---

* «Орѣховое»—постное. Жмыхи употребляются на приготовленіе такъ называемой «избоины», служащей въ посты населенію вмѣсто молока къ чаю («забѣлка»).

Стихійныя бѣдствія, рѣзкіе климатическіе переходы, частые неурожаи (иногда нѣсколько лѣтъ къ ряду), примитивная обработка земли и вѣчный матеріальный недостатокъ населенія мало способствуютъ его обогащенію.

Много земель не разработано или по недостатку средствъ, или изъ боязни понести убытокъ при недородѣ.

Кромѣ того, въ земельныхъ надѣлахъ много мѣстъ совершенно неудобныхъ для земледѣлія, которыя и пустуютъ все время. Вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣленіе надѣловъ не всегда равномѣрно, почему малосемейные обогащаются, большія же семьи бѣднѣютъ. Нѣкоторыя, напримѣръ, деревни почти не имѣютъ выгоновъ и должны нанимать ихъ или у бурятъ или у жителей сосѣдней деревни.

Болѣе крѣпко и опредѣленно стоитъ земельное хозяйство въ районѣ Чикоя и Хилка.

Надѣлы землей инородцевъ далеко значительнѣе, что, конечно, всегда вызываетъ у русскаго населенія зависть и недовольство.

Масса казенныхъ пустопорожнихъ земель въ краѣ и предполагающееся новое правительственное разграниченіе земель даетъ надежду населенію, что въ недалекомъ будущемъ коренная перемѣрка прежнихъ надѣловъ дастъ возможность устроить свое хозяйство болѣе выгодно.

Несмотря на то, что край считаетъ уже столѣтія своей осѣдлости, онъ все еще выглядитъ устраивающимся и во всемъ замѣтенъ отпечатокъ чего-то какъ бы временнаго.

Отдаленность и географическія условія слишкомъ ярко отразились на развитіи края и надолго остановили его возможное процвѣтаніе.

Наблюденія послѣднихъ лѣтъ даютъ ясную картину тому, что всѣ безъ исключенія отрасли забайкальскаго хозяйства значительно ослабѣли, упали даже и тѣ, которыя еще такъ недавно выглядѣли прочными.

Такъ, главное занятіе населенія — земледѣліе оскудѣло. Бывшія «житницы» края все чаще и чаще страдаютъ отъ неурожая.

Земля истощилась. Засухи, иней, выдувы, сорныя травы, головня, кобылка уже не такія рѣдкія явленія, какъ были ранѣе. Голодовки въ Забайкальѣ также теперь не рѣдкость.

Примитивный способъ обработки полей, неумѣлое удабриваніе, плохія сѣмена, конечно, не даютъ надежды поднять урожайность.

Вырубленные и уничтоженные лѣсными пожарами лѣса, при отсутствіи необходимой влаги, даютъ еще болѣе шансовъ къ упадку и обезцѣненію прежнихъ богатыхъ по урожаю участковъ.

Упадку скотоводства способствовали какъ безкормица, равно и эпизоотіи. Скотъ измельчалъ, въ особенности рогатый.

Лѣсной промыселъ не давалъ и ранѣе особыхъ выгодъ населенію, теперь же, когда ближайшій къ населеннымъ пунктамъ лѣсъ во многихъ мѣстахъ уничтоженъ пожарами, а пользованіе въ дальнихъ участкахъ сопряжено съ платой пошлины и другими расходами, доходность лѣсного промысла упала до минимума.

Къ тому же сосѣдніе китайцы и монголы являются большими конкурентами, доставляя городскому населенію всѣ лѣсные матеріалы въ большомъ количествѣ.

Нѣкоторые, ближайшіе къ границѣ, мѣстные русскіе лѣсопромышленники считаютъ для себя болѣе выгоднымъ арендовать лѣсные участки у монголовъ, чѣмъ пользоваться остатками своего и платить налогъ. Конечно, здѣсь не столько играетъ роль плата, сколько сложная процедура и по выкупу билета на рубку, въ виду разбросанности поселеній въ краѣ и отдаленности конторы лѣсничаго.

Хотя и доставленный изъ Монголіи лѣсъ нерѣдко при-

нуждается лѣсничествомъ къ оплатѣ, но и въ этомъ случаѣ все же для лѣсопромышленника выгоднѣе заплатить за вывезенный и запроданный лѣсъ, чѣмъ «выхаживаніе» разрѣшительнаго билета лѣсничества на вырубку въ своихъ дачахъ.

Охотничій промыселъ, равно и орѣховый также годъ отъ году замѣтно падаютъ. Причина оскудѣнія послѣднихъ—частые лѣсные опустошительные пожары.

Правильно поставленнаго рыбнаго промысла въ краѣ не наблюдается, несмотря на то, что мѣстныя рѣки и озера содержатъ достаточно разныхъ сортовъ рыбы. По свидѣтельству старожиловъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ особенно много добывалось рыбы въ Гусиномъ озерѣ (до 20,000 пуд. въ годъ), но въ настоящее время добыча сократилась тамъ до 2,000 пуд. Главными потребителями рыбы являлись семейскіе, которые и способствовали уничтоженію рыбы въ озерѣ несвоевременной и нераціональной ловлей. Тѣ же семейскіе и сейчасъ являются главными рыболовами въ краѣ. Не довольствуясь рыбой изъ рѣкъ и озеръ Забайкалья, они заѣзжаютъ и въ сосѣднюю Монголію. Добыча рыбы съ годами падаетъ. Городъ Троицкосавскъ, Кяхта и станицы снабжаются рыбой, почти исключительно вылавливаемой въ Селенгѣ, Хилкѣ и Гусиномъ озерѣ, и только «ѳмулемъ» (любимой рыбой сибиряковъ) изъ Байкала.

Съ годами количество рыбы въ рѣкахъ Забайкалья замѣтно уменьшилось и уменьшается.

Изъ промысловыхъ рыбъ имѣются здѣсь слѣдующія: щука (по-бурятски «сурахѳй»), язь, плотва (чебакъ), сорожина (уландынъ-красноперка), окунь (алгана), налимъ (кутаръ), карась, таймень, линокъ и довольно рѣдко осетръ.

Ловятъ рыбу исключительно неводами и вершами, причемъ время для лова не ограничено, хотя промышленники обыкновенно наѣзжаютъ ранней весной и осенью.

Жизнь населенія все усложняется, и прежнее лучшее время отходитъ въ область воспоминаній.

Сравнивая жизнь сибирскаго крестьянства съ таковой же Европейской Россіи, все же можно сказать, что первая находится, въ общемъ, въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ.

Бѣднота, конечно, есть и здѣсь, но не въ такомъ количествѣ и безъисходности. Сибирскій крестьянинъ домовитѣе, что ясно сказывается и въ наружномъ видѣ сибирскихъ деревень, которыя въ большинствѣ выглядятъ болѣе благоустроенными, въ особенности деревни, населенныя семейскими.

Захудалыхъ деревень въ краѣ немного.

Дома и дворовыя постройки въ Забайкальѣ всѣ деревянныя съ тесовыми или драньевыми крышами. Усадьба, огороды обыкновенно также огорожены бревенчатымъ, тесовымъ или рѣже ивовымъ заплотомъ.

Улицы въ деревняхъ довольно широкія и правильныя. Одно, что особенно рѣзко бросается въ глаза въ сибирской деревнѣ, это отсутствіе садовъ и вообще древесныхъ насажденій. Въ послѣднее время, по особому назначенію мѣстнаго начальства, крестьяне понемногу стали засаживать небольшія палисадники передъ своими домами въ улицу, но мѣра эта пока является для населенія лишь обязанностью, почему и ведется насажденіе деревьевъ безъ особеннаго рвенія и желанія. Засаживаютъ такіе палисадники обыкновенно тополемъ, березой, черемухой.

Большая часть деревень расположена на открытыхъ мѣстахъ и только позднѣйшія среди лѣсныхъ участковъ, и лѣсъ этотъ по приговорамъ общества охраняется отъ рубки.

Самыя значительныя села и деревни Забайкалья расположены вблизи рѣкъ. Въ особенности густое населеніе въ верхнемъ и среднемъ теченіи Чикоя.

Наружный видъ мѣстнаго деревенскаго дома особеннаго ничего не представляетъ. Общій типъ построекъ близокъ къ великорусскому. Бѣднѣйшее населеніе обыкновенно живетъ въ такъ называемыхъ «зимовьяхъ», т. е. въ небольшой, довольно низкой квадратной бревенчатой избѣ (2 кв. саж.) съ однимъ, рѣже двумя небольшими окнами, затянутыми вмѣсто стекла пузыремъ. Сѣней чаще нѣтъ; одна входная дверь ведетъ въ единственную низкую комнату, занятую почти на одну треть громоздкой, неуклюжей глинобитной русской печью на деревянномъ, или каменномъ фундаментѣ.

Домъ болѣе зажиточнаго крестьянина, и въ особенности семейскаго, конечно, много отличается какъ по наружному виду, такъ и по внутреннему расположенію и устройству.

Сибирскіе крестьяне вообще не любятъ низкихъ построекъ, почему каждый, кто только располагаетъ лишнимъ десяткомъ бревенъ, старается построить свой домъ возможно высокимъ.

Каменныхъ фундаментовъ встрѣчается мало, строятъ же чаще на деревянныхъ стойкахъ. Пространство подъ поломъ засыпается землей. Двойные полы только у богатыхъ.

Домъ зажиточнаго крестьянина обыкновенно состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями: черной — съ кухней и помѣщеніемъ для работниковъ и чистой — хозяйской.

Печь чаще глинобитная и въ рѣдкихъ случаяхъ кирпичная. Въ чистой половинѣ встрѣчаются печи-голандки, хотя и къ нимъ обыкновенно пристроены очагъ или плита.

Чистая половина обыкновенно раздѣлена перегородкой на двѣ комнаты, изъ которыхъ ближняя отъ входа служитъ для гостей или заѣзжихъ. Потолки и стѣны до половины обыкновенно побѣлены известью. Полы застланы холстинами, или въ нѣкоторыхъ, менѣе зажиточныхъ до-

махъ посыпаны пескомъ, которымъ посыпаются полы въ жилыхъ помѣщеніяхъ и кухняхъ не только въ деревняхъ, но и у нѣкоторыхъ городскихъ жителей въ кухняхъ.

Окна, часто и съ двойными рамами, заставлены горшками съ цвѣтами, въ особенности въ семейскихъ домахъ.

Мебель: лавки, столы, стулья, шкафы, хотя и грубой работы, но часто покрашены въ яркіе пестрые цвѣта. У нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ не рѣдкость встрѣтить и простѣночное, въ деревянной рамѣ, зеркало, хотя и низкаго качества.

Мебель менѣе зажиточныхъ и бѣдныхъ исключительно состоитъ изъ длинныхъ лавокъ и столовъ, шкафы замѣняютъ прибитыя по стѣнамъ полки, завѣшанныя холстинкой.

Кровати (не у всѣхъ) обыкновенно широкія съ массой перинъ и подушекъ. Спятъ на нихъ только взрослые, и чаще одни хозяева; дѣти же и работники спятъ гдѣ придется на полу; въ теплое же время года на дворѣ, въ сѣняхъ, подъ навѣсами и на сѣновалахъ.

Передній уголъ крестьянской избы, какъ у бѣдняка, такъ и у зажиточнаго, пользуется особымъ вниманіемъ. Смотря по состоянію, весь этотъ уголъ по стѣнѣ занятъ обыкновенно иконами у сибиряка и мѣдными крестами въ кіотахъ—у семейскаго. Иконы устанавливаются на полкахъ въ одинъ или два ряда. Къ каждой иконѣ обыкновенно прилѣплена восковая свѣча. Тутъ же, на полкахъ, кладутъ просфоры, вербу, пасхальное яйцо, ставятъ масло въ бутылочкахъ и проч.

Особенно уважаются крестьянами иконы стариннаго письма. Наравнѣ съ иконами часто можно встрѣтить и различныя духовно-нравственнаго содержанія картины.

Большинство иконъ въ фольговыхъ ризахъ, кіотахъ и украшены бумажными цвѣтами, матеріей, пихтой или вересомъ.

У семейскихъ, вмѣсто иконъ, ставятъ кіоты съ вдѣлан-

ными въ нихъ мѣдными восьмиконечными крестами, съ рельефнымъ изображеніемъ распятія. Также какъ сибирякъ, семейскій украшаетъ божницу цвѣтами, матеріей, золотой и серебряной бумагой и проч.

Передній уголъ у того и другого считается почетнымъ.

Посѣтитель и гость, которому крестьянинъ хочетъ оказать свое уваженіе и почетъ, обыкновенно усаживаются въ передній уголъ, гдѣ и угощаютъ его.

Тутъ же стоятъ столъ и лавки. Обычай пріема и угощенія гостя въ переднемъ углу болѣе всего сохранился у малозажиточныхъ крестьянъ; тѣ же, которые побогаче, уже не придерживаются строго этого обычая.

Вообще крестьяне пригородныхъ деревень, вкусивши городской цивилизаціи, во многомъ измѣнили свой строй жизни, и можно сказать, что, утративши много хорошаго изъ своей прежней жизни, пріобрѣли отъ горожанъ больше худого.

Въ особенности деревенское кулачество замѣтно проявляетъ много отрицательныхъ сторонъ въ отношеніи своихъ односельчанъ.

Случайные заработки по поставкамъ и подрядамъ за послѣдніе года народили не малое число деревенскихъ богачей-кулаковъ. Явленіе это и тѣмъ еще нежелательно, что въ общемъ и здѣсь замѣтно сильное оскудѣніе деревни. Годъ отъ году прибавляется бѣдняковъ; условія жизни дѣлаются труднѣе, отсутствіе заработковъ и неурожаи гонятъ населеніе или вонъ изъ деревни, или же заставляютъ по необходимости закабалить себя навѣки такому кулаку-ростовщику.

Сельскихъ банковъ не существуетъ, кулаки же, ссужая деньгами или сѣменами малоимущихъ, ставятъ такія условія, что крестьянинъ разъ попавшійся въ руки такому богачу, обыкновенно на вѣкъ остается неоплатнымъ.

Болѣе частыя условія такой помощи бываютъ слѣдую-

щія. За пудъ сѣмянъ кулакъ получаетъ или деньгами въ два-три раза болѣе, или хлѣбомъ по цѣнѣ, какая ему вздумается, или же отработкой.

Эта послѣдняя тяжелѣе всего ложится бременемъ на крестьянина, такъ какъ выдавшій ссуду подъ отработку отнимаетъ крестьянина отъ своего хозяйства именно въ общую рабочую пору и тѣмъ, конечно, еще болѣе разоряетъ бѣдняка.

Богатство и благосостояніе мѣстнаго крестьянина, равно и инородца, въ рѣдкихъ случаяхъ выражается денежными сбереженіями.

Сотня или двѣ рублей свободныхъ денегъ, даже у болѣе или менѣе зажиточныхъ, встрѣчается не часто. Только деревенскіе богачи и кулаки располагаютъ свободными капиталами, которые и хранятъ обыкновенно при себѣ.

Къ вкладамъ въ банкъ крестьяне вообще относятся недовѣрчиво и прибѣгаютъ къ нимъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Причинами этого является отчасти отдаленность отъ нѣкоторыхъ деревень банка, а также и ложное представленіе крестьянина объ операціяхъ банка. Главное же еще и то, что почти каждый мѣстный деревенскій богачъ старается всегда скрыть отъ своихъ односельчанъ размѣръ своего состоянія, вкладывая же въ банкъ, онъ думаетъ, что при такой операціи достояніе его дѣлается гласнымъ и невольно заставитъ жителей обращаться къ нему за денежными пособіями. Вклады въ сберегательныя кассы деревенскаго населенія также не велики.

Большинство крестьянъ средняго состоянія всѣ свои свободныя средства, барыши и заработки обращаютъ или на благоустройство своего хозяйства, пріобрѣтеніе скота, лошадей, или же на аренду земельныхъ участковъ у сосѣдей и монголъ.

Такъ что въ общемъ крестьянинъ за всю свою трудо-

вую жизнь почти не видитъ денегъ, обращая ихъ немедленно на свои нужды.

Конечно, есть и исключенія, какъ вездѣ и всегда, но они въ расчетъ не могутъ приниматься.

А потому богатство крестьянина и инородца — его хозяйство.

Не такъ, конечно, дѣло стоитъ у кулаковъ, которые, наоборотъ, наружно хозяйствомъ своимъ высматриваютъ не только не лучше, но еще хуже другихъ; всѣ же свои заработки, случайные барыши почти всегда стараются обратить непремѣнно въ деньги, которыми и орудуютъ въ округѣ, наживая капиталъ довольно скоро.

Ростовщичество среди русскаго населенія, къ сожалѣнію, замѣтно увеличилось за послѣдніе годы. Насколько же деревенскій богачъ радѣетъ о нуждахъ своего односельчанина, показали послѣдніе голодные года въ краѣ. Не преувеличивая можно сказать, что каждая такая голодовка родитъ нѣсколько новыхъ деревенскихъ кулаковъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ мѣстный богачъ-кулакъ, скупая въ урожайные года хлѣбъ по 30, 40 коп. пудъ, не надѣется исключительно на недородъ въ будущемъ, когда и сбываетъ свой хлѣбъ вольной цѣной до 1 р. 80 к. за пудъ. Запасные крестьянскіе общественные склады могутъ удовлетворить въ большинствѣ только зерномъ для посѣва; все же необходимое количество для пропитанія идетъ исключительно изъ запасныхъ амбаровъ скупщиковъ-богачей.

Какъ лошади, равно и рогатый скотъ не дорогъ. Почему рѣдкій крестьянинъ не имѣетъ одну, двѣ лошади и нѣсколько головъ скота. Средняя цѣна мѣстной рабочей лошади 20—30 рублей; коровъ же, смотря по качеству, отъ 15 до 40 рублей. Конечно, цѣны эти берутся на мѣстѣ въ деревнѣ, или въ табунѣ у монголъ и бурятъ.

Безснѣжныя зимы даютъ возможность иногда держать

круглый годъ весь домашній скотъ на подножномъ корму, хотя въ деревняхъ обыкновенно подкармливаютъ скотъ и сѣномъ, въ особенности у семейскихъ. Буряты же очень рѣдко дѣлаютъ запасы сѣна въ хорошіе года, почему скотъ ихъ къ веснѣ обыкновенно сильно тощаетъ и дохнетъ.

Занимающіеся извозомъ крестьяне имѣютъ по десятку и болѣе лошадей и зарабатываютъ въ нѣкоторые года значительныя суммы.

Табуновъ лошадей и рогатаго скота почти не держатъ. Перепродажей скота занимаются очень немногіе. Молочнаго хозяйства съ продажей на сторону его скоповъ и продуктовъ почти не ведется, если не считать какъ исключеніе нѣкоторыя пригородныя деревни и станицы.

Семейскіе держатъ еще и разводятъ свиней, которыхъ и перепродаютъ обыкновенно китайцамъ, имѣя отъ этого солидный заработокъ.

Скотоводство въ краѣ исключительно находится въ рукахъ мѣстныхъ бурятъ и сосѣдей монголъ, которые и снабжаютъ населеніе какъ молочнымъ, такъ и мяснымъ скотомъ.

Забайкальскій скотъ, хотя и мелкорослый (рѣдко болѣе 10, 13 пудовъ), но мясо его очень хорошаго качества, въ особенности если скотъ выходился лѣто на травѣ и зажирѣлъ.

Кормленый скотъ и по цѣнѣ далеко выше, чѣмъ только что пригнанный изъ Монголіи.

Забайкальская баранина также отличается своимъ хорошимъ качествомъ и отсутствіемъ, присущаго вообще овцамъ, особеннаго специфическаго запаха.

Мясо забайкальскаго скота заготовляется осенью въ большомъ количествѣ для вывоза въ Иркутскъ и на Лену (на золотые промысла).

Если по цѣнѣ оно выше западно-сибирскаго, то и качествомъ стоитъ далеко выше перваго.

Въ прежніе года мяса былъ избытокъ, но со времени опустошительныхъ эпизоотій, масса скота въ Монголіи и у мѣстныхъ жителей передохло; цѣна на скотъ увеличилась, но и скупка его для вывоза также возросла намного.

Борьба съ чумой рогатаго скота долгое время не приводила къ чему-либо положительному. Предохранительныя мѣры—карантины и пр., которыя практиковались десятокъ лѣтъ, только на-время пріостанавливали распространеніе эпизоотіи.

Болѣе серьезную пользу, несомнѣнно, принесетъ устроенная въ 1903 году, вблизи Кяхты, противочумная прививочная станція, широко обставленная и обезпеченная матеріально мѣстными предпринимателями-коммерсантами.

Дѣйствіе станціи открыто, и опытъ далъ блестящіе результаты. Пройдетъ десятокъ лѣтъ, и страшный въ былое время бичъ края, чума—отойдетъ въ область преданій. Имена же иниціаторовъ этого полезнаго для края дѣла будутъ благословляться поколѣніями какъ родного по духу населенія сибиряка, такъ равно и сосѣдей монголовъ.

Говоря о сибирской деревнѣ, нельзя обойти молчаніемъ такъ называемыя здѣсь «заимки», или дачи нѣкоторыхъ деревенскихъ жителей.

Въ прежнее время такія «заимки» составляли исключительно временное мѣстопребываніе сельчанъ въ лѣтніе мѣсяцы гдѣ-либо вблизи деревни, на свободныхъ земляхъ, со скотомъ, или для сѣнокоса. Каждый выбиралъ себѣ излюбленное мѣсто и устраивалъ временное жилье-зимовье, или балаганъ. Селились на заимкахъ преимущественно люди зажиточные.

Постепенно количество заимокъ увеличивалось, на нихъ заводились понемногу хозяйства, пашни, выгоны и временное проживаніе обращалось въ болѣе постоянное.

Насколько измѣнившіяся условія края отражались на

деревнѣ въ смыслѣ упадка благосостоянія ея населенія, настолько заимочное заселеніе разросталось. Въ особенности это замѣчалось въ послѣдніе года, когда собственно въ деревнѣ стало нечѣмъ жить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забайкалья значительныя заимочныя хозяйства настолько разрослись, что въ дѣйствительности они уже являются особо заселенными пунктами, съ которыми должна считаться и мѣстная администрація.

Взаимныя отношенія заимочниковъ съ своими односельчанами также являютъ не мало недоразумѣній, неудовольствій и споровъ. Удалившись навсегда изъ деревни, заимочники живутъ какъ бы особнякомъ, не принимая какого-либо участія въ жизни своихъ односельчанъ. А такъ какъ къ тому же почти всѣ заимочники люди болѣе состоятельные, то и неудивительно, что остающееся въ селѣ бѣднѣйшее населеніе должно нести на своихъ плечахъ всю тяжесть трудной деревенской жизни.

Въ свою очередь, и заимочники, когда видятъ, что и ихъ интересы могутъ страдать отъ враждебнаго отношенія сельчанъ, заявляютъ свои претензіи, споры, что и вызываетъ вѣчную вражду и неудовольствіе тѣхъ и другихъ.

Не всѣ крестьяне избираютъ для своихъ заимокъ новыя мѣста. Многіе изъ нихъ строятъ свои заимки вблизи принадлежащихъ имъ пашенъ, гдѣ и селятся.

Большинство же отдаленныхъ и новыхъ заимокъ строются у воды, въ большихъ падяхъ, заросшихъ лѣсомъ и съ удобной пахатной землей.

Селиться безъ средствъ на заимкахъ, конечно, нельзя, такъ какъ въ общемъ заимочное хозяйство не служитъ къ обогащенію, а скорѣе къ сохраненію своего благосостоянія и болѣе выгодному его веденію. Конечно, болѣе благоустроенныя заимочныя хозяйства иногда приносятъ и доходъ. Нѣкоторыя заимочники разводятъ скотъ довольно

успѣшно и продаютъ его гуртами крупнымъ поставщикамъ тутъ же на мѣстѣ. Также свѣжія, неистощенныя земли даютъ годами хорошій урожай, избытокъ котораго продается на сторону.

Жизнь забайкальскаго заимочника близко подходитъ къ жизни мелкаго помѣщика, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, имѣетъ болѣе выгодности.

Въ числѣ заимочниковъ встрѣчаются и такіе, которые являются совершенной противоположностью большинства.

Если есть заимки богачей, то есть также заимки и отбросовъ сельскаго населенія. Заимки или, вѣрнѣе, зимовья послѣднихъ устраиваются въ глухихъ и далекихъ уголкахъ забайкальской тайги, въ хребтахъ, вдали отъ проѣзжихъ дорогъ и поселеній и служатъ обыкновенно или жильемъ какого-либо отщепенца общества, или притономъ скрывающемуся преступнику.

Нерѣдко годами существованіе такихъ заимокъ неизвѣстно, а если и сдѣлается случайно извѣстно какому-либо промышленнику, то скрывается имъ изъ опасенія мести хозяина заимки.

Существуетъ такой заимочникъ исключительно воровствомъ, или платнымъ притономъ покровительствуемымъ проходимцамъ. Конечно, заимки эти временныя и, часто безпокоемыя населеніемъ, перемѣщаются съ мѣста на мѣсто.

Въ прежніе года они встрѣчались ближе къ деревнямъ, но впослѣдствіи стали отдаляться въ болѣе глухія пади и чаще встрѣчаются вблизи золотыхъ промысловъ, если и сами заимочники не занимаются хищнической добычей того же золота, чѣмъ и поддерживаютъ свое существованіе.

Совмѣстная жизнь мѣстнаго крестьянина съ инородцами вызвала въ обыденной жизни нѣкоторыя отличія и измѣненія какъ съ наружной, такъ и съ духовно-нравственной

стороны, равнымъ образомъ положила замѣтный отпечатокъ и на языкъ.

Крестьянское населеніе Забайкалья въ своихъ занятіяхъ и промыслахъ также рѣзко отличается, чему одинаково способствовало, главнымъ образомъ, особенность климатическихъ условій мѣстности и примѣръ жизни аборигеновъ-бурятъ.

Забайкальскому земледѣльцу, ввиду тѣхъ же климатическихъ условій, приходится больше затрачивать силъ и средствъ, чѣмъ таковому же другихъ мѣстностей Сибири.

Рѣзкія колебанія и неустойчивость климата, какъ и неустойчивость хлѣбнаго рынка края одинаково отражаются на трудѣ земледѣльца.

Общее мнѣніе, что за Байкаломъ «деньги дешевы», въ сущности, вытекаетъ положительно изъ ложныхъ взглядовъ.

Большинство судитъ такъ потому, что трудъ и услуга въ краѣ оплачиваются выше, чѣмъ хотя бы въ Западной Сибири, но забываетъ то, что забайкальцу и достать что-либо, даже и изъ предметовъ первой необходимости, стоитъ нерѣдко въ два, три раза дороже, чѣмъ въ другой мѣстности нашего отечества.

На памяти и такія случайности, когда и деньгами не достанешь потребна гопродукта. А потому жизнь въ краѣ не можетъ считаться дешевой, въ особенности для людей малодостаточныхъ.

Земледѣліе здѣсь никого не обогащало, почему число лицъ, составившихъ себѣ состояніе землей и только ею одной, безъ постороннихъ занятій, почти не встрѣчается.

Большинство деревенскихъ богачей составили свой капиталъ или скупкой и продажей золота, или же ростовщичествомъ. Небольшое исключеніе составляютъ развѣ еще скупщики бѣлки и другой пушнины.

Торговля въ краѣ, хотя довольно выгодна, но въ по-

слѣднее время и она стала какъ-то собираться больше въ руки тѣхъ же богачей.

Какъ каждый крестьянинъ, такъ и сибирякъ работаетъ, что называется, не покладая рукъ. Въ лѣности его нельзя упрекнуть; если же что̀ и тормозитъ развитіе, вообще культурности края, такъ это единственно отдаленность его.

Населеніе очень мало выросло и какъ бы даже осталось такимъ, какъ оно было сотню лѣтъ тому назадъ.

Всякое новшество, представляй оно и неоспоримое преимущество, прививается очень туго. Мѣстный крестьянинъ очень неохотно разстается съ своими прежними убѣжденіями и привычками.

Въ особенности бѣднѣйшій классъ, находящійся почти въ вѣчной кабалѣ у болѣе состоятельныхъ. Постоянное же безденежье и задолженность населенія у казны, общественниковъ и отдѣльныхъ лицъ, отразились и нравственно. Забитость, низкопоклонство и вынужденная показная льстивость сибиряка передъ власть-имущими — общеизвѣстны.

Отдаленность края не могла, конечно, не отразиться и на взаимныхъ отношеніяхъ деревенскаго ближайшаго «начальства» къ населенію. Произволъ, взяточничество прежнихъ исправниковъ, приставовъ оставили по себѣ очень незавидную память въ сибирской деревнѣ. Проѣздъ ихъ являлся событіемъ, въ большинствѣ далеко не радостнымъ для населенія.

Насколько и тутъ играли главную роль деньги и состояніе — можно видѣть изъ того, что семейскіе, какъ болѣе зажиточные и менѣе пугливые, заставляли то же начальство обращаться съ собой съ бо̀льшимъ снисхожденіемъ, чѣмъ съ сибиряками. Все это, конечно, отражалось и на взаимныхъ отношеніяхъ и давало поводъ къ зависти и непріязни.

Къ сожалѣнію, и теперь еще сибирскія деревни и села не вполнѣ ограждены отъ произвола, хотя съ введеніемъ

крестьянскихъ начальниковъ положеніе начинаетъ мѣняться къ лучшему.

Новыя поколѣнія уже не будутъ испытывать того гнета, подъ которымъ жили ихъ дѣды и отцы. Будущность забайкальской деревни представляется теперь уже не въ тѣхъ краскахъ.

Желательно, конечно, только то, чтобы крестьянскіе начальники взялись за дѣло съ умѣньемъ и, ознакомившись съ дѣйствительными нуждами деревни, не являлись бы одними лишь «чиновниками» для населенія.

При всей своей забитости и трусости, забайкальскій крестьянинъ весьма чутокъ къ распознанію дѣйствительно дѣльныхъ людей и отзывчивъ на всѣ начинанія, которыя заставляютъ его убѣдиться въ ихъ несомнѣнной пользѣ. Всѣ же различные косвенные способы, къ которымъ мѣстное начальство прибѣгало иногда для достиженія того или другого, всегда были открыты и поняты, и мѣра эта оставляла обыкновенно весьма нежелательныя впечатлѣнія въ народѣ. Каждое открытое дѣйствіе находило всегда полное участіе. Мѣстному крестьянину, пережившему тяжелыя времена подкупа и взяточничества бывшихъ чиновниковъ и испытавшему произволъ, довольно трудно измѣнить свои убѣжденія и отнестись къ новшествамъ съ довѣріемъ.

Въ обыденной жизни населеніе Забайкалья имѣетъ много симпатичныхъ сторонъ. Такъ, напр., сибиряки отличаются гостепріимствомъ, отзывчивостью и хлѣбосольствомъ, въ особенности семейскіе.

Такими же качествами обладаютъ и инородцы буряты, а также и монголы. Гость сибиряка, какъ и инородца, несмотря на благосостояніе, всегда можетъ найти и пріютъ, и угощеніе. Рѣдкій крестьянинъ, или бурятъ, откажетъ въ ночлегѣ проѣзжему и тѣмъ рѣже еще согласится получить за свое гостепріимство плату. Въ прежнее же время,

Село Тамиръ. Типъ Забайкальск. селеній.

Съ фот. Г. Чарушина.

Бурятскій дацанъ (монастырь) „Цонгольскій-Хилгонтуйскій“ вблизи р. Чикоя.

Съ фот. Осокина.

когда черезъ деревни проходило много бѣглыхъ каторжниковъ и вообще темнаго люда, мѣстные крестьяне, желая оказать посильную помощь голодному путешественнику, выставляли на ночь за ворота своей усадьбы на лавкѣ, или на завалинѣ хлѣбъ, молоко, соль и проч. Дѣлалось это отчасти и ради того, чтобы предотвратить и воровство темнаго люда. И нужно замѣтить, что, дѣйствительно, бѣглые никогда не приносили какого-либо вреда населенію. Какъ ни тяжки были, быть можетъ, преступленія, за которыя попадали эти люди въ далекіе сибирскіе рудники, но населеніе тѣмъ не менѣе относилось къ нимъ съ жалостью и всегда, чѣмъ могло, помогало этимъ, какъ они называли, «несчастненькимъ».

Духовно-нравственная жизнь мѣстнаго русскаго населенія представляетъ не мало интересныхъ особенностей, которыя болѣе всего выразились въ результатѣ совмѣстной жизни съ инородцами («взаимодѣйствіи»).

Духовно-нравственная жизнь русскаго населенія.

Объинородничанье русскаго и обрусеніе бурята шло здѣсь одинаково, но болѣе слѣдовъ оставило на жизни сибиряка.

Послѣдствія объинородничанья русскаго населенія наблюдались здѣсь еще первыми изслѣдователями Сибири. Такъ, напримѣръ, Палласъ и Шперкъ въ трудахъ своихъ о Сибири сообщаютъ, что «смѣшеніе русскаго населенія съ инородческимъ отразилось на первомъ не только физическимъ перерожденіемъ, вторженіемъ бурятскаго языка (сдѣлавшимся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти господствующимъ), но и измѣненіемъ психической сферы его жизни». По этому же вопросу позднѣе г. Серафимовичъ замѣчаетъ, что «обрядовая набожность русскаго населенія замѣнилась чисто языческимъ суевѣріемъ, частію заимствованнымъ отъ инородцевъ, частію навѣяннымъ на нихъ новою неизвѣстною до тѣхъ поръ жизнію».

Позднѣйшій изслѣдователь современнаго положенія быта сибиряка, Н. М. Ядринцевъ, говоритъ такъ: «И теперь (въ 1800 годахъ) русскіе въ отношеніи усвоенія ими инородческихъ обычаевъ и отступленій отъ національной культуры стоятъ почти въ томъ же положеніи, какъ и ихъ предки».

Отзывы путешественниковъ, ученыхъ и этнографическіе отчеты, которые даютъ намъ записки ученыхъ обществъ, представляютъ картину даже болѣе безотрадную, чѣмъ возможно было предполагать.

Позднѣйшія наблюденія также доказываютъ, что объинородничанье въ краѣ среди русскаго населенія продолжается, несмотря на видимое поднятіе его въ культурномъ отношеніи.

Насколько сжилось мѣстное населеніе съ такимъ вліяніемъ, привыкло считаться съ его естественностью, мы видимъ на каждомъ шагу. Не только въ деревняхъ, но и въ нѣкоторыхъ городахъ Закайкалья нерѣдко слышите вы рѣчь русскаго, переполненную бурятскими словами и фразами, также часто приходится замѣчать и браки съ инородцами. Въ глухихъ же уголкахъ Забайкалья, вдали отъ селъ и деревень, и самая жизнь русскаго населенія является сколкомъ съ бурятской во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Не считая чисто физическихъ и физіологическихъ причинъ, которыя заставили русскаго крестьянина такъ легко подпасть вліянію инородца, въ смыслѣ различныхъ заимствованій, нужно знать и то, что вообще русскій человѣкъ, по своей натурѣ, склоненъ легко подчиняться окружающему образу жизни, быстро сживается со своимъ положеніемъ, каково бы оно ни было, легко мирится, а потому и легче, чѣмъ другія націи, утрачиваетъ свои бытовыя особенности.

Наблюдая ближе жизнь русскаго населенія среди инородцевъ, мы не можемъ не замѣтить, что вліяніе собственно

инородца на русскаго является совершенно пассивнымъ со стороны перваго.

Одной изъ главныхъ причинъ взаимодѣйствія, конечно, является совмѣстная, близкая по своимъ интересамъ жизнь двухъ разныхъ народностей.

Хотя взаимодѣйствіе и отразилось на русскомъ населеніи отчасти и на его духовной жизни, но тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы вліяніе бурята заставило русскаго совершенно измѣнить свои религіозныя воззрѣнія, чего совершенно напрасно опасаются мѣстные миссіонеры, гремя и ломая копья въ воображаемой борьбѣ съ ламаизмомъ.

Если наблюденія и даютъ факты въ нѣкоторыхъ случаяхъ наружнаго ламаизма среди русскаго населенія, то это лишь, какъ исключенія, и православію не грозитъ совершенно какимъ-либо нежелательнымъ явленіемъ. Къ тому же нужно замѣтить, что какъ православнаго духовенства, такъ равно и школъ въ краѣ далеко не достаточно, и не вина сибиряка, что онъ утрачиваетъ иногда свои бытовыя особенности, живя среди чуждой по религіи народности.

Вторженію буддизма въ религіозное представленіе русскаго населенія способствуетъ малокультурность послѣдняго, въ связи съ сильно развитыми: вѣрой въ знахарство, ворожбу, колдовство и содѣйствіемъ чаще встрѣчаемыхъ на своемъ жизненномъ пути ламъ, чѣмъ лицъ православнаго духовенства.

Сильно развитому обращенію къ монгольскимъ и бурятскимъ ламамъ, какъ лѣкарямъ, равно къ различнымъ знахарямъ и колдунамъ, способствуетъ, конечно, почти совершенное отсутствіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ врачей и фельдшеровъ.

Нѣсколько случайныхъ угадываній, излѣченій, полезныхъ совѣтовъ создаютъ нерѣдко быстро громадную славу такому ламѣ, или знахарю, и заставляютъ населеніе считать

ихъ не только за искусныхъ цѣлителей, но почитать ихъ и за какую-то особенную знаменитость, обладающую сверхестественною силою.

Лама и знахарь въ большомъ почетѣ и уваженіи почти у всего деревенскаго населенія.

Отчеты русскаго православнаго миссіонерства даютъ намъ довольно ясную картину того, насколько трудно и подчасъ невозможно бороться съ этимъ зломъ и невѣжествомъ населенія.

Не отнимая заслуги миссіонеровъ въ краѣ, нельзя обойти молчаніемъ и то, что среди миссіонеровъ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, попадаются вполнѣ свѣдущіе люди, что, конечно, также не можетъ способствовать духовному развитію русскаго населенія. Рѣдкій миссіонеръ знаетъ бурятскій языкъ, а тѣмъ меньше знаетъ и бытъ бурята. Обращеніе въ православіе (крещеніе) является единственнымъ проявленіемъ дѣйствія такого миссіонера.

Результатомъ такого «крещенія» нерѣдко является то, что инородецъ крестится, единственно, ради какихъ-либо личныхъ выгодъ, нерѣдко исключительно матеріальныхъ. Почему, оставаясь въ прежней своей обстановкѣ, вскорѣ совершенно забываетъ свою новую вѣру и остается только по званію православнымъ. Такихъ доказательствъ можно указать не мало въ Забайкальѣ.

Русское духовенство во всемъ этомъ видитъ лишь одну причину — «большое количество ламъ», но въ дѣйствительности причины тому не ламы, а сами миссіонеры, мало подготовленные къ своей миссіонерской дѣятельности и въ большинствѣ сами малообразованные.

Узаконенія правительства, изданныя въ 1853 году, по просьбѣ православнаго духовенства, о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, касающихся терпимости въ краѣ буддизма, и въ частности ламъ, не могли дать, конечно, желаемыхъ резуль-

татовъ уже по одному тому, что глухихъ мѣстъ въ Забайкальѣ непочатый уголъ, и культурный ростъ забайкальскаго крестьянства требуетъ слишкомъ многаго, чтобы не сталкиваться съ тѣмъ, что мы видимъ и встрѣчаемъ въ настоящее время на каждомъ шагу. Не ламы и буддизмъ тутъ виноваты, а отдаленность края и его заброшенность.

Взгляды и воззрѣнія сибиряка слишкомъ особенны, какъ особенна и самая его жизнь.

Культура въ краѣ идетъ слишкомъ медленно, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ и вовсе не двигается.

Народный эпосъ.

Особенности воззрѣній, взглядовъ обыденной жизни мѣстнаго крестьянина-сибиряка и семейскаго яснѣе всего сказались въ его обычаяхъ и духовно-нравственныхъ проявленіяхъ.

Хотя, переселяясь въ Сибирь, русское населеніе и принесло съ собой свои родные обычаи, обряды, сказанія, легенды и проч., но, измѣняясь впослѣдствіи, въ лицѣ своихъ потомковъ, само въ бытовомъ отношеніи, оно неминуемо должно было измѣнить нѣкоторые свои обычаи и взгляды, а вмѣстѣ съ тѣмъ извратить подъ взаимодѣйствіемъ свои преданія, сказанія старины и т. п.

Народный эпосъ русскаго населенія Забайкалья во многомъ заключаетъ въ себѣ массу чужого, заимствованнаго отъ бурятъ и монголъ.

Многое изъ прежняго забыто, многое пополнилось новымъ изъ миѳологіи бурятъ и монголъ и ихъ историческаго прошлаго.

Большинство сказаній, легендъ мѣстнаго населенія построено на суевѣріи, которое въ Забайкальѣ замѣчается и среди болѣе интелигентнаго класса въ далеко не маломъ развитіи.

Историческое прошлое Сибири, и въ частности Забай-

калья, также способствовало не малому появленію различныхъ сказаній, основанныхъ частію на извращенныхъ дѣйствительныхъ фактахъ, въ большинствѣ же на миѳахъ и вымыслахъ, неимѣющихъ никакихъ основаній.

Легенды и сказанія въ краѣ почти исключительно относятся къ различнымъ мѣстностямъ и очень немногія затрагиваютъ обыденную жизнь населенія.

Особенно много разсказовъ и миѳовъ ходитъ среди населенія о прежней народности «чудь», хотя, въ общемъ, всѣ такія сказанія весьма расходятся съ дѣйствительностью. Болѣе часто встрѣчающаяся легенда о нихъ это — умерщвленіе ими себя подъ крышами жилищъ камнями во время порабощенія. Могильники эти указываются мѣстными жителями около станицы Большая Кудара, въ долинѣ р. Чикоя, а также и по Селенгѣ. Здѣсь въ нѣкоторыхъ могильникахъ находили костяки, предметы домашняго обихода и орудія каменнаго вѣка.

Вообще въ Забайкальѣ не мало мѣстъ весьма интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. Съ образованіемъ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, научное изслѣдованіе доисторической эпохи Забайкалья дало не мало цѣнныхъ данныхъ. Въ особенности, нужно упомянуть здѣсь о цѣнныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ и работахъ правителя дѣлъ Географическаго Общества Ю. Д. Талько-Грынцевича, труды котораго по антропологіи и археологіи составляютъ вполнѣ заслуженную извѣстность.

Раскопка послѣднимъ могильниковъ и собираніе коллекціи каменнаго вѣка выдвинули совершенно неизвѣстное прежде историческое значеніе края. Особенно подробно изслѣдованы могильники по берегамъ рр. Селенги и притока ея Джидды. Стоянки людей каменнаго вѣка въ Забайкальи въ данное время получили точно опредѣленное мѣсто въ наукѣ.

Мѣстное населеніе къ такого рода раскопкамъ относится не вполнѣ безучастно, и помимо того что считаетъ раскопку «грѣховнымъ дѣломъ», старается всѣ свои невзгоды и проч. объяснить местью потревоженныхъ покойниковъ. Это же и заставляетъ ихъ, а въ особенности бурятъ, скрывать извѣстные имъ могильники, въ особенности, находящіеся вблизи поселеній. Прежняя народность «чудь» въ представленіяхъ населенія является какимъ-то мученикомъ, пожертвовавшимъ собою, чтобы уступить мѣсто вытѣснившимъ ихъ новымъ пришельцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по преданіямъ, народъ этотъ былъ поголовно богатыри, высокаго роста, съ сверхъестественной силой. Все это заставляетъ суевѣрнаго сибиряка и бурята относиться съ какимъ-то страхомъ къ погибшей народности и не допускать, чтобы кто-либо тревожилъ его прахъ.

Несмотря на значительное количество различныхъ легендъ, которыя существуютъ у населенія, особенно интересныхъ замѣчается немного.

Ниже мы приводимъ нѣсколько преданій, записанныхъ въ Забайкальи, сохраняя полностью дословно форму повѣствованія и языкъ, какъ велъ самъ разсказчикъ *.

Преданія.

«*Какъ море Байкалъ сдѣлалось*». (Записано на Усть-Киранѣ со словъ крестьянина села Преображенскаго Ѳедора Васильевича Шульгина въ 1887 г.).

«Сказываютъ старики: когда еще солнышко пу̀ще грѣло, было на мѣстѣ теперешняго моря Байкала небольшое озерко̀,

---

* Объясненіе встрѣчающихся мѣстныхъ словъ читатель найдетъ въ концѣ книги въ словарѣ. Легенды, преданія, сказки, повѣрья и пр. извлечены изъ брошюры Г. М. Осокина «Матеріалы для этнографіи Западнаго Забайкалья», изданныя Троицкосав. Кяхтинскимъ Отдѣл. Приамурскаго Отд. И. Р. Г. О. 1895 г.

а на середкѣ его островокъ, а на островкѣ томъ стоялъ городокъ небольшой. Жили въ этомъ городкѣ люди басурмàны, никуда съ острова не показывались. Хлѣба, не знай, сѣяли, нѣтъ ли, только сыты и богаты были. Рыбы всякой, звѣрья вдоволь водилось. Озерко тихòе было, хоть и глубоко — дна не хватали. Только поднялась разъ буря страшѐнная на озеркѣ и стала захлестывать островокъ, да такъ, что и ỳдержу не было водѣ. Испугался народъ невиданому несчастію, молиться сталъ бурханамъ своимъ: да видно не умилостивилъ ихъ. Сколько жертвъ приносили — ничего не беретъ. Собрались они, народъ-то, на пригòрокъ и горюютъ. Видятъ только — вдругъ лодку какую-то выбросило на шиверỳ, а въ лодкѣ-то человѣкъ сидитъ, со своими не схожій по одёжѣ, да еще еле живой. Подумали басурманы, что, видно, бурханы ихнія послали кого-то — спасать народъ. Вытащили человѣка изъ лодки, отогрѣли, накормили, а буря не утихаетъ — шúбче еще зачалà хлестать; вода къ городку уже подходить стала. Сталъ тутъ народъ просить этого человѣка научить ихъ, какъ бурю утихнуть заставить, какъ молиться бурханамъ. Только, видно, на крещенаго попали: взамѣсто бурхановъ началъ онъ ихъ заставлять, видно, нашему Богу молиться, а бурхановъ-то въ воду побросалъ. «Баклỳшкамъ», говоритъ, «не стать молиться». Разсвирѣпѣлъ тутъ народъ и сталъ думать: какъ наказать его; да и рѣшилъ, чтобы отъ грѣха, связать его да увезти подальше отъ берега и затопить. Только сдѣлали это, а буря и того тошнѣе стала — вода такъ и лѣзетъ, и лѣзетъ къ городку. Перепугался народъ, бросилъ и молиться, только бѣгаетъ да кричитъ со страху. А тутъ грянулъ громъ, небо раскрылось, свѣтъ такой сдѣлался, что и смотрѣть нельзя, а озеро-то такъ дыбомъ и ходитъ, ключемъ кипитъ. Съ неба камни посыпались, все одно, что огнемъ жечь стало. Камнями-то этѣми и вовсе городокъ прикончило; народъ, что былъ тамъ,

дымомъ задохся. А озеро-то все больше да больше дѣлаться стало. И откуда только воды взялось, чѝсто затопило все, небольшое только мѣстечко осталось. Озеру-то конца-края не стало видно. Вотъ, послѣ море-то и сдѣлалось. Басурманы, которые уцѣлѣли, всѣ на степи ушли, а море Святымъ стали считать».

Байкалъ и по настоящее время у бурятъ считается святымъ. Грозныя бури его объясняются населеніемъ, какъ проявленіе неудовольствія бога воды къ людямъ. По мнѣнію тѣхъ же бурятъ, погибшіе въ Байкалѣ люди являются какъ бы жертвой и время отъ времени необходимы Байкалу для того, чтобы богъ воды не разгнѣвался и не затопилъ всю окрестность. Каменистый порогъ на Байкалѣ, при истокѣ рѣки Ангары, такъ называемый Шаманскій камень, выступающій на поверхность, особенно чтится бурятами. Несмотря на страшную быстроту, съ какой вытекаетъ здѣсь Ангара, буряты очень часто подплываютъ сюда на лодкахъ для поклоненія камню. Въ особенно же важныхъ случаяхъ жизни на этомъ камнѣ даютъ свою присягу, или обѣтъ.

Монголо-бурятское названіе Байкала «Далай-норъ».

Легенда «*О двужильныхъ людяхъ*». (Записана со словъ того же крестьянина Шульгина).

«Слышалъ я, разсказывали, что будто гдѣ-то на югъ отъ насъ жили давнымъ-давно волосатые люди. Ростомъ—со столбы ворòтные, сѝлища такая, что, говорятъ, если дровъ надо было, то цѣлое дерево руками валили, да потомъ руками же изъ него щепы кололи. Коня на всемъ бѣгу за хвостъ останавливали. Вѣры не знаю какой были, только жили долго—вѣрно лѣтъ по двѣсти, одёжу звѣриную носили. Не знаю—по вѣрѣ, али такъ ли, все камни въ кучи

сваливали, да и камни-то такіе, что теперь двумъ конямъ не увезти. Мало только, говорятъ, было ихъ — скоро перемерли».

«*О пещерѣ съ золотымъ кладомъ*». (Записано на Ямаровскихъ минеральныхъ водахъ въ 1888 году со словъ крестьянина Петра Сафонова).

«Когда русскіе басурмановъ прижали, говорятъ, ихъ начальникъ велѣлъ въ какой-то горѣ пещеру вырыть, а работать велѣлъ заставить кого въ плѣнъ забралъ. Какъ кончили они рыть пещеру, онъ, пѐрво-нàперво, переколотилъ всѣхъ работниковъ и туда же въ пещеру заложилъ. Потомъ сталъ съ карауломъ свое добро туда стаскивать. Почитай полгода возили, вьючно все; много всякаго добра было, а бо̀лѣ всего золота да серебра. Столько тыщъ перевозили, что и не сосчитаешь. Какъ свозили добро-то это, сталъ басурманъ думать: какъ бы ему караульные не напàкостили, не растащили бы его добро-золото. И рѣшилъ извести всѣхъ. Пошелъ онъ въ чисто поле, насбиралъ какой-то травы зловредной, наварилъ изъ нея похлебку, да потомъ этой похлебкой-то и сталъ угощать своихъ караульныхъ. А самому чтобы не пропасть, сталъ онъ замѣсто хозяина будто угощать — обходить всѣхъ, виномъ поить. Недолго пришлось ему угощать: какъ поѣлъ народъ, стало его корчить и отдали всѣ Богу души. Которые долго позамялись, тѣхъ басурманъ всѣхъ самъ прикончилъ. Какъ не осталось ни единаго, давай онъ тихонько караульщиковъ въ ту же пещеру перетаскивать. Силенъ былъ онъ, хоть и басурманъ, не то, что теперь хря народъ, мȕхрый. Къ вечеру покончилъ со всѣми. Пещеру дерномъ завалилъ. Переночевалъ тутъ, а на утро все пообла̀дилъ, чтобы не примѣтно было. Стала гора горой, ничѣмъ не разузнаешь. Побоялся басурманъ, какъ бы самому не забыть то мѣсто.

Выкопалъ онъ въ лѣскѣ сосѐнку небольшѐнькую, да и посадилъ у входа. А сосенка была корявая — сразу примѣтная. Уѣхалъ басурманъ. Только, видно, Богъ увидалъ, что много крови пролилъ басурманъ, и не далъ вѣку сосѐнкѣ. Сгѝнула она, засохла, вѣтромъ всю переломало, такъ что и непримѣтно стало, гдѣ росла. Вотъ только соскучился басурманщикъ о своемъ добрѣ и собрался поглядѣть ту гору. Ѣздилъ-ѣздилъ онъ, не могъ сыскать, а, говорятъ, около ея самой все кружа̀лъ. Цѣлый день кружалъ — ничего не вышло. Тутъ онъ съ горя да съ досады и убился. Люди долго справлялись: куда дѣлся онъ,— да такъ потомъ и забыли. А на мѣстѣто, гдѣ сдохнулъ басурманъ, и трава не растетъ. Кабы̀ знать то мѣсто, можетъ, и теперь сыскать можно было бы».

«*Устиньина долина*». (Записано въ деревнѣ Елани въ 1891 году со словъ поселенца Ѳедора Крыжанова).

«То мѣсто, гдѣ теперь Бичура стоитъ, когда-то давно все лѣсомъ покрыто было. Народъ близко не жилъ тутъ. Ту пору, насупротѝвъ Бичуры теперешней, рѣчка въ Хилокъ бѣжала, студеная, хорошая, зиму мало мерзла. И поселилась тутъ странница одна — Устиньей звалась. Чего дѣлала она одна тамъ, никто не помнитъ; только кто изъ звѣровщиковъ, бывало, встрѣтитъ ее, то ужъ домой не вора̀чивался, а коли вернется, самъ не свой со страху, рѣдко выживалъ. Не будь звѣрья̀ много тамъ, никто не польстился бы; нужда заставляла ужъ. Въ ту же пору народъ сталъ скуда̀ть, особенно изъ тѣхъ семей, мужики которыхъ звѣровать ходили. Не взлюбили они тогда Устинью и, какъ ни на есть, рѣшили извести. Собрались ара̀вой — мужиковъ двадцать,— мѣсяца полтора ходили, а всежъ-таки рѣшили ее. А домой пришли, сами смерти не миновали: такъ одинъ за другимъ и посыпали. Потомъ ужъ и никто не ходилъ туда, — трусили. А рѣчка все мельча̀ть стала, да и совсѣмъ скоро вы-

сохла — одна падь глухая осталась. А у устья-то долина широченная сдѣлалась — Устиньиной ее прозвали потомъ».

Подходящее къ описываемому въ настоящемъ преданіи мѣсто находится не особенно далеко, верстахъ въ 12, отъ деревни Елани.

Распàдокъ, длиною верстъ 10—12, густо поросшій кустарникомъ, шириною мѣстами до версты, между лѣсистыхъ горъ, даетъ возможность предполагать существованіе здѣсь, когда-то, довольно большой рѣки. Ближе къ Хилку горы разступаются, образуя на нѣсколько верстъ долину. Какъ въ самомъ распадкѣ, такъ и въ долинѣ бросается въ глаза множество мелкой гàльки. Вверху распадка течетъ небольшой ключикъ, который мѣстами скрывается, мѣстами же образуетъ небольшую горную рѣчку. Въ этомъ распадкѣ еланскіе крестьяне имѣютъ свои покосы.

Легенда «*О зеленомъ гадѣ*».

По словамъ нѣкоторыхъ киранскихъ жителей (станицы Киранской), въ прежнее время голодъ и болѣзни здѣсь «напускалъ» такъ называемый «зеленый гадъ». Какой онъ на видъ, никто не знаетъ, но что только показывается онъ откуда-то съ юга, черезъ каждыя двадцать пять лѣтъ. Весь хлѣбъ подсушиваетъ, а на людяхъ болѣзни «пробуетъ» разныя, каждый разъ все новыя. Въ особенности не любитъ дѣтей. Онъ же и на скотину «моръ напускаетъ». Это же преданіе говоритъ, что раньше онъ былъ человѣкомъ, но потомъ, за худыя дѣла, обращенъ былъ въ «гада» и что «тѣмъ онъ силенъ, что никто его теперь увидѣть не можетъ!»

Мѣстный крестьянинъ въ каждой посѣтившей край эпидеміи видитъ и по сейчасъ дѣйствіе какихъ-то невѣдомыхъ и невидимыхъ духовъ. Такія болѣзни, какъ оспа, чума (рогатаго скота) и часто свирѣпствующіе среди дѣтей поносы представляются населенію, въ особенности глухихъ угол-

ковъ края, дѣйствіемъ какихъ-то злыхъ духовъ; мнѣніе это поддерживается и бурятами. Олицетвореніе такихъ духовъ настолько вкоренилось у населенія, что нѣкоторые изъ болѣе суевѣрныхъ боятся даже говорить о такихъ болѣзняхъ. «Что бы не услышалъ нечистый», какъ они обыкновенно объясняютъ такую свою осторожность.

Сказки.

Хранителями и разсказчиками сказокъ въ Забайкальи являются преимущественно старики и старухи. Деревенскія «засѝдки», «вечѐрки», «посидѣлки» въ долгіе зимніе вечера рѣдко обходятся безъ такихъ разсказчиковъ, въ особенности когда нѣкоторые изъ нихъ слывутъ за очень «искусныхъ».

Большая часть встрѣчающихся здѣсь сказокъ общеизвѣстна, какъ, напримѣръ, сказки: про Ивана-Царевича, Жаръ птицу, Семушка-горбунчика, и др. Конечно, содержаніе ихъ во многомъ измѣнено въ пересказѣ, а въ другихъ и совершенно замѣнено новой фабулой.

Много также встрѣчается сказокъ, сплетенныхъ изъ нѣсколькихъ. Особенно нравятся населенію сказки и легенды съ фантастическимъ или страшнымъ содержаніемъ. Разсказы о чертяхъ, домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ слушаются съ большимъ интересомъ.

Мѣстный крестьянинъ, знакомый съ бурятской рѣчью, не отказываетъ себѣ въ удовольствіи послушать и бурятскія сказки, которыхъ у послѣднихъ довольно. Русскіе пересказы нѣкоторыхъ такихъ сказокъ положили начало образованію новыхъ, съ заимствованнымъ сюжетомъ и своими добавленіями. Въ послѣднее время замѣчается ихъ довольно много, хотя и не съ особенно интереснымъ содержаніемъ.

Прослѣдивъ нѣсколько такихъ сказокъ, заимствованныхъ отъ бурятъ, мы видимъ, что нѣкоторыя являются почти точнымъ пересказомъ съ бурятскаго. Такъ, напримѣръ, сказка

«Желтый змѣй» совершенно одинакова по содержанію съ бурятской сказкой «Охотникъ» (Собраніе бур. сказокъ Хангалова и Затопляева въ запискахъ Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., изд. 1889 г.).

Другая сказка «Царица-бѣлолица» заключаетъ заимствованный сюжетъ бурятской «Черепъ конской головы». (Запис. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. «Сказанія бурятъ», изд. 1890 г.).

Для примѣра сказку эту приводимъ полностью. (Записана со словъ казачки Кастриной въ Усть-Кяхтѣ въ 1889 г.).

«Не далеко не близко, жила-была «царица-бѣлолица», вдовушка, а у ней самой дочь была царевна-красавица. Задумала царица дочку свою засватать. Много было жениховъ и богатыхъ, и сильныхъ-то, и красивыхъ,—все же они не понутру были царицѣ, да и жалко ей было съ дочкой разставаться. А чтобы время-то не опустить, рѣшила она за колдуномъ спосылать, который недавно появился тутъ. Пришелъ колдунъ. Подумалъ-подумалъ, поразспросилъ дочку, кто ей самой изъ жениховъ нравится; досталъ потомъ черепъ лошадиный, пошепталъ на него, отдалъ царевнѣ, да и говоритъ: «Вотъ, сударышка, выбери ты себѣ двухъ паренькòвъ,—одного, который любъ тебѣ, а другого такъ для счету только,—и скажи имъ, пусть они прячутся. Который найдетъ (сыщетъ) другого, тотъ и суженый твой будетъ, а черепокъ тебѣ поможетъ». Взяла царевна черепъ, поразумѣла, какъ ей сдѣлаться, поразспросила колдуна и послала за двумя молодцами. А какъ пришли они, то разсказала она имъ, въ чемъ дѣло, и заставила прятаться. Выбрала самаго любимаго, потерла его конскимъ черепомъ, поколдовала чего-то и оборотила въ подушечку, что на нàрахъ была. А сама-то къ ней нѣжится, да такъ ласково рѣчами разговариваетъ, цѣлуетъ да обнимаетъ ее. Позвала потомъ нелюбимаго и велитъ ему искать. Хоть и неболь-

шая была горница — хоромы царскія, только, сколь онъ ни искалъ, куды ни заглядывалъ, не могъ сыскать. А царевна къ подушечкѣ прижимается, да посмѣивается, а сама говоритъ: «Видно не судьба тебѣ, не фартъ, коли сыскать не сможешь: не мой грѣхъ, паренёкъ, не серчай». А тому не до сказокъ: видитъ, что царевна колдунья тоже, дѣло тутъ не спроста, и давай просить ее: «Чтобъ ужъ не забидно было, научи ты, царевна-красавица, какъ самому спрятаться, чтобы люди на смѣхъ не подняли». Захотѣлось тогда царевнѣ пошалыга̀нить. Выслала она его на крылечко, потерла тамъ тоже черепомъ, да и оборотила въ собаку злющую. А съ любимаго оборотень сняла да и говоритъ такъ ласково: «Чего это «Буска» разлаялся, еще бѣды налаетъ. Уйми-ка ты его доброй плеточкой». А любимый-то, знать, догадался, что за песъ это, да на радости жениховской и давай унимать его, не жалѣючи. Ну, а псу хоть и больно, молчитъ все же, выдать не хочется себя, думаетъ: броситъ скоро. Не тутъ-то было! Какъ на грѣхъ, рука у того расходилась, — хлещетъ шибче, да посмѣивается. Не втерпёжъ стало тогда псу-оборотню. Видитъ онъ, что не скроется, да какъ вскрикнетъ человѣчьимъ голосомъ: тутъ и выдалъ себя. Натѣшилась царевна, сняла съ него оборотень. А онъ, какъ волю почуялъ, и не взглянулъ даже. Только пятки свистѣли, какъ удирать зачалъ. Повела потомъ царевна-красавица своего суженаго въ хоромы царскія и показала его «царицѣ-бѣлолицѣ». Той хоть и не шибко онъ по нраву пришелся, да видитъ, что ничего не подѣлаешь, и дала согласье». Вскорѣ и свадьбу веселую справили. Насъ хоть и звали, да сборы далеки—остались!»

Особенно интересныхъ мѣстныхъ бытовыхъ сказокъ у населенія почти нѣтъ. По крайней мѣрѣ у чикойскихъ и селенгинскихъ жителей.

Если не считать множество пустыхъ, безсодержатель-

ныхъ и нерѣдко скабрезныхъ, то наибольшій интересъ представляютъ изъ числа собранныхъ нами только три: «Засѣдатель», «Курица» и «Богатѣй».

Первыя двѣ носятъ вполнѣ мѣстный характеръ и интересъ, почему мы ограничиваемся только одной послѣдней, какъ болѣе содержательной, а также характерной по своему слогу и формѣ.

Сказка «Богатый». (Записана въ Малой Кударѣ со словъ крестьянки Евдокіи Семеновой 82-хъ-лѣтней старухи. Разсказъ велся нараспѣвъ и, какъ было замѣтно, съ трудомъ припоминался).

«Жилъ-былъ когда-то купецъ богатѣйшій. Было у него всякаго добра, капитала въ амбарѣ, и жена лебедушка-раскрасавица. За что бы ни взялся онъ, такъ деньги и вàлятъ, и вàлятъ къ нему. Пошелъ онъ разъ свои амбарчики поглядѣть: все ли добро въ порядкѣ уложено, много ль прибавилось хлѣбушка осенью. Идетъ онъ и радуется: все, молъ, могу, чего захочу. Каждый мужикъ въ поясъ кланяется, пріѣзжіе баре чаекъ заѣзжаютъ испить, хлѣбушка сладкаго скушать. На что нашъ исправникъ усатый, и тотъ, коли надо чего, не побрезгаетъ. Деньгамъ-то счету нѣтъ! А лежатъ онѣ въ расписномъ сундучкѣ, подъ замочкомъ нѣмецкимъ, все патрѐтики государскіе. Захочу — всѣхъ куплю, всѣхъ выкуплю; разорить захочу — и дохнуть не дамъ; а коль милъ душѣ, сколько хошь возьми. Подошелъ купецъ къ амбарчику, развернулъ кушакъ, ключи вывалилъ, а самъ чвàнится, не торопится. Вынулъ новенькій золоченый ключъ, òтперъ дверцы листвяничныя. Шапку снялъ, опосля̀ осѣнился крестомъ, подошелъ къ сундучку со нѣмецкимъ замкомъ. Какъ отпѐръ только онъ, такъ шарàхнулся, обомлѣлъ весь, въ сундукъ кинулся, зàчалъ глàзаньки протирать полой. Ужъ не сонъ ли то?—не вѣрится—такъ поджилки всѣ

и давай трястись, что твоя лихомàнка лютая. А самъ охаетъ да ахаетъ. Да и шутка ли: потерять казну, одѣлить казной не по волюшкѣ. Хоть и былъ-то онъ капитальщикомъ — кромѣ денежекъ полонъ домъ добра, — а тужитъ купецъ: обокрали-молъ, черти-дьяволы. Призадумался, пригорюнился, заперъ ящичекъ и давай кричать караульщиковъ. Со всего двора набѣжалъ народъ. Разсказалъ купецъ свое горе-горькое: кто-то недругъ злой своровалъ казну — басурманъ ли то, àли свой мужикъ — не повѣдаешь. И давай купецъ на весь дворъ-то выть, посылать гонцовъ за Кузьмой въ село. Не успѣлъ купецъ очурàхаться, а «Кузьма-колдунъ» ужъ и тутъ какъ тутъ, низко кланяется, ухмыляется. Невдомекъ купцу, кто казну стащилъ; вся кругомъ въ друзьяхъ деревенщина, одного Кузьму со двора гонялъ допрѐжъ, да выбранивалъ. А теперь пришлось Кузькѣ кланяться, да сулить ему, чего вздумаетъ. Ворожилъ до полдня̀, все обхаживалъ да выспрашивалъ. «Вишь ты» — сказываетъ — «онъ» попуталъ-то! Безъ добра къ «нему» и не лѣзь никто. Говоритъ купцу, низко кланяется: «Коли хошь себѣ воротить казну, прикажи подать чарку водочки, — да поболѣе, да покрѣпче, — не жалѣй, не скаредничай, коль еще чтò потребуетъ». Не жалѣетъ купецъ дорогого вина, разны сахары. А Кузьма свое дѣло дѣлаетъ: все-то носитъ онъ въ амбаръ чарочку, а «лихому», видно, мало все. Вотъ и ночь на дворѣ, а добра-то все не видать на глазъ. Цѣлу ноченьку купецъ плачется, все-то свѣту онъ дожидается. А взошло когда ярко солнышко, побѣжалъ смотрѣть, не вернулъ ли «онъ» ту казну его. А въ душѣ-то онъ все такъ молится, да ругàтъ себя, что надѣялся на собакъ цѣпныхъ, караульщиковъ. Но недаромъ нашъ купецъ плакался, да недаромъ и горюнился: какъ отпѐръ опять двери толстыя, обомлѣлъ еще хуже прежняго. Весь амбаръ пустой: ни ящичка, ни кадушечки, а съ высокой толстой màтицы, видитъ, вйсель-

щикъ тамъ свѣсился. Тутъ не выдержалъ капитальщикъ мой, заревѣлъ какъ звѣрь, на полъ грянулся. То услышала жена звонная, давай звать народъ, плачемъ плакала. На лиху-бѣду понагрянулъ къ нимъ тотъ исправничекъ, что усатый-то. Потужилъ, пожалѣлъ капитальщиковъ, приласкалъ рукой мягкою молоду вдову и пошелъ судить, и пошелъ рядить бѣду Кузькину. А тотъ висѣльщикъ — былъ азямъ одинъ, весь заплатанный! Что получше-то хозяйскаго, утащилъ Кузьма и давай крутить, приговаривать: «Не жалѣй Кузьмѣ рубля желтаго, не ругай его, не вели гонять». Только скоро Кузьму совѣсть взрѣла: сталъ жалѣть купца, молоду вдову. Вотъ и вздумалъ онъ покаиться и вернуть казну молодухѣ той. Разспросилъ народъ, понавѣдался и понесъ свою онъ повинную. И никто не зналъ, какъ мирился Кузьма съ молодой вдовой! Только годъ прошелъ, пиръ горой стоялъ у купцовой жены-раскрасавицы. Поглянулся знать ей тотъ разбойничекъ,—окрутилися и живутъ ладкомъ припѣваючи».

Суевѣріе, повѣрья, примѣты.

Суевѣріе на Руси, какъ извѣстно, получило наибольшее свое развитіе во времена господства язычества. Тѣсно связанное съ религіей и вѣрованіями язычника, имъ же оно и поддерживается въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, гдѣ населенію приходится жить рядомъ съ иновѣрцемъ.

Неудивительно, что и Забайкалье съ своимъ русскимъ населеніемъ, по суевѣрію, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Въ особенности та часть области, которая находится на границѣ съ Монголіей и отдаленныя глухія поселенія тайги.

Суевѣріе, повѣрья, примѣты сопровождаютъ почти каждый шагъ мѣстнаго крестьянина.

Помимо обще-русскихъ повѣрій, мы видимъ здѣсь и за-

имствованныя отъ инородцевъ; послѣднихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже болѣе.

Что же касается заимствованія бурятами русскихъ повѣрій, то этого почти не замѣчается, что объясняется, конечно, тѣмъ, что жизнь бурята и такъ изобилуетъ массой своихъ собственныхъ повѣрій.

Особенное развитіе суевѣрія среди жителей Забайкалья относится къ 1700-мъ годамъ.

Изъ сочиненія г. Серафимовича «Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири» (изд. 1867 г.) мы видимъ, что не мало принесли суевѣрія, во всѣхъ его видахъ, ссылаемые въ тѣ времена изъ Россіи «колдуны, знахари, ворожеи», по словамъ историка: «за порчу волшебными травами и словами». Не могло бороться съ суевѣріемъ въ то далекое время и мѣстное русское духовенство: во-первыхъ, по своей малочисленности и малообразованности, а во-вторыхъ, по разбросанности населенныхъ мѣстъ.

Изъ описаній того же г. Серафимовича мы знаемъ, что въ концѣ 1700-хъ годовъ церковные приходы въ Сибири (вообще) простирались на сотни и даже на тысячи верстъ, а въ Восточной Сибири бывали приходы, состоявшіе изъ 90 селъ, отдаленныхъ другъ отъ друга на десятки и сотни верстъ.

Въ то время люди, даже съ нѣкоторымъ научнымъ образованіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе суевѣрные и мало развитые, не могли не потворствовать сами развитію суевѣрія среди народа. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ фактъ современнаго тогда дѣла нѣкоей «Ирины», которой угрожало заключеніе въ тюрьму за разные проступки, но которая впослѣдствіи была освобождена мѣстнымъ высшимъ начальствомъ съ резолюціей: «понѣже она (Ирина) навращена была къ тому чародѣйствомъ и присушкою».

Конечно, фактъ этотъ не единственный въ исторіи Забайкалья.

Хотя теперь отчасти и измѣнился во многомъ взглядъ на суевѣріе и мы видимъ борьбу съ нимъ какъ со стороны духовенства, равно и людей науки, но все же результаты этой борьбы, «разоблаченій», очень незначительны и не только на далекихъ глухихъ окраинахъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ городахъ, не говоря уже о селахъ и деревняхъ.

Чтобы дать нѣкоторую картину различныхъ проявленій суевѣрія въ краѣ мѣстнаго населенія, мы приводимъ ниже, въ выборкахъ, собраніе примѣтъ, повѣрій, ворожбы, колдовства и тѣсно связаннаго съ суевѣріемъ—знахарства.

Повѣрья и примѣты на разные случаи жизни.

Рожденіе ребенка.

— Повитуху зовешь—дорогой не разговаривай: бѣду накличешь.

— Ребенокъ родится—до вечера не показывай чужимъ, чтобы не сглазили.

— Крестнаго выбираешь—не бери съ одинаковымъ именемъ новорожденнаго.

— Бабкѣ на крестинахъ кладутъ деньги, чтобы ребенокъ здоровымъ росъ; а родильницѣ—чтобы слѣдующій бабу въ могилу не вогналъ.

— Родильницу дарятъ—задабриваютъ.

— Отецъ не долженъ во время крещенія присутствовать въ той же комнатѣ.

— Если будутъ плыть свѣчи у воспріемниковъ—ребенокъ недолговѣченъ.

— Священникъ забудетъ имя—не къ добру.

— Бурятка повитухой была—ребенка надо три раза перекрестить.

— Ребенокъ родился съ длинными волосами на головѣ — недобрый человѣкъ будетъ.

— Если брошенный воспріемникомъ въ купель при крещеніи шарикъ воску съ закатанными волосами ребенка потонетъ, то ребенокъ будетъ недолговѣчный; если же всплыветъ на поверхность — будетъ жить долго.

Бракъ.

Во многихъ крестьянскихъ семьяхъ женятся «увòзомъ» (крадутъ, по мѣстному выраженію), предварительно сговорившись съ родителями невѣсты. Поступаютъ же такъ, главнымъ образомъ, во избѣжаніе расходовъ при сватовствѣ.

— Если женихъ, отправляясь красть, пожалѣетъ угостить главнаго дружку (что̀ бываетъ большею частію «колдунъ»), то свадьба будетъ несчастливая.

— Чтобы «не испортили» молодыхъ, — ухаживаютъ и задабриваютъ колдуна, если такой есть въ деревнѣ.

— «Порчу» тотъ только и можетъ вылечить, кто ее «напуститъ».

— Невѣста запнется, или того хуже упадетъ передъ вѣнчаніемъ — худо будетъ жить съ мужемъ.

— За косу мало далъ тысяцкій — будутъ жить въ бѣдности.

— Новобрачнымъ баба съ ведрами дорогу перейдетъ — дѣтей не будетъ.

— Когда невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, рубашку на ней опоясываютъ лыкомъ (таловымъ) — дѣвичью жизнь завязываютъ.

— До двадцати дней молодуха не бита — мужу не по нраву пришлась.

— У жены повойникъ свалился — овдовѣть.

Русскія дѣвушки, участвующія на бурятской свадьбѣ, стараются войти въ юрту вмѣстѣ съ невѣстой буряткой, чтобы не «засидѣться въ дѣвкахъ».

Смерть и похороны.

— Сова кричитъ, собака воетъ — къ смерти.

— Дождь сквозь солнце — къ удавленнику.

— Звонъ въ ушахъ — умретъ кто-либо изъ родственниковъ.

— Послѣ выноса покойника изъ дома, въ переднемъ углу подъ образами держатъ въ теченіе 40 дней камень и воду, чтобы было гдѣ отдохнуть душѣ умершаго.

— Домъ трещитъ (а также щелканье кіота у иконы)— къ покойнику и къ несчастью.

— Гдѣ спускается радуга, на томъ мѣстѣ чья-то душа святая поднимается на небо.

— Человѣкъ умираетъ въ судорогахъ—душа съ дьяволомъ борется. (Другой варіантъ—грѣшное тѣло душу святую не отпускаетъ).

Когда умираетъ кто-либо, то стараются въ послѣднія минуты подержать у его рта ковшъ съ горячими углями и ладаномъ, чтобы душѣ легче было подняться (съ дымомъ на небо).

Если умираетъ человѣкъ съ открытыми глазами, — то значитъ, что еще кого-либо «потащитъ» за собой изъ семьи.

— Чтобы самому не умереть скоро, нужно подержать у покойника ноги, или вообще прикоснуться къ покойнику.

— Связанныя у покойника ноги и руки, передъ тѣмъ какъ хоронить, развязываютъ, чтобы свободнѣе ему было предстать на тотъ свѣтъ.

Есть повѣріе, что до 40 дней послѣ смерти душа покойнаго летаетъ надъ бывшимъ его земнымъ жилищемъ, все видитъ и слышитъ.

Вернувшись съ кладбища, нужно постоять у печи въ избѣ, чтобы не занести въ домъ смерти.

Всѣ вещи, которыя употреблялись при похоронахъ, складываются въ могилу умершаго.

Возвращаясь съ кладбища ничего не приноситъ, чтобы не «накликать» смерти.

Гробъ заказываютъ, большею частію, дѣлать поселенцамъ, избѣгая давать эту работу родственникамъ умершаго и, тѣмъ болѣе, бурятамъ.

Гробъ («домовина» — у семейскихъ) вносится въ избу тѣми же дверями, въ которыя будутъ выносить покойника.

Когда провожаютъ покойника — назадъ не оборачиваются, чтобы «не вернуть смерти».

— Кто не сниметъ шапки передъ покойникомъ, тотъ самъ скоро умретъ.

— Ходить на похороны бурятъ, хотя бы и друзей — чесотку получишь.

— Родителей забудешь помянуть въ 40 дней—быть несчастью, а въ годъ — самъ скоро умрешь.

— Зеркало разбить, видѣть во снѣ зубы — къ покойнику.

Съ смертью и похоронами у мѣстнаго крестьянина вообще связано безчисленное множество всевозможныхъ повѣрій и примѣтъ. И тутъ, главнымъ образомъ, исполнительницами являются женщины-старухи.

Съ минуты кончины начинаются уже разныя обрядности, связанныя съ повѣріями. Страхъ навлечь на себя бѣду, или смерть, заставляютъ крестьянина даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарочно приглашать къ себѣ на это время знающихъ всѣ обрядности мѣстныхъ старухъ или стариковъ.

«Причитаніе» также особенно практикуется здѣсь, въ особенности у семейскихъ. И тутъ есть въ деревняхъ «спеціалистки», которыя съ особымъ рвеніемъ нерѣдко всѣ три дня «воютъ» и «причитаютъ» на весь домъ.

Повѣрья и примѣты на разные случаи жизни.

Во время грозы удаляютъ изъ избы кошекъ и собакъ, думая, что онѣ «притягиваютъ» къ себѣ молнію, или, какъ говорятъ здѣсь, — «молонью».

Найдя слѣдъ вора, или «злого» человѣка, пострадавшіе (по совѣту колдуновъ) вколачиваютъ въ отпечатавшійся на землѣ слѣдъ острый колъ, вѣря при этомъ, что тѣмъ самымъ причиняютъ боль вору и заставляютъ его открыться.

«Убьешь змѣю — семьдесятъ грѣховъ сбавится, никогда не захвораешь падучей», или, какъ говорятъ здѣсь, «бѝтицей» (производя отъ слова «биться»).

Относительно змѣй существуетъ вообще у населенія очень много различныхъ суевѣрій и примѣтъ.

Не говоря о томъ уже, что всѣ безусловно чувствуютъ страшное отвращеніе къ нимъ, многіе къ тому же настолько боятся, что впадаютъ при видѣ змѣй въ болѣзненное состояніе. Встрѣчаются змѣи въ краѣ не часто, такъ какъ и вообще ихъ не особенно много здѣсь. Тѣ же мѣста, гдѣ можно встрѣтить змѣю, по возможности, избѣгаются населеніемъ. Каждый увидѣвшій ее считаетъ необходимымъ преслѣдовать и непремѣнно убить. Исключеніе составляютъ только буряты, которые считаютъ змѣю за божество и, увидѣвши, нерѣдко становятся на колѣни и складываютъ руки, какъ на молитвѣ. Убить змѣю бурятъ никогда не рѣшится по своему убѣжденію. Укусы мѣстныхъ змѣй рѣдко сопровождаются смертью, хотя преобладающая порода змѣй ядовитая: гадюка и мѣдянка. Укусы змѣй лечатся выса-

сываніемъ яда изъ ранки. Вылущенная и высушенная кожа змѣи составляетъ необходимую принадлежность знахарей и колдуновъ.

«Трогать бурятскія бурханы, красть ихъ, разбивать надмогильные знаки бурятъ, разбрасывать «обо» (молитвенные курганы бурятъ),—руки отсохнутъ».

Въ повѣріи этомъ сказывается вліяніе бурятъ; застращиваніемъ они хотятъ сохранить нетронутыми свои религіозные знаки.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ русскихъ жителей, проѣзжая мимо бурятскаго и монгольскаго «обо», по примѣру инородцевъ, бросаютъ въ общую кучу, или, если это дерево, то привязываютъ къ вѣткамъ обрывки матерій, или конскій волосъ, не объясняя себѣ, конечно, свои дѣйствія, но въ глазахъ инородцевъ, понятно, выказываютъ какъ бы уваженіе къ покровителямъ «обо» своей жертвой.

Бывая на бурятскихъ «амбонахъ» (молебствіяхъ), русскіе стараются не входить въ кругъ, гдѣ сидятъ ламы,—чтобы «не обасурманиться».

— Ворота открылись отъ вѣтра ночью—будетъ воровство, у бурятъ такое же повѣрье, когда открываются двери юрты.

— Мѣдныя деньги разсыпать (у деревенскихъ купцовъ)—долги не будутъ платить.

— Колосья въ полѣ сплетаются—къ худому урожаю. У бурятъ такая примѣта—предвѣстникъ голода.

— Назовешь родственника по ошибкѣ чужимъ именемъ—ссориться.

— Лошадь ночью ржетъ, корова мычитъ—къ пожару. Чтобы избавить лошадей отъ болѣзней, приколачиваютъ къ стойлу или на ворота скотнаго двора высушенную летучую мышь.

— Сплетается хвостъ, или грива у лошади—«сусѣдка» любитъ.

У бурятъ существуетъ такое же самое повѣрье и они на спутанныя пряди волосъ навѣшиваютъ иногда «ходаки», какъ приношеніе «невидимому божеству».

— Затменіе солнца — за грѣхи людскіе солнце меркнетъ.

— Въ Благовѣщеніе не начинай работы — будетъ не «фартъ».

Обрусѣвшіе буряты также придерживаются этого. Кромѣ этого дня ими почитаются еще праздники: Николинъ день и Иннокентьевъ. Нѣкоторые буряты, бывая въ православныхъ храмахъ, ставятъ иконамъ этихъ святыхъ свѣчи и молятся по своему обряду.

— Сѣверное сіяніе — къ войнѣ.

У бурятъ звѣропромышленниковъ — къ урожаю бѣлки.

— Летучая мышь залетѣла въ избу — чью-то душу чортъ ищетъ».

— Веревку отъ удавленника хорошо держать въ домѣ — «прибыль хозяину».

Примѣты на погоду.

— Пѣтухъ кричитъ не въ урочный часъ, курица роется въ землѣ, собаки лѣнивы и спятъ — къ дождю.

— Солнце заходитъ въ тучахъ, дымъ изъ трубъ стелется по землѣ, цвѣты на поляхъ сильно пахнутъ, собаки ѣдятъ траву — къ ненастью.

— Мѣсяцъ въ кругѣ зимой («въ рукавицѣ») — къ большому морозу.

— Гуси осенью густо летятъ къ югу — къ скорымъ холодамъ.

— Цвѣтетъ шиповникъ, яблоня, ирисъ въ сентябрѣ — къ продолжительной и теплой осени.

— Солнце закатывается краснымъ — къ вѣтру.

— Ласточки вьются высоко — къ хорошей погодѣ.

Кромѣ приведенныхъ, существуетъ еще не мало повѣрій и примѣтъ относительно времени посѣва хлѣба, начала промысловъ, различныхъ работъ и проч.

Особенно много повѣрій на постройку дома, выбора мѣста подъ пашни, а также охотничій промыселъ изобилуетъ массой всевозможныхъ повѣрій и примѣтъ *.

Нѣкоторыя изъ примѣтъ встрѣчаются въ формѣ прибаутокъ, поговорокъ и пословицъ.

Ворожба и колдовство.

Къ ворожбѣ и колдовству мѣстное населеніе обращается почти во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни, и большинство безусловно вѣритъ во всѣ предсказанія.

Въ краѣ, кромѣ значительнаго числа мѣстныхъ колдуновъ и предсказателей изъ русскихъ, не менѣе есть и изъ числа инородцевъ. Послѣдніе, большею частію, бурятскіе и монгольскіе ламы.

Зная низкую степень умственнаго развитія мѣстнаго деревенскаго населенія, становится неудивительнымъ, что такъ немного нужно ему, чтобы признать того или другого человѣка за колдуна, или предсказателя.

Въ свою очередь, послѣднимъ еще менѣе нужно прилагать хитрости и плутовства, чтобы сумѣть выдвинуть свои способности ворожбы и колдовства и тѣмъ самымъ закрѣпить за собой славу, подчасъ совершенно случайную, правдиваго «предсказателя».

Иногда бываетъ довольно какой-либо одной, выходящей изъ ряда деревенской жизни, несообразности, тѣлеснаго недостатка, бросающагося въ глаза костюма, двухъ-трехъ удачныхъ случаевъ ворожбы или предсказанія — и слава колдуна создана.

---

* По обработкѣ, провѣркѣ собранныхъ повѣрій и примѣтъ русскаго забайкальскаго населенія—таковые будутъ своевременно выпущены отдѣльнымъ сборникомъ. *Г. Осокинъ.*

Зная сравнительную прибыльность такого занятія, многіе, особенно изъ поселенцевъ, дѣлаются ими умышленно и съ большой охотой. Но, конечно, бываетъ, что слава колдуна создается послѣднему и помимо его желанія.

О болѣе извѣстныхъ колдунахъ, ворожеяхъ и знахаряхъ складываются цѣлыя легенды, повѣрія и исторіи, которыя переходятъ изъ рода въ родъ.

Ближе знакомясь съ жизнью мѣстнаго населенія, замѣчаемъ, что почти каждая деревня имѣетъ своего колдуна изъ односельчанъ и свою ворожею. Населеніе считаетъ ихъ за общающихся съ невидимыми духами, почему, признавая за ними извѣстную «силу», опасаются прогнѣвить ихъ, и если и не всѣ одинаково довѣрчиво относятся къ нимъ, то все же наружно выказываютъ свое уваженіе.

Бо́льшая часть всѣхъ этихъ колдуновъ, конечно,—плуты и мошенники, хотя и нельзя отнять у нихъ нѣкоторой доли наблюдательности, хитрости и умѣнія подмѣтить дурную сторону человѣка.

Всѣ эти колдуны, зная, какое вліяніе имѣютъ они на населеніе, стараются и жизнь свою наружно обставить большею или меньшею таинственностью. Селятся по окраинамъ селъ и деревень, нерѣдко въ заброшенныхъ избахъ и зимовьяхъ, въ особенности пользующихся худой репутаціей, какъ напримѣръ, мѣсто бывшаго здѣсь прежде какого-либо преступленія, или заброшенное какъ обиталище якобы «домовыхъ», «сусѣдокъ» и проч. Нѣкоторыя же селятся въ ближайшемъ къ деревнѣ лѣсу. Живя, дѣлаютъ видъ, что ни въ чемъ не нуждаются и не ищутъ расположенія у населенія. Избу или зимовье свое обставляютъ разными бросающимися въ глаза предметами, напримѣръ: лошадиными черепами, крыльями совы, причудливой формы деревьями, высушенными летучими мышами, бурятскими ходаками и т. п.

Относясь наружно вполнѣ индеферентно къ окружающему, они, обставляя такимъ образомъ свою жизнь, всегда стоятъ на-сторожѣ своей профессіи и не упустятъ случая заявить свое присутствіе тамъ, гдѣ это для нихъ выгодно въ матеріальномъ отношеніи.

Рѣдкія крестины, свадьба, похороны обходятся безъ колдуна, но и помимо этихъ главныхъ случаевъ колдунъ всюду и при всѣхъ случаяхъ жизни населенія является желаннымъ гостемъ.

Надо ли поворожить о розыскѣ краденаго, помирить кого-либо, поссорить, «приворожить», «присушить», погадать о будущемъ — за все это съ удовольствіемъ берется колдунъ-ворожей, увѣренный заранѣе, что ему безусловно повѣрятъ и наградятъ.

Ввиду большаго соревнованія и конкуренціи русскихъ колдуновъ съ бурятскими и монгольскими, которые, къ слову, все же считаются у населенія лучшими, русскіе колдуны-ворожеи прилагаютъ всѣ свои старанія, чтобы населеніе не оставило ихъ и потому вѣчно враждуютъ въ этомъ отношеніи между собой.

Тѣмъ не менѣе, въ мѣстахъ, гдѣ бурятскіе, или монгольскіе колдуны сумѣли взять перевѣсъ, тамъ уже рѣдко кто обратится къ русскому колдуну.

Обставленныя большею таинственностью ворожба и колдовство бурятъ и монголовъ, конечно, представляютъ болѣе интереса и удивленія мѣстнымъ жителямъ и легче способствуютъ тѣмъ самымъ ихъ заблужденію, заставляя безусловно вѣрить всему, что бы только ни сказалъ такой «прорицатель».

Въ особенности бурятскіе колдуны славятся, какъ искусные ворожеи и знахари.

Практикуютъ въ краѣ ворожбу еще и цыгане, но населеніе вообще относится къ нимъ съ недовѣріемъ.

Пріемы здѣшнихъ русскихъ колдуновъ заключаются по преимуществу въ такъ называемомъ «нашептываніи» на воду, молоко, золу, деготь, разныя травы, вино, уголь, а также въ упоминавшемся ранѣе: «привораживаніи», «присушиваніи» и различныхъ заговорахъ.

Содержаніе заговоровъ и нашептываній усиленно охраняется отъ пересказа постороннимъ лицамъ, если же и передается, то, какъ наслѣдственное достояніе, членамъ семьи и рѣдко, по особому расположенію, кому-либо изъ друзей и знакомыхъ.

Заговоры, наговоры и нашептыванія встрѣчаются здѣсь чаще на слѣдующіе случаи: излеченіе разныхъ болѣзней, «отъ худого глаза», отъ голода, отъ молніи, отъ змѣй, на «привораживаніе жениха или невѣсты», «присушку» любимаго человѣка, желаніе разлучить кого-либо, «навести» на кого-либо тоску, избавиться отъ «нечистой силы», отъ злого человѣка, отъ потравы поля скотомъ, или птицей; также много промысловыхъ и охотничьихъ заклинаній, заговоровъ и такъ называемыхъ «фартовыхъ словъ».

Для примѣра заговоровъ приводимъ два, болѣе часто употребляемыхъ населеніемъ: противъ зубной боли и противъ потравы хлѣбнаго поля воробьями.

Первый состоитъ въ томъ, что приглашенный ворожей, послѣ нѣкоторыхъ приготовленій, шептаній на три тоненькія лучинки, опросовъ имени и лѣтъ паціента говоритъ съ особеннымъ воодушевленіемъ три разъ подъ-рядъ слѣдующее заклинаніе:

«Не силой—волей, умомъ-разумомъ, оставь мать лихабѣда костяну болѣсть рабы Федосеи; въ три дня, три ночи моготу поставь, злу врагу отдай, упаси впередъ! Три кола тешу, три судьбы сужу: одну выспрошу — рабѣ Федосеи. Возьми костяну болѣсть, залечи бѣду трехконечную!»

Второй заговоръ производится обыкновенно раннимъ

утромъ «по зарѣ»; заговаривающій заходитъ въ средину поля, беретъ изъ-подъ ногъ горсть земли и, разбрасывая ее по сторонамъ, говоритъ нѣсколько разъ слѣдующее:

«Чье поле, воробушки»?—Самъ же отвѣчаетъ: «Такого-то». «Кто кормитъ воробушекъ?» — Также говоритъ: «Такой-то». «Что плотишь, воробушка»?—«Даромъ ѣмъ вволю». «Какъ дѣлишь, воробушка?» — «Самъ мѣры не знаю». А коли мѣры не знаешь подавись-подавомъ, сгинь со свѣта, лети, лети ко другому другу-недругу, злому человѣку, на край свѣта. Коли сѣять нечего — на тебѣ чистенькаго, молоченаго, просѣянаго, урожайнаго. Кушай на здоровье, да не поперхивайся, насъ позабудь, лихо не лихо, чѣмъ дале—тѣмъ лучше!»

Конечно, большинство такихъ заговоровъ сопровождается у нѣкоторыхъ усердныхъ заклинателей достаточнымъ количествомъ бранныхъ словъ и фразъ. Въ особенности, у русскихъ колдуновъ.

Во время заговоровъ и заклинаній на людяхъ, колдуны непремѣнно заставляютъ снимать крестъ.

Особенно славятся здѣсь своей приворотной, чародѣйственной силой заговоры на извѣстныя части скелета лягушки, пойманной весной, а также дорого цѣнится за такія же качества корень горнаго растенія, носящій мѣстное названіе «дȕбень».

Корень этотъ пріобрѣтается за большія деньги въ Ургѣ, черезъ знакомыхъ бурятъ-паломниковъ, а также и монголовъ.

Видомъ своимъ онъ напоминаетъ туловище человѣка безъ головы и дѣлится знахарями-колдунами на два пола.

Въ виду большой дороговизны, бывали случаи, что нѣкоторые знахари замѣняли его «съ неменьшимъ успѣхомъ», для себя конечно, весьма похожимъ корнемъ полыни, при-

давая отросткамъ форму человѣка, въ каковомъ видѣ и высушиваютъ.

Нерѣдко заговоры и нашептыванія дѣлаются надъ шкурками звѣрей-выродковъ (или, по мѣстному выраженію, «князьковъ»), какъ напримѣръ: на шкуркѣ очень свѣтлаго соболя, чернаго волка, бѣлой лисицы, такой же косули и т. п. Такая «наговоренная» шкурка очень цѣнится, и вообще убить звѣря, съ неприсущей ему окраской шкурки, считается у звѣровщиковъ за большое счастье. Шкурки эти весьма рѣдки, цѣнны и съ неохотой перепродаются владѣльцами. Большею же частію дѣлаются вѣчнымъ достояніемъ той семьи, въ которой онѣ были пріобрѣтены.

Буряты также цѣнятъ такія шкурки, считаютъ за счастіе имѣть, и если и передаютъ, то только какъ приношеніе въ дацанъ своимъ бурханамъ.

Пользующіяся большимъ уваженіемъ у населенія монгольскіе и бурятскіе ламы приглашаются иногда за десятки и сотни верстъ.

При ворожбѣ о потерѣ и покражѣ колдуны эти прибѣгаютъ къ помощи такъ-называемаго «пусканія стрѣлы». Ворожба стрѣлой заключается въ слѣдующемъ.

Приглашенный колдунъ, прежде чѣмъ приступить къ ворожбѣ, подробно спрашиваетъ присутствующихъ о сути дѣла; потомъ начинаетъ молиться, бормоча и выкрикивая непонятныя для окружающихъ слова. Окончивъ это, онъ беретъ небольшую деревянную стрѣлу, какія употреблялись ранѣе при стрѣляніи изъ лука. Стрѣла эта обыкновенно бываетъ на обоихъ концахъ обвязана всевозможными лоскутками, или такъ-называемыми ходаками. Подержавъ ее недолго надъ головой, лама очерчиваетъ кругомъ себя на землѣ кругъ, за который не позволяетъ заходить присутствующимъ. Окончивъ это, онъ дѣлаетъ нѣсколько порывистыхъ движеній и начинаетъ кружиться, держа стрѣлу

обѣими руками. Скоро движенія его и скачки на мѣстѣ доходятъ до изступленія. Глаза наливаются кровью, голосъ, которымъ онъ выкрикиваетъ непонятныя слова, становится хриплымъ. Но вотъ—проходитъ нѣсколько секундъ, и стрѣла его, ловко и незамѣтно для глазъ брошенная, какъ бы съ силой вырвавшись, падаетъ опять на землю. Лама скоро успокаивается, подходитъ къ стрѣлѣ и по направленію, въ которомъ она легла своимъ острымъ концомъ, дѣлаетъ свое заключеніе о мѣстѣ, гдѣ искать вора или украденную вещь. Бывали случаи, когда присутствовавшій тутъ же воръ, вѣря въ ворожбу и боясь, что стрѣла укажетъ при всѣхъ на него, тутъ же заблаговременно признавался, или указывалъ мѣсто, гдѣ скрыта украденная вещь.

По разсказамъ мѣстныхъ обывателей, ворожба со стрѣлой неодинакова у каждаго ламы и очень часто варьируется ими по своему усмотрѣнію и фантазіи.

Такъ напримѣръ, вмѣсто деревянной стрѣлы, употребляютъ короткую мѣдную (вершка два длиною). Держатъ ее въ одной рукѣ и во время высшаго напряженія (припадка) рука со стрѣлой какъ бы конвульсивно дергается и толчками указываетъ мѣсто или лицо, о которомъ ворожатъ. Какъ курьезъ въ данномъ случаѣ можно привести одинъ случай: когда ворожили о человѣкѣ, укравшемъ деньги. Здѣсь, предупрежденный заранѣе лама, не только указалъ стрѣлой на вора, присутствовавшаго въ средѣ зрителей, но и настолько «стрѣла» въ его рукахъ усердно дѣйствовала, что вору долго послѣ этой ворожбы пришлось залечивать свои раны. Послѣдній—бурятъ,—конечно, не только не могъ имѣть какихъ-либо претензій къ ворожею, но, по слухамъ, даже оставилъ свое воровство совершенно.

Какъ примѣръ ворожбы монгольскаго ламы, мы приводимъ слѣдующій случай, наблюдавшійся въ Киранскомъ ка-

раулѣ (въ 1893 г.). Здѣсь у одного казака потерялись двѣ лошади. Такъ какъ розыски его ни къ чему не привели, то онъ, по совѣту стариковъ, пригласилъ славящагося своей ворожбой монгольскаго ламу, по имени Чигмита, живущаго въ 70 верстахъ отъ караула.

Лама не замедлилъ явиться черезъ два дня и тотчасъ же, вопреки обычаямъ бурятскихъ ламъ, отказавшись отъ предложеннаго ему сытнаго угощенія, приступилъ къ ворожбѣ. Состояла она въ слѣдующемъ: въ сѣняхъ избы закрыли входную и наружную двери и два небольшія окна, чтобы сдѣлать помѣщеніе совершенно темнымъ. Прочитавъ какую-то тибетскую молитву, лама сѣлъ на полъ спиной къ одной изъ дверей, предварительно развѣсивъ на той двери небольшой квадратный бѣлый платокъ, испещренный тибетскими письменами.

Передъ собой, на низенькомъ столикѣ, разложилъ двѣ продолговатыя тибетскія книги съ молитвами, поставилъ небольшой молитвенный барабанъ и двѣ мѣдныя чашечки, заключавшія въ себѣ: одна — воду, другая — растопленное коровье масло. За столикъ поставилъ противъ себя зажженную сальную свѣчу, а за ней усадилъ сына хозяина, мальчика 5—6 лѣтъ.

Когда посторонніе зрители, по желанію ламы, вышли и остались только хозяинъ дома — казакъ и одинъ его знакомый, лама приступилъ къ ворожбѣ.

Изъ сумки, висѣвшей у него подъ халатомъ на шеѣ, онъ вынулъ блестящій металлическій шарикъ, какіе обыкновенно носятъ монголы на своихъ шапкахъ, и, держа его сзади пламени свѣчи, заставилъ мальчика смотрѣть на эту блестящую точку, а самъ въ то же время постепенно повертывалъ шарикъ. Окружающихъ просилъ не шумѣть и не разговаривать, а мальчику сказалъ, чтобы онъ не отводилъ глазъ отъ пламени и шарика.

Наступила полная тишина, длившаяся около 5—8 минутъ, прерываемая только поскрипываніемъ вертѣвшагося молитвеннаго барабана. Мальчикъ какъ бы приросъ своимъ взглядомъ къ блестящему шарику; но вотъ скоро глаза его понемногу закрылись, и онъ, какъ бы засыпая, опустилъ голову. Тогда лама, отложивъ въ сторону шарикъ, тихо взялъ мальчика за руку; другой же рукой, обмакнувъ предварительно палецъ въ масло, прикоснулся къ его губамъ. Затѣмъ повелъ съ нимъ разговоръ.

Прежде всего, онъ довольно тихо спросилъ мальчика, что онъ видитъ. Послѣдній сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ, что видитъ какой-то незнакомый ему покосъ. Затѣмъ на дальнѣйшіе предложенные ему вопросы мальчикъ отвѣчаетъ, что видитъ на томъ покосѣ табунъ лошадей и въ нихъ узнаетъ по примѣтамъ двухъ утерянныхъ лошадей, описывая примѣты настолько подробно, что трудно было бы слышать это отъ мальчика, да къ тому же еще, какъ оказалось потомъ, мальчикъ этотъ и вообще-то мало зналъ лошадей. Кромѣ лошадей, продолжалъ онъ, видитъ двухъ бурятъ, изъ которыхъ одинъ «треножитъ» лошадь, другой же разсѣдлываетъ.

Далѣе, на разспросы ламы, также подробно описываетъ онъ и мѣстность.

Отецъ мальчика, страшно удивленный и ошеломленный всѣми этими непонятными вещами, шепчетъ, что мѣсто это, судя по описанію, такъ называемый «Большой лугъ». На лицѣ его видны страхъ и волненіе. Онъ какъ бы замираетъ въ ожиданіи услышать еще что-то. Но вотъ — лама быстро опускаетъ руку мальчика, беретъ чашечку съ водой, вспрыскиваетъ лицо его и также быстро отворяетъ одну изъ дверей. Мальчикъ какъ-то неестественно вздрогнулъ, оглянулъ окружающихъ и, какъ бы испугавшись чего-то, взглянулъ на ламу и заплакалъ. Лама, не обращая вни-

манія ни на впечатлѣніе, произведенное на отца, ни на испугъ и слезы мальчика, поспѣшно принялся собирать и укладывать свои «чародѣйскіе» атрибуты, этой исключительной по пріемамъ, ворожбы.

Когда же окружающіе успокоились, то лама увѣрилъ казака, что лошади его найдутся, но что онъ долженъ сегодня же торопиться за поисками въ описанную ворожбой мѣстность.

Къ немалому удивленію и радости казака, лошади дѣйствительно нашлись въ мѣстности «Большой лугъ» въ тотъ же день.

Такой случай удачной ворожбы, конечно, съ быстротою молніи разносится по округу и обсуждается населеніемъ на всѣ лады.

Такъ какъ лама, при ворожбѣ, разговаривалъ съ окружающими по-русски, хотя и съ усиліемъ, то это уже одно доказываетъ, что ворожба его среди русскихъ не рѣдка, несмотря на то, что живетъ онъ довольно далеко отъ границы.

Вѣра въ бурятскую ворожбу породила такую же вѣру и въ «сверхъестественную» силу бурятскихъ и монгольскихъ молебствій, исцѣляющихъ якобы разные недуги. Въ особенности, многіе изъ мѣстныхъ жителей приписываютъ большое значеніе въ леченіи такъ-называемому «ламскому отчитыванію».

Хотя случаи, когда мѣстное православное населеніе прибѣгаетъ къ «отчитыванію», усиленно имъ скрывается, въ особенности отъ духовенства, но что оно существуетъ—и не особенно рѣдко,—тому служитъ много фактическихъ доказательствъ.

Чаще всего такое леченіе наблюдается въ средѣ крещеныхъ бурятъ и ихъ родственниковъ.

Такія «отчитыванія» часто происходятъ въ дацанахъ,

для чего больныхъ привозятъ издалека, нерѣдко въ послѣдней стадіи болѣзни. Обрядъ «отчитыванія» состоитъ въ слѣдующемъ: больного кладутъ въ юртѣ, или около нея, на невысокую кровать, или иногда и просто на кошму. Лама садится противъ больного; разложивъ передъ собой книги съ молитвами и колокольчикъ, онъ начинаетъ свое однообразное чтеніе. Изрѣдка онъ встаетъ, чтобы приложить свою руку къ мѣсту бо̀ли паціента, или же просто подержать за руку, при чемъ въ то же время звонитъ въ колокольчикъ и продолжаетъ бормотанье молитвъ. Чтеніе обыкновенно продолжается не менѣе часа. Чѣмъ больше больной стонетъ, тѣмъ громче лама читаетъ и звонитъ. Помощникъ ламы при этомъ изрѣдка ударяетъ въ бубенъ, а также, подхватывая нѣкоторыя отдѣльныя слова ламской молитвы, особенно усердно выкрикиваетъ ихъ.

Продолжительность «отчитыванія», а равно и самая обстановка его, вполнѣ въ зависимости отъ ламы и того вознагражденія, которое лама расчитываетъ получить. Почему и самое «отчитываніе» не одинаково и часто варьируется ламами. Изъ другихъ способовъ леченія, основаннаго на суевѣріи, обращаетъ вниманіе, перешедшій также отъ инородца: вѣра въ проживаніе нѣкотораго времени въ разныхъ пещерахъ у скалъ и горъ причудливой формы.

Такъ напримѣръ, въ вершинѣ Чикоя есть гора (скала), которая своей формой очень походитъ на голову. Изъ расщелины скалы вытекаетъ небольшой ключикъ прозрачной, какъ кристалъ, чистой воды. И вотъ, для суевѣрнаго жителя было достаточно такой формы скалы, чтобы считать это мѣсто и ключикъ излечивающими головныя боли и каждогодно лѣтомъ посѣщаютъ его въ значительномъ количествѣ больные крестьяне и инородцы, чающіе исцѣленія.

Въ при-Байкальскихъ горахъ извѣстна также гора, напоминающая грудь женщины, и сюда населеніе пріѣзжаетъ лечиться отъ грудныхъ болѣзней.

Если же вспомнить, что юго-западная часть Забайкалья вообще изобилуетъ массой отдѣльныхъ сопокъ, скалъ, утесовъ, то не придется удивляться тому, что населеніе современемъ найдетъ и еще много частей человѣческаго тѣла въ изваяніяхъ природы и тѣмъ самымъ откроетъ суевѣрному населенію новыя лечебныя мѣста.

Въ ближайшей пограничной полосѣ Монголіи также есть не мало цѣлебныхъ мистическихъ мѣстъ, которыя одинаково посѣщаются какъ русскими, такъ и инородцами.

Изъ пещеръ же особенно славятся въ краѣ двѣ: одна у берега Байкала въ Баргузинскомъ округѣ, другая въ Верхнеудинскомъ округѣ, въ 7 верстахъ отъ деревни Кирѣти, въ хребтѣ.

Объ эти пещеры почитаются жителями какъ цѣлебныя при леченіи отъ укусовъ бѣшеными животными. Въ виду особой формы этихъ пещеръ, леченіе въ нихъ производится такъ-называемымъ «продергиваніемъ».

Пещера вблизи Кирети имѣетъ кромѣ наружнаго хода у подножья скалы еще поднимающійся вертикально со дна второй выходъ, какъ бы трубу, вышиной приблизительно 4—5 саженъ, съ острыми выступами и заканчивающійся вверху узкимъ отверстіемъ, какъ у колодца.

Укушенныхъ привозятъ къ пещерѣ возможно скорѣе, не далѣе недѣли, обыкновенно въ той же самой одеждѣ, какая была на немъ при укушеніи.

Снявши одежду съ больного, его обвязываютъ по поясу веревкой, или если онъ старикъ, или женщина, то садятъ на доску и спускаютъ на веревкѣ до дна трубы (пещеры), что продѣлывается обыкновенно три раза, не останавливаясь.

Можно себѣ представить, что чувствуетъ при такомъ леченіи больной, когда, раскачиваясь на веревкѣ, ударяется объ острые выступы узкой трубы, ранящіе его тѣло въ кровь.

Нерѣдко бываетъ, что больного вытаскиваютъ наверхъ въ обморокѣ, но несмотря на это, ламы все же доводятъ леченіе до конца, т. е. соблюдаютъ трехкратное продергиваніе; да и сами укушенные, вѣря въ возможность исцѣленія отъ послѣдствій укушенія, терпѣливо выносятъ свое испытаніе.

Послѣ окончанія этого «продергиванія», укушенные, какъ приходилось наблюдать, были какъ-то особенно бодро настроены, несмотря на причиненныя раны, и вообще страхъ ужасной болѣзни какъ-то сразу оставлялъ «вѣрящаго» въ такое леченіе.

Населеніе насчитываетъ массу случаевъ, которые якобы доказываютъ исцѣленіе укушенныхъ.

Какъ и въ прежде описанныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь нужно добавить, что «продергиваніе» ведется подъ наблюденіемъ ламы, который получаетъ, конечно, извѣстную мзду, а также и оставленную одежду укушеннаго, такъ какъ, послѣ продергиванія, на укушенного надѣваютъ чистое бѣлье и другое платье.

Леченіе знахарст-

Недостаточность въ краѣ докторовъ и отдаленность послужили громадному развитію здѣсь знахарства. Кажется, нѣтъ въ Сибири еще другихъ такихъ мѣстъ, гдѣ было бы столько же знахарей и знахарокъ.

Знахарями, какъ и колдунами, являются здѣсь, кромѣ русскихъ, одинаково и ламаиты. Случайныя исцѣленія знахарей заставляютъ жителей глухихъ мѣстъ безусловно вѣрить имъ и въ то же время смотрѣть съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ на врача.

Такъ называемое «ламское леченіе» въ большомъ ходу; несмотря даже на то, что нѣкоторыя изъ тибетскихъ лекарствъ заключаютъ въ себѣ сильно-дѣйствующія средства и подчасъ дѣлаютъ поворотъ въ совершенно противоположную сторону леченія.

Знахарь, какъ и колдунъ, всегда въ почетѣ у населенія. Въ особенности вѣра въ знахарство поддерживается женщинами.

Составъ лекарствъ, употребляемыхъ мѣстными знахарями, по сложности нѣкоторыхъ, возможно опредѣлить только спеціалисту. Болѣе же простыя заключаютъ въ себѣ различныя растущія здѣсь травы и злаки. Чѣмъ разнообразнѣе и больше лекарствъ у знахаря, тѣмъ онъ считается опытнѣе.

Къ болѣе простымъ народнымъ средствамъ можно отнести употребляемыя здѣсь: богородскую траву — въ сухомъ видѣ и во всевозможныхъ отварахъ, мяту, листья подорожника, цвѣты шиповника, траву подъ названіемъ «чигина», брусничную траву, березовый сокъ, березовую кору, почку, толченый уголь (употребляемый въ печеномъ хлѣбѣ), чистый деготь, листья капусты, огуречный разсолъ, свекольный сокъ, мохъ съ солонцевъ, крапиву, водку съ солью и перцемъ, медвѣжій жиръ, желчь и проч. Ревматизмъ лечатъ крапивой, горячими ваннами. Простуду — водкой, жиромъ. Падучую и родимецъ лечатъ, закрывая больного во время припадка чѣмъ-либо бѣлымъ, напримѣръ холстомъ. Больныхъ оспою обмазываютъ чистымъ дегтемъ. «Ломоту» лечатъ растираніемъ и массажемъ. Этимъ послѣднимъ занимаются обыкновенно бурятки и монголки; онѣ же славятся какъ опытныя и искусныя «костоправы» при переломахъ, вывихахъ.

Каждое лекарство, даваемое знахарями, сопровождается различными заклинаніями, нашептываніями.

О многихъ цѣлебныхъ травахъ у знахарей существуютъ всевозможныя легенды и повѣрія.

Изъ мистическихъ средствъ, употребляемыхъ при леченіи, можно указать на способъ излеченія лихорадки, или, какъ называютъ ее здѣсь, «лихоманки».

Здѣсь требуется исполнить слѣдующія пять указаній: 1) Ложась спать, очерти себя углемъ, двѣнадцать разъ сплюнь въ сторону четырехъ угловъ, приговаривая: отвяжись, лиха-тетка, аминь. 2) Сутки не ѣсть, не пить,—чтобы голодомъ «выжить ее изъ нутра». 3) Три раза пролѣзть безъ одежды въ потную хомутину, только что снятую съ лошади. 4) На утренней, или вечерней зарѣ умыться рѣчной водой, слитой черезъ сито, наполненное мятой, и 5) Выйти на конецъ улицы деревни и первому, кто попадетъ на встрѣчу, приговаривать про себя: «возьми своего—меня забудь»—пока человѣкъ этотъ не скроется изъ виду.

Ламское леченіе примѣняется мѣстными русскими преимущественно въ тяжелыхъ заболѣваніяхъ. За нѣкоторыми лекарствами ѣздятъ въ Ургу и платятъ тамъ за нихъ большія деньги. Слава «ургинскихъ» лекарствъ заставляетъ населеніе чаще всего обращаться именно къ монгольскимъ ламамъ и только въ экстренныхъ случаяхъ къ бурятскимъ.

Одно время особенно славился ургинскій лекарь лама «Чойденъ». Лечиться къ нему ѣздили многіе и городскіе жители, и не только Забайкалья, но и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, какъ напримѣръ: изъ Иркутска, Томска, Красноярска и др.

«Чойденскія» лекарства, такъ называемые «задачки», считались почти какъ «чудесныя» средства. Хотя секретъ свой приготовленія лекарствъ, по слухамъ, онъ не открывалъ до своей смерти, тѣмъ не менѣе и теперь многіе монгольскіе ламы злоупотребляютъ его прежней славой, на-

зывая свои лекарства «чойденскими» и, конечно, дѣлается это не безъ пользы для себя.

Леченіе природными минеральными источниками также широко практикуется населеніемъ.

Какъ и въ остальномъ леченіи, такъ и здѣсь леченіе водой того, или другого источника производится въ большинствѣ случаевъ по указанію мѣстныхъ знахарей, или ламъ.

Помимо массы различныхъ минеральныхъ источниковъ въ краѣ и сосѣдней Монголіи, населеніе считаетъ нѣсколько и обыкновенныхъ горныхъ источниковъ (ключиковъ), обладающихъ цѣлебными свойствами, которыми также лечится.

Каждый чистый горный источникъ, «аршàнъ» по-бурятски, считается населеніемъ какимъ-либо особенно «цѣлительнымъ».

Есть, напримѣръ, признанные населеніемъ полезными для желудка, для глазъ, для волосъ, для чистоты кожи, и т. п.

Нельзя, конечно, отрицать того, что большинство горныхъ источниковъ Забайкалья отличаются замѣчательно чистой и вкусной водой, въ особенности послѣднимъ, что конечно и подкупаетъ населеніе къ пользованію ими, какъ лечебнымъ средствомъ, въ особенности, если воду этихъ источниковъ сравнить съ той водой, которую приходится обычно употреблять населенію изъ загрязненныхъ колодцевъ своихъ поселеній, или изъ рѣчушекъ.

Въ числѣ многихъ минеральныхъ источниковъ Забайкалья, особенной и вполнѣ заслуженной славой пользуется Ямаровскій углекисло-желѣзистый*. Хотя источникъ этотъ

---

* «Ямаровскій» источникъ относится къ группѣ углекисло-желѣзистыхъ. Находится онъ въ Верхнеудинскомъ округѣ, въ долинѣ между отрогами Малахонскаго хребта, въ 350 верстахъ отъ Кяхты. Открытъ бурятомъ охотникомъ въ 1850 году. Изслѣдовался, кромѣ д-ра Козиха, еще слѣдующими лицами: д-ромъ Марцинкевичемъ (въ 1854 г.), д-мъ Рейхманомъ (1878), Обручевымъ (1893), Ревкевичемъ (1892) и Залѣсскимъ (1904). («Минеральные источники Забайкалья», составл. Ин. Багашевымъ 1905 г.).

сравнительно давно уже извѣстенъ населенію не только Забайкалья и вообще всей Сибири, но болѣе правильная эксплоатація его поставлена недавно. Несмотря на то, что посѣщающихъ ежегодно бывало до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ,—онъ до конца 1880-хъ годовъ содержался далеко не въ должномъ видѣ. Только съ 1888 года, благодаря мѣстному кяхтинскому доктору К. П. Козиху, благоустройство источника находитъ заботливаго и дѣльнаго труженика, который прилагаетъ все стараніе, чтобы обратить Ямаровскія минеральныя воды въ мѣстный курортъ и поставить его на должную высоту. Найдя себѣ поддержку съ матеріальной стороны въ лицѣ нѣсколькихъ лицъ изъ кяхтинцевъ, онъ нѣсколько лѣтъ работаетъ на источникѣ и наконецъ, благодаря его неустаннымъ стараніямъ, правительство обращаетъ вниманіе и даетъ нѣкоторую возможность увидѣть наконецъ источникъ болѣе, или менѣе благоустроеннымъ.

Въ настоящее время Ямаровскій минеральный источникъ является вторымъ, въ данномъ районѣ Забайкалья, мѣстнымъ курортомъ съ большою будущностью. Первымъ же стоитъ пока Дарасунскій, вблизи Читы.

Несмотря на присутствіе, во время сезона, постояннаго врача на Ямаровскихъ водахъ, простое деревенское населеніе, посѣщая воды, почти не обращается къ нему за совѣтами и указаніями въ леченіи водой. Почему и сейчасъ не рѣдкость услышать, что тотъ или другой выпиваетъ до 40 стакановъ въ день минеральной воды, смотря по желанію и возможности. Притомъ, лечатся водой не только при катаррахъ желудка, но чуть ли не отъ всѣхъ болѣзней. Конечно, результаты такого леченія впослѣдствіи сказываются весьма плохо, но и это не останавливаетъ другихъ лечиться по той же «личной» системѣ. Вода источника въ дождливое время нерѣдко дѣлается очень слабой, соединяясь съ почвенной водой, что вовсе не принимается въ

разсчетъ населеніемъ. Рѣдкіе больные изъ деревенскихъ долго заживаются на водахъ, лѣтнее рабочее время не позволяетъ имъ долго лечиться, почему они и стараются въ короткое свое посѣщеніе выпить возможно больше воды. Ваннами населеніе почти не лечится.

Кромѣ Ямаровскихъ «кислыхъ водъ», какъ онѣ извѣстны у населенія въ томъ же районѣ (по Чикою), есть еще нѣсколько содистыхъ и желѣзистыхъ источниковъ, но они научно мало изслѣдованы; населеніемъ эти источники посѣщаются рѣже, чѣмъ Ямаровскій, хотя буряты, вообще часто подверженные желудочнымъ катаррамъ, посѣщаютъ довольно часто и эти воды.

Лучшимъ временемъ для леченія водами населеніе считаетъ раннюю весну (приблизительно около 10 мая) до половины іюня и позднюю осень (съ половины сентября до половины октября), говоря, что въ это время вода «сильнѣе», что отчасти и справедливо, такъ какъ весна и осень рѣдко бываютъ дождливыя, и источники, въ большинствѣ ничѣмъ не защищенные отъ дождя, въ это время года не разбавляются атмосферическими осадками и полнѣе сохраняютъ свой минеральный вкусъ.

Несмотря на сравнительное благоустройство Ямаровскихъ минеральныхъ водъ—правильной эксплоатаціи источника почти не замѣчается. Вывозится воды для употребленія за предѣлы самаго источника очень незначительное количество. Даже аптеки ближайшихъ городовъ не имѣютъ этой безусловно прекрасной воды. Всему виной, конечно, непредпріимчивость и неподвижность сибиряковъ. Почти въ каждомъ городѣ вы найдете какъ въ аптекахъ, такъ и въ ресторанахъ Нарзанъ и заграничныя Аполинарисъ и Гизюблеръ, стоящія по вкусу, въ особенности послѣднія, далеко ниже Ямаровской; этой же мѣстной воды нигдѣ, кромѣ нѣкоторыхъ любителей, не найдете.

Повидимому, и минеральные источники, какъ и вообще многія сибирскія богатства, лежащія втунѣ, ждутъ предпринимателей болѣе энергичныхъ, чѣмъ сибирякъ. Положимъ, какъ нѣкоторое оправданіе сибиряку мы не можемъ не упомянуть того, что всякія начинанія въ краѣ находятъ и по сейчасъ массу тормозящихъ дѣло причинъ, не зависящихъ отъ самого населенія и держащихся въ области благодаря его отдаленности и неблагоустройству.

Помимо мѣстныхъ источниковъ населеніе усиленно посѣщаетъ таковые же, находящіеся въ предѣлахъ ближайшей Монголіи.

Туда ѣздятъ обыкновенно на горячіе сѣрные источники, изъ которыхъ особенно славится такъ называемый Иринскій (находящійся вблизи рѣки Иро, притока Орхона).

Температура воды этого источника колеблется отъ + 28 до + 32 градусовъ Ц. Больные, въ большинствѣ ревматики и сифилитики (послѣднихъ болѣе всего монголовъ и китайцевъ), принимаютъ ванны, которыхъ дѣлаютъ отъ 10 до 20, смотря по силѣ болѣзни. Конечно, врача здѣсь также никакого нѣтъ, и населеніе пользуется совѣтами монгольскихъ ламъ.

Тѣмъ не менѣе излеченій наблюдается масса, что и заставляетъ населеніе усиленно посѣщать эти воды, несмотря на ихъ полное неблагоустройство и отдаленность.

Помѣщеній для ваннъ не имѣется. Ванны, изъ которыхъ часть простыя долбленныя корыта, страшно загрязнены и ихъ очень немного. Стоятъ онѣ на открытомъ воздухѣ, и сами больные должны принимать средства, чтобы сдѣлать какую-либо крышу, или навѣсъ.

Построекъ и юртъ также нѣтъ. Каждый посѣщающій устраиваетъ себѣ балаганъ изъ коры или ставитъ временное зимовье. Леченіе иногда производится и въ холодное время года. Притомъ нужно добавить, что леченіе нѣко-

торыхъ заканчивается такъ называемымъ «закаливаніемъ», для чего, выйдя изъ горячей ванны, больного окачиваютъ холодной водой. Несмотря на всю рискованность такого леченія, случаи закаливанія вовсе не такъ рѣдки и проходятъ въ большинствѣ безъ послѣдствій. Нужно пояснить только, что леченіе закаливаніемъ преимущественно замѣчается среди семейскихъ. Буряты же и монголы, какъ вообще боящіеся холодной воды, почти никогда такъ не поступаютъ.

Кромѣ горячихъ ваннъ населеніе лечитъ ревматизмъ солеными. Въ особенности часто дѣлаютъ грязевыя ванны изъ мѣстныхъ соленыхъ озеръ, а также и изъ такъ называемыхъ «гуджира» (надпочвенные осадки солончаковыхъ мѣстностей).

Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, въ особенности женскихъ, замѣчалось леченіе ваннами изъ жмыховъ конопли, кедровыхъ орѣховъ и бѣлаго моха, собираемаго на гольцахъ.

Рѣчь сибиряка и ея особенности.*

Прислушиваясь къ рѣчи сибиряка вообще и забайкальца въ частности, нельзя не замѣтить нѣкотораго своеобразія въ выговорѣ, интонаціи и употребленіи словъ сибирскаго народа.

Сибиряки, какъ и населеніе сѣверныхъ губерній Европейской Россіи (Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Ярославской и др.), твердо произносятъ букву *о*; имена прилагательныя и мѣстоименія употребляютъ въ усѣченномъ окончаніи, напримѣръ *большâ, меньшâ, котóра, какâ, такâ*, и пр. (что, впрочемъ, встрѣчается и во внутреннихъ губерніяхъ Европейской Россіи); въ глаголахъ сокращаютъ букву *е* во 2-мъ и 3-мъ лицѣ един. числа и въ 1-мъ множ. наст.

---

* «Матеріалы къ этнографіи западнаго Забайкалья» Г. М. Осокинъ. «Сборникъ помѣстныхъ словъ и выраженій». Изданіе Тр.-Кях. отд. И. Р. Г. О. 1901 г.

времени, напримѣръ: «*ты понимашь, онъ понимать, мы понимамъ;* нѣкоторые глаголы употребляются своеобразно, напримѣръ, бѣлье *вѣсится,* вмѣсто виситъ; вмѣсто садиться, сѣлъ говорятъ *сясти, сялъ;* глаголы идти, ѣхать для обозначенія настоящаго времени, или близкаго будущаго дѣйствія берутся въ прошедшемъ времени, какъ-то: *я пошелъ, я поѣхалъ* говорится въ то время, когда человѣкъ еще только собирается выйти изъ дому, т. е. въ смыслѣ я иду, я ѣду или я пойду, я поѣду.

Глаголомъ *бѣжать* замѣняютъ глаголъ ѣхать; напримѣръ *онъ побѣгъ* на тройкѣ, такой-то *шибко бѣгаетъ,*— вмѣсто поѣхалъ, ѣздитъ. Есть глаголы, созданные самими сибиряками, напримѣръ *бѣлковать* (т. е. охотиться на бѣлку), *лѣсовать* (находиться въ лѣсу, добывать что-либо изъ лѣса), *звѣровать* (т. е. охотиться на звѣря). У сибиряковъ встрѣчается своеобразное окончаніе множественнаго числа, напримѣръ: *звѣрьѐ, дубьѐ, вороньѐ* (что, впрочемъ, замѣтно и у другихъ крестьянъ Европейской Россіи). Въ нѣкоторыхъ словахъ переставлены слоги; такъ *далонь* — вмѣсто ладонь; въ иныхъ буквы замѣнены другими: такъ въ Забайкальѣ, напримѣръ, говорятъ *Тяхта* вмѣсто Кяхта, *теледа* вмѣсто телѣга, *почма* вмѣсто кошма, *гумага* — бумага и пр.

Мѣстоименіе относительное *что* не употребляется въ именительномъ падежѣ, а непремѣнно въ родительномъ *чего;* также часто это слово сибиряки ставятъ вмѣсто *и пр.* въ добавленіе къ перечисленію предметовъ, напримѣръ: на дворѣ были кони, коровы да *(чаво, чего).*

Въ Забайкальѣ, какъ и во многихъ мѣстностяхъ Сибири, говорятъ *льзя* вмѣсто можно, а вмѣсто нельзя — *не можно.*

Вообще сибирское нарѣчіе пестритъ измѣненными русскими словами, а также словами и инородческими, заимствованными вслѣдствіе близкаго сосѣдства и постояннаго

общенія съ коренными жителями Сибири — инородцами. Говорятъ сибиряки быстро, но послѣднія слова фразы растягиваютъ до пѣвучести и даже выкрика.

Собственно въ забайкальскомъ нарѣчіи буква *о* не такъ рѣзко выдѣляется, какъ въ нарѣчіи западныхъ сибиряковъ, но здѣсь не слышно предпочтенія и буквѣ *а,* какъ у москвичей. Отчасти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья говорятъ *въ носъ,* что, вмѣстѣ съ быстротою говора, дѣлаетъ рѣчь ихъ не совсѣмъ понятною для непривычнаго человѣка. Особую оригинальность забайкальскому нарѣчію придаетъ частое употребленіе словъ *быдто* (будто) и *однако;* такъ, напримѣръ, говорятъ: «это *быдто* мой братъ, у него *быдто* что-то не ладно». Слово *однако* какъ-то вскакиваетъ чуть не въ каждую фразу забайкальца, какъ въ утвердительномъ смыслѣ, такъ и въ предположительномъ, замѣняя при этомъ собою: *да, я полагаю,* вѣроятно или должно быть. Напримѣръ, на вопросъ: пилъ ли чай? — придетъ ли онъ? сибирякъ отвѣтитъ: *однако* пилъ, *однако* придетъ. Вмѣсто фразы: вѣроятно, завтра я поѣду, скажетъ: *однако,* завтра я *побыу* и т. д.

Особенно полна неправильностями и своеобразностями рѣчь сибиряка, живущаго гдѣ-либо въ далекомъ таежномъ углу, или среди бурятскихъ улусовъ.

Сельскія школы, въ рѣдкихъ случаяхъ, являются борцами противъ неправильностей выговора, или исключенія изъ русской рѣчи крестьянина инородческихъ словъ. Причиной тому то, что нерѣдко и сами сельскіе учителя, мѣстные сибиряки, не исключаютъ въ своей рѣчи врожденнаго нарѣчія. Нарѣчіе сибиряка, конечно, не ограничивается селами и деревнями, т. е. однимъ лишь крестьянскимъ населеніемъ, замѣчается оно и въ мѣстныхъ городахъ, хотя и не въ такой полнотѣ.

Попытки къ собиранію матеріала къ изслѣдованію си-

бирскаго нарѣчія были дѣлаемы еще въ 1850-хъ годахъ. Такъ П. А. Ровинскій въ статьѣ своей, помѣщенной въ Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Т. Р. Г. О. въ 1873 г., т. 4, между прочимъ говоритъ: «Сибирское нарѣчіе, конечно, въ основаніи произошло отъ сѣверо-русскаго, но разъединенность Сибири отъ остальной Россіи, иныя условія жизни и иныя условія историческія и столкновенія съ другими народностями дали ему развитіе оригинальное. Но тогда какъ однокраене сибиряковъ, сидя постоянно на одномъ мѣстѣ и связанные преданіемъ и обычаями, больше держались началъ, вложенныхъ изстари, туго измѣняли ихъ, сибиряки чувствовали себя свободнѣе, менѣе стѣснялись преданіями старины и допускали болѣе измѣненій. Сибирякъ въ умственномъ отношеніи вольнѣе, чѣмъ русскій изъ Европы. Это отразилось на складѣ языка, гдѣ встрѣчаются неправильности. Откуда бы ни являлись поселенцы въ Сибирь, всѣ они начинаютъ говорить по-сибирски, а ихъ дѣти дѣлаются сибиряками. Въ Забайкальѣ встрѣчаются чистѣйшіе сибиряки, у которыхъ отцы были поляки, нѣмцы и финны».

На допущеніе сибиряками въ обороты своей рѣчи инородческихъ словъ, имѣющихъ соотвѣтственныя названія въ русскомъ языкѣ, г. Ровинскій смотритъ какъ на небрежность. Мы же, съ своей стороны, полагаемъ, что такое допущеніе могло произойти и не только отъ небрежности, но и отъ желанія быть понятыми тѣми инородцами, съ которыми ведутся ближайшія сношенія. Однозначащія русскія слова ими не забыты и употребляются при сношеніяхъ съ русскими, вновь пріѣхавшими и проѣзжими черезъ Забайкалье.

Какъ бы то ни было, но въ забайкальское нарѣчіе вошли слова бурятскія, монгольскія и отчасти китайскія.

Чисто мѣстныхъ словъ въ нарѣчіи забайкальца можно насчитать тысячи три; но не менѣе встрѣчается словъ и

выраженій заимствованныхъ отъ инородца и отчасти оставшихся старинныхъ русскихъ словъ. Послѣднія особенно часто встрѣчаются въ разговорѣ семейскаго.

Менѣе всего заимствовано словъ китайскихъ; большинство ихъ замѣчается только почти исключительно среди торговаго класса населенія.

Скорѣе всего воспринимается бурятскій языкъ, на которомъ нѣкоторые привыкаютъ говорить въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Монгольскій, какъ близкій къ бурятскому, также въ большомъ ходу у населенія пограничной полосы.

Чтобы читатель яснѣе могъ представить себѣ всю своеобразность рѣчи сибиряка, мы приводимъ ниже нѣкоторыя разговорныя фразы, а въ особомъ приложеніи въ концѣ книги помѣщаемъ словарь мѣстныхъ словъ (сибирскихъ и заимствованныхъ отъ инородцевъ).

Къ рѣзкимъ особенностямъ забайкальской рѣчи нужно отнести неправильное и запутанное составленіе разговорныхъ фразъ. Такъ, напримѣръ, говорятъ: «*Скажи ты, паря* (парень), *мнѣ—какимъ эт-то чудомъ исторія-то Ванюхи съ Петрованомъ учинилась?*» или «*Ходи, ребята, во всю*». «*Какъ здоровенько будешь ты, ваше благородіе?*»

Мѣстоименіе «*ты*» часто въ рѣчи сибиряка стоитъ съ «*вы*» рядомъ. Напримѣръ говорятъ: «*Ты, ваше степенство*», «*ты, ваша милость*» и т. д.

При опредѣленіи времени употребляютъ такія выраженія: «*Объ осень, объ зиму, вчерась, третеводнесь, о сю пору, о ту пору*», вмѣсто: осенью, зимой, вчера, позавчера, теперь, сейчасъ, недавно.

«Колѝ допрѐжъ дѣло не уладилъ супротѝвъ его, то ужъ тепѐрича и думать не моги».

«Столбъ-отъ хоть и накрѐнился (покосился) да еще ядрѐный (т. е. крѣпкій).

Въ обращеніи другъ къ другу по имени обыкновенно говорятъ: Митюха, Никола, Петруха (Петрованъ), женъ зовутъ или по имени ихъ мужей, какъ напримѣръ: Митриха, Иваниха, или къ нѣкоторымъ изъ фамилій также прибавляютъ предлогъ «*ха*» какъ отъ Сидоровъ—*Сидориха,* Кожевниковъ—*Кожевничеха,* Полутовъ—*Полутиха* и т. д.

Обращаясь къ мужскому населенію, обычно говорятъ «*пàря*», къ дѣвушкамъ—*дѣвонька, дѣвàха.*

Часто въ обращеніи къ кому-либо слышится не имя его, а величаніе по отцу, напримѣръ: *Иванычъ, Петровичъ, Парамоновна, Кириловна.*

Семья, школы.

Если въ общемъ жизнь сибирскаго крестьянина, какъ семьянина, мало чѣмъ отличается отъ таковой же другихъ мѣстностей, то въ нѣкоторыхъ частностяхъ особыя условія коренныхъ сибиряковъ все же наложили нѣкоторый отпечатокъ. Помимо того, что браки сибиряковъ съ крещенными инородцами должны были внести собой нѣкоторыя особенности своей расы по своимъ духовнымъ воззрѣніямъ, но и самый строй жизни сибиряка повліялъ на его умственный складъ.

Загрубѣлость нравовъ рѣже всего замѣчается здѣсь именно въ семьяхъ съ разными по расѣ родителями. Хотя своеволіе мужа—главы семьи и не можетъ считаться здѣсь постояннымъ фактомъ, тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, все же замѣчается довольно часто. Нерѣдка потому и забитость женщинъ, хотя все чаще и чаще наблюдается, что послѣднія начинаютъ открыто протестовать противъ поведенія своихъ мужей.

Насколько жизнь бурятской женщины-жены больше терпитъ отъ произвола своего мужа, можно видѣть изъ того, что часто бурятки открыто завидуютъ положенію русской, которыя, въ свою очередь, также едва ли могутъ по-

хвалиться хорошимъ отношеніемъ своихъ мужей. Сибирячка-женщина, въ большинствѣ трудолюбивѣе мужчинъ, а въ сельскихъ работахъ по своей выносливости и умѣлости не уступаетъ послѣднему.

Ввиду сильно развитаго пьянства въ Забайкальѣ среди мужского населенія и большая часть всѣхъ семейныхъ неурядицъ происходитъ на этой почвѣ.

Въ особенности пригородныя деревни и села выдаются своими разнузданностями въ семейной жизни сибиряка-крестьянина и казака. Лучшая семейная жизнь наблюдается среди семейскихъ.

Сравнительно легкіе заработки пригородныхъ крестьянъ отхожими промыслами заставляютъ послѣднихъ обращать небольшое вниманіе на свое деревенское хозяйство.

Въ такихъ деревняхъ, нерѣдко годами, хозяйствомъ, посѣвами и пр. завѣдуютъ самостоятельно однѣ женщины съ работниками-подростками.

Взаимныя отношенія въ семьѣ сибиряка ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Мужъ — разъ онъ не пьяница — является хорошимъ семьяниномъ.

Дѣти уже съ пяти-шести лѣтъ являются помощниками въ сельскихъ работахъ. Въ 15 же лѣтъ исполняютъ всѣ работы съ взрослыми, безъ исключенія.

Уходъ на промысла (золотые пріиски), въ ямщину, въ услуженіе въ городъ, а также въ солдатчину отнимаетъ, конечно, у семьи лучшихъ работниковъ и возвращаетъ ихъ нерѣдко совершенно испорченными. Сибиряки крестьяне нерѣдко высказываютъ, что «не деревня портитъ народъ,— а городъ», въ чемъ приходится имъ, къ сожалѣнію, убѣждаться, встрѣчая возвращающихся въ деревню мужей, братьевъ, спившихся въ конецъ, или развращенныхъ — больныхъ.

Школъ въ деревняхъ не достаточно, почему, конечно,

большая часть населенія не грамотно; хотя нужно сказать, что сибирскій крестьянинъ всегда съ охотой учитъ своихъ дѣтей и старается воспользоваться случаемъ научить, въ крайности, хотя бы читать.

При постройкѣ школъ рѣдкая деревня не согласится изъ послѣдняго помочь устройству ея, возя безвозмездно лѣсъ, камень, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и работая по устройству школы безплатно.

Тамъ, гдѣ есть министерскія школы, населеніе охотнѣе отдаетъ своихъ дѣтей въ нихъ, чѣмъ въ церковно-приходскія.

Многія изъ школъ Забайкалья, поддерживаемыя городскимъ купечествомъ, весьма хорошо обставлены, устроены и обезпечены, что, конечно, даетъ возможность мѣстному крестьянскому населенію имѣть болѣе довѣрія именно къ этимъ школамъ, къ тому же не ложащимся бременемъ на нихъ въ содержаніи и пр.

Также сравнительно хорошо обставлены и школы въ казачьихъ станицахъ.

Во многихъ русскихъ школахъ принимаются и дѣти бурятъ, которыя по способностямъ иногда стоятъ выше русскихъ дѣтей.

Занятія въ школахъ обыкновенно оканчиваются къ началу мая, хотя нѣкоторые крестьяне, не желая лишаться рабочихъ рукъ въ началѣ сельскихъ работъ, берутъ дѣтей изъ школы ранней весной.

Мальчикамъ охотнѣе даютъ школьное образованіе, чѣмъ дѣвочкамъ. У бурятъ же послѣднихъ учатъ въ рѣдкихъ случаяхъ.

Попечителями школъ какъ церковно-приходскихъ, такъ и министерскихъ, въ большинствѣ населеніе выбираетъ кого-либо изъ городскихъ жителей, извѣстныхъ жертвователей. Почти всѣ такія школы бываютъ хорошо снабжены всѣми

необходимыми учебными пособіями, а также попечители эти содержатъ, ремонтируютъ школы и платятъ добавочное содержаніе учителямъ.

Крестьянское же населеніе на свои средства содержитъ караулъ школы, доставляетъ дрова для отопленія и производитъ нѣкоторые мелочные расходы по ея содержанію.

Церковно-приходскія въ большинствѣ не такъ хорошо обставлены и требуютъ отъ населенія нѣкоторыхъ излишнихъ расходовъ.

Бюджетъ сибирской деревни не великъ, а потому общественные расходы также собираются съ трудомъ, и населеніе очень неохотно соглашается на какіе-либо новые налоги.

Церквей въ краѣ немного; малочисленно также и духовенство, почему здѣсь нерѣдко священникъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи два, три прихода, потому же и служба въ деревняхъ рѣдкая.

Содержаніе церквей также, за отсутствіемъ спеціальныхъ средствъ, ложится на населеніе.

VI.

Буряты. Историческое прошлое. Родоначальники ихъ, управленіе и религія.

Родоначальниками забайкальскихъ бурятъ (брацкихъ по мѣстному) преданіе считаетъ племя «ойратъ», жившее у озера Байкала. Первое знакомство русскихъ съ бурятами относится къ 1612 году.

Къ началу же XVIII столѣтія всѣ сибирскіе буряты уже сдѣлались русскими подданными.

Забайкальскіе буряты дѣлятся на: 1) Баргузинскихъ, составляющихъ пять родовъ и кочевавшихъ ранѣе по р. Баргузину; 2) Кударинскихъ изъ четырехъ родовъ, кочевавшихъ у Байкала и въ низовьяхъ Селенги; 3) Харинскихъ изъ четырнадцати родовъ по рр. Хилку и Удѣ, и 4) Селенгинскихъ изъ восемнадцати родовъ, кочевавшихъ въ долинахъ рѣкъ Селенги, Джиды, Темника и Чикоя.

Всѣхъ бурятъ въ Забайкальѣ насчитывается до 170.000 душъ обоего пола.

Мѣстное, пограничное, бурятское населеніе принадлежитъ къ Селенгинскимъ, къ 3-му «Табангутскому» роду. Состоитъ оно приблизительно изъ 2.000 человѣкъ и обладаетъ земельными надѣлами около 8.000 десятинъ (считая тутъ пахотную, луговую и подъ лѣсами).

Существовавшее ранѣе управленіе, такъ называемое «родовое», въ концѣ 1902 года по Высочайшему повелѣнію

упразднено и населенію объявлено о введеніи волостного управленія.

Неподготовленность населенія, благодаря особеннымъ условіямъ мѣстной жизни, равно и самый способъ введенія волостного управленія черезъ лицъ, оказавшихся на первыхъ порахъ не на высотѣ пониманія жизни кочевника, сказались въ маложелательныхъ и острыхъ недоразумѣніяхъ между бурятами и администраціей.

Бурятское населеніе, почти не освѣдомленное о новыхъ правахъ и обязанностяхъ, вытекающихъ изъ новаго для нихъ управленія, почти поголовно отнеслось къ нему враждебно и только по дальнѣйшемъ всестороннемъ разсмотрѣніи и ознакомленіи, а также и по принудительнымъ и карательнымъ мѣрамъ, подчинилось перевороту.

Реформа введенія среди ихъ волостного управленія прошла сравнительно спокойно, хотя и не съ явнымъ желаніемъ.

До 1902 года каждый улусъ управлялся особыми старшинами, каждый родъ — «старостой» (головой). Нѣсколько родовъ находились въ вѣдѣніи, такъ называемаго, «тайши», которые были обыкновенно наслѣдственные, и утверждались въ должности губернаторомъ области.

Дѣйствія же всѣхъ этихъ отдѣльныхъ лицъ были подчинены непосредственно окружному полицейскому управленію.

Существовали въ то время такъ называемыя «думы», состоявшія изъ родовыхъ старшинъ, которые въ свою очередь находились подъ управленіемъ избранныхъ «тайшей», а также и «инородныя управы».

Съ введеніемъ волостного управленія особенно удручающе дѣйствовала на бурятъ необходимость устранить отъ завѣдыванія дѣлами свое родовое потомственное сословіе уважаемыхъ обществомъ «нөйөновъ» (родовыхъ бурятъ).

Старѣйшіе изъ мѣстныхъ бурятъ, въ поспѣшномъ введеніи волостного управленія съ запрещеніемъ впредь кочевокъ, видѣли впереди непремѣнный упадокъ скотоводства и потому полное разореніе.

Несмотря на нѣкоторую предполагаемость успѣшной осѣдлости бурята, тѣмъ не менѣе совершенно былъ ложенъ взглядъ и на его періодическія кочевки, вызываемыя въ дѣйствительности мѣстными условіями жизни и занятій номада.

При первыхъ слухахъ, проникшихъ въ бурятское населеніе, о переворотѣ въ ихъ управленіи, они заволновались безусловно по всему краю. Дѣлались предположенія, составлялись петиціи, посылались депутаты, велась усиленная переписка. «Съ мала до велика» были заинтересованы исходомъ дѣла.

На «сугланахъ» (собраніяхъ праздничныхъ) буряты, обсуждая возможность перемѣнъ, упорно отстаивали свои права на неизмѣняемость управленія, ссылаясь на права и преимущества, дарованныя имъ Екатериной II въ своихъ указахъ, которые буряты особенно чтятъ и сохраняютъ при дацанахъ, какъ священныя реликвіи.

Содержаніе одного изъ такихъ указовъ было слѣдующее:

«Божіею милостью Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская, и проч., и проч., и проч.

«Мы непрерывное стараніе и попеченіе Наше простираемъ о спокойномъ и благоденственномъ пребываніи всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ. Но какъ извѣстно Намъ, что живущіе въ Сибирской губерніи разные ясачные народы терпятъ отъ заборщиковъ ясака и прочихъ тамошнихъ управителей начальниковъ грабительство и разореніе, то не могли Мы по природному Нашему великодушію безъ крайняго сожалѣнія остаться, и тѣхъ бѣдныхъ и безгра-

мотныхъ ясачныхъ въ такомъ огорченіи безъ удовольствія и грабителей, кои нарушаютъ Нашихъ подданныхъ покой, по законамъ безъ изслѣдованія оставить.

«Отправили Мы Нашей Лейбгвардіи секундъ-маіора Щербачева, коему повелѣно: чтобы онъ всѣхъ ясачныхъ народовъ жительства осмотрѣлъ и, учиня генеральную перепись по силѣ данной ему инструкціи, обложилъ сборъ ясака такимъ образомъ, чтобы ясачные ни подъ какимъ видомъ ни отъ кого ни малѣйшаго разоренія и тягости терпѣть не могли, но каждый бы въ Нашу пользу и къ благосостоянію своему на всегдашнее время спокойственное пребываніе имѣлъ. Сверхъ же того Мы Монаршимъ Нашимъ словомъ наиторжественнѣйше обнадеживаемъ, что не только всѣ подвластные Намъ подданные Наши ясачные, равнымъ образомъ и впредь въ Имперію Нашу въ подданство приходящіе содержаны будутъ въ желаемомъ спокойствіи.

«Почему Мы всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ повелѣваемъ съ оными ясачными обходиться ласково, и не чиня имъ не только какихъ-либо притѣсненій, обидъ, грабительства, ни ниже малѣйшихъ примѣтокъ. Если же кто за симъ Нашимъ повелѣніемъ дерзнетъ чинить ясачнымъ народамъ какія грабительства и разоренія, а отъ ясачныхъ въ учрежденныхъ отъ Насъ правительствахъ принесены будутъ какія на кого во взяткахъ и въ прочемъ тому подобномъ жалобы, то повелѣваемъ наистрожайше слѣдовать и съ виновными поступать по законамъ; а обидимыхъ по справедливости защищать безъ продолженія наималѣйшаго времени; о чемъ сей Нашъ манифестъ по всей Сибирской губерніи публиковать во всенародное извѣстіе.

«Данъ въ Москвѣ 1763 года, Іюня 13 дня. У подлиннаго подписано Ея Императорскаго Величества рукою тако: ЕКАТЕРИНА. Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ того же числа».

(Манифестъ скопированъ съ печатной копіи, хранящейся въ Хилгонтуйскомъ дацанѣ).

Въ манифестѣ этомъ буряты очень цѣнили слова защиты, и въ петиціяхъ своихъ противъ введенія новаго управленія ссылались главнымъ образомъ на содержаніе «милостей» Екатерины.

Прежній родовой строй управленія до нѣкоторой степени сплачивалъ бурятъ, хотя бы въ отношеніи помощи бѣднѣйшимъ болѣе зажиточными изъ рода. Не допускать до разора «рода» имѣло какъ выгоду, такъ и нѣкоторое основаніе уже по одному тому, что тѣ же бѣдняки являлись въ нуждѣ дешевыми работниками.

Прослѣдивъ за нѣсколько десятилѣтій назадъ жизнь мѣстнаго бурятскаго населенія, мы видимъ, что прежнія періодическія голодовки отъ недорода хотя и бывали тяжелы, но все же не такъ безъисходны, какъ теперь. Подспорьями въ голодовкахъ являлись богатые, ссужавшіе хлѣбомъ своихъ родичей, и возможность кочевокъ въ сосѣднюю Монголію на лучшія земли.

Теперь же «родовичи», а равно и связь съ ними уничтожены и заставляетъ каждаго жить, что̀ называется, «самому по себѣ», кочевки же получили ограниченіе почти въ формѣ запрещенія.

Все это не могло, конечно, не повліять на жизнь мѣстнаго населенія и не отразиться неблагопріятно на его и такъ скудномъ благосостояніи.

Соглашаясь отчасти съ тѣмъ, что бурятское населеніе, въ особенности ближайшее, своимъ образомъ жизни близко подходитъ къ осѣдлому жителю, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и необходимость кочевокъ, хотя бы періодическихъ, буряту, зная въ этомъ насущную потребность, вызываемую его хозяйствомъ.

Бурятскія поселенія (улусы) если и не даютъ картины

русской деревни, то потому только, что постройки и отдѣльныя усадьбы въ нихъ очень разбросаны, нѣтъ правильныхъ улицъ и вообще самый типъ построекъ носитъ характеръ чего-то временнаго.

Пригородные улусы по наружному виду уже очень близко подходятъ подъ жилища осѣдлыхъ и не только вдали, но и по расположенію усадебъ являются прототипомъ деревни.

Живутъ въ такихъ излюбленныхъ мѣстностяхъ десятки лѣтъ, откочевывая лишь на короткое время въ лѣтніе мѣсяцы.

Если изъ другихъ улусовъ буряты откочевываютъ въ полномъ составѣ со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, оставляя жилища на произволъ, то въ пригородныхъ улусахъ кочуетъ нерѣдко часть семьи, иногда даже работники, хозяева же остаются на мѣстахъ.

Конечно, наибольшая часть населенія такого улуса имѣетъ, кромѣ скотоводства, какія-либо другія занятія, приковывающія его къ улусу; но есть тутъ и совершенные кочевники, которые живутъ лишь временно. Эти послѣдніе преимущественно занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, почему кочуютъ круглый годъ на излюбленныхъ мѣстахъ.

Обыкновенно здѣсь извѣстны слѣдующія кочевки: лѣтомъ на болѣе открытыя мѣста, гдѣ меньше мошекъ, комаровъ, овода, тревожащихъ скотъ, или на такъ называемый «*цзусуланъ*». Осенью кочуютъ на «*намарчжанъ*», т. е. на выкошенные луга и острова; зимой на «*угульджэнъ*», защищенныя отъ вѣтра мѣста, съ большой «ветошью», старой травой для подножнаго корма, и весной на «*хабурджанъ*», вообще на мѣстности, въ которыхъ ранѣе сходитъ снѣгъ и открытъ подножный откормъ. Иногда весенней кочевки не бываетъ, для чего выбираютъ болѣе удобную зимнюю.

Мало знакомые съ жизнью бурята и сейчасъ склонны

объяснять его кочевки одною лишь привычкою. Всматриваясь же ближе и входя въ его интересы, нельзя не убѣдиться, что кочевать заставляетъ его главнымъ образомъ то, что слишкомъ мало и вообще слишкомъ скудны въ бурятскихъ надѣлахъ луга, чтобы прокормить весь его скотъ на мѣстѣ.

Эти обстоятельства и заставляютъ бурята откочевывать отъ улуса, несмотря на значительные расходы по кочевкамъ. Почему болѣе бѣдная часть населенія по необходимости, не имѣя возможности что-либо затрачивать на перекочевку, остается на мѣстѣ; не имѣя же запасовъ сѣна нерѣдко обрекаетъ на гибель весь свой скотъ. Въ особенности гибельной является весна съ безкормицей и истощившимся запасомъ корма за зиму.

Улусники откочевываютъ не только по Забайкалью, но нерѣдко заходятъ въ сосѣднюю Монголію, на что монголы смотрятъ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ снисходительно и рѣдко когда берутъ съ бурятъ какое-либо вознагражденіе за пользованіе мѣстомъ и кормомъ.

Мѣстные бурята дѣлятся на казаковъ и ясачныхъ.

Въ строѣ своей жизни и въ домашнемъ быту они мало чѣмъ отличаются одинъ отъ другого.

Единственно, что только замѣтно — это лучшее матеріальное положеніе казаковъ, благодаря тому, что послѣдніе имѣютъ болѣе земли и угодій.

Если исключить нѣсколькихъ извѣстныхъ по своему благосостоянію родовыхъ бурятъ («найоновъ»), живущихъ разными случайными торговыми операціями, подрядами и проч., дающими имъ хорошій заработокъ, то остальная часть бурятскаго населенія скорѣе, въ общемъ, малосостоятельна, даже бѣдна.

Изъ послѣднихъ болѣе обезпеченными могутъ считаться *ламы,* живущіе на средства и доброхотныя приношенія сво-

ихъ сородичей. Въ особенности много богатыхъ ламъ среди такъ называемыхъ «штатныхъ», находящихся на службѣ у дацановъ (монастырей).

Всѣ мѣстные буряты принадлежатъ къ «ламаитамъ» (желтая вѣра — одна изъ сектъ буддизма). Держатся они своей религіи стойко и твердо, хотя и не по особымъ какимъ-либо убѣжденіямъ, а скорѣе въ силу привычки.

По ученію Будды, жизнь во всѣхъ ея формахъ — составляетъ рядъ ненужныхъ страданій. Каждый истый буддистъ считается съ такимъ взглядомъ и въ духовномъ своемъ мирѣ не стремится бороться съ невозможнымъ и недостижимымъ на землѣ счастьемъ. Погружаясь въ Нирвану, «гдѣ звуки земные стихаютъ для слуха, гдѣ свѣтъ угасаетъ тѣлесныхъ очей», бурятъ ждетъ и видитъ свое счастье въ неизвѣстномъ будущемъ!

Прежніе забайкальскіе буряты были «шамаисты» и только съ конца 1700-хъ годовъ замѣчается постепенный переходъ ихъ въ «ламаизмъ». Первыми переходили жившіе ближе къ монгольской границѣ, чему способствовала пропаганда ближайшихъ монгольскихъ и тибетскихъ ламъ.

Высшая буддійская іерархія въ Забайкальѣ впервые получила утвержденіе русскаго правительства въ 1764 году, когда былъ избранъ первый «бандито хамбо-лама» по имени «Заяйгъ», состоявшій до того ширетуемъ (настоятелемъ) старѣйшаго въ Забайкальѣ дацана (монастыря), такъ называемаго Цонгольскаго (онъ же извѣстенъ подъ именемъ Хилгонтуйскаго). Дацанъ этотъ построенъ въ 1758 г. и существуетъ по настоящее время.

Буряты, исключая ламъ и монашествующихъ, вообще особой религіозностью не отличаются, въ особенности живущіе вдали отъ своихъ дацановъ. Только бывая въ нихъ во время празднествъ, они стараются выказать свою рели-

гіозность боясь ламъ и вообще изъ суевѣрнаго страха передъ своими бурханами.

Въ особенности показная религіозность замѣчается среди бурятскихъ женщинъ.

Обыкновенно почти никто изъ бурятъ, не ламъ, не знаетъ ни молитвъ своихъ, ни службы, ни обрядовъ. Все ихъ моленіе заключается лишь въ болѣе торжественномъ настроеніи, множествѣ поклоновъ, денежныхъ и вещественныхъ приношеніяхъ богамъ и ламамъ и въ бормотаніи нѣсколькихъ словъ и фразъ изъ буддійскихъ молитвъ, которыя они рѣдко когда могутъ объяснить и понять.

Чѣмъ громче выкрикиваютъ ламы отдѣльныя слова и изреченія во время службъ въ дацанахъ, тѣмъ усерднѣе начинаютъ молиться и присутствующіе буряты; наоборотъ, чѣмъ служба идетъ монотоннѣе, тѣмъ спокойнѣе и молящіеся: не видно ни усердныхъ поклоновъ, ни бормотаній.

Несмотря на полное непониманіе службы большинствомъ молящихся, они тѣмъ не менѣе съ большимъ наружнымъ благоговѣніемъ выстаиваютъ свои длинныя молебствія. Конечно, и тутъ играетъ не малую роль та же боязнь прогнѣвить свои божества, а также и ламъ. Мести послѣднихъ бурятъ всегда особенно боится, признавая за ламами особый даръ общенія съ невидимыми духами.

Вѣротерпимость, убѣжденіе и увѣренность бурята въ своей религіи, считающейся имъ болѣе совершенной изъ всѣхъ другихъ, представляетъ значительныя препятствія къ перемѣнѣ его убѣжденій при переходѣ въ православіе; при переходѣ же не менѣе трудно онъ воспринимаетъ и прочно держится новаго вѣрованія.

Оставаясь жить, въ большинствѣ случаевъ, и по принятіи православія, среди своихъ сородичей-ламаитовъ, бурятъ рѣдко когда усваиваетъ и сохраняетъ надолго преподанные ему догматы православія.

Послѣдствіемъ этого, среди перешедшихъ въ православіе, очень часто наблюдается «двоевѣріе, т. е., живя среди русскихъ, такой бурятъ исполняетъ всѣ обряды православія, переселившись же къ своимъ, или оставаясь по необходимости среди ихъ долгое время — продолжаетъ такъ же хладнокровно исполнять всѣ буддійскіе обряды.

Есть, конечно, и такіе изъ крещеныхъ бурятъ, которые и среди русскихъ одновременно исполняютъ какъ русскіе, православные, такъ и буддійскіе обряды.

Это доказываетъ, конечно, что ни ту, ни другую религію бурятъ не знаетъ и не усвоилъ; обрядности и догматы обѣихъ религій не понимаетъ и въ общемъ религія для него не является чѣмъ-либо особенно существеннымъ. Живя въ тяжелыхъ условіяхъ, нерѣдко и переходъ въ православіе является у бурята единственно ради какихъ-либо выгодъ измѣнить къ лучшему свою жизнь въ матеріальномъ отношеній. Можно представить не одинъ десятокъ фактовъ, когда переходъ въ православіе совершался бурятомъ единственно изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Помимо того, что крестный надѣлитъ одеждой, деньгами, а иногда и въ дальнѣйшей жизни будетъ матеріально поддерживать его, но и самую свою жизнь такой бурятъ имѣетъ возможность устроить выгоднѣе.

Если сопоставить тотъ фактъ, что крестятся большею частью только буряты-бѣдняки, то это является еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ, чѣмъ вызывается «наружная» перемѣна религіи бурята.

Малообразованность, необщительность мѣстныхъ миссіонеровъ, къ тому же въ большинствѣ незнающихъ и языка бурята, конечно, и не въ состояніи удержать перешедшихъ въ православіе на должной высотѣ пониманія новой проповѣдуемой имъ религіи.

Насколько малоуспѣшна была работа православныхъ

миссіонеровъ въ краѣ—знакомятъ насъ и сами отчеты Забайкальской духовной миссіи. Такъ, напр., въ одномъ изъ нихъ, епископа Мартиніана (за 1875 г. въ «Иркут. Епарх. Вѣд.»), хотя и говорится, что «существенную заботливость миссіи составляло желаніе водворенія христіанскихъ началъ въ жизни инородцевъ и искорененіе прежнихъ языческихъ суевѣрій и обычаевъ», но, въ дѣйствительности, старанія отдѣльныхъ миссіонеровъ часто преслѣдовали одну лишь цѣль—«обращеніе въ православіе», исключительно «крещеніе», дѣйствуя при этомъ къ тому же и не всегда безпристрастно. Унижая исповѣдуемую инородцами религію, нарекая на гласность ихъ религіозныхъ обрядовъ, они скорѣе вооружали противъ себя, а также и заставляли смотрѣть на свою проповѣдь недружелюбно. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ, при разборѣ трудовъ миссіонеровъ по отдѣльнымъ станамъ и улусамъ, встрѣчаются слѣдующія фразы: «Бывало, что при появленіи миссіонера въ улусъ, вслѣдствіе подготовленнаго заранѣе разстройства, разбѣгались и прятались» (въ Селенгинскомъ станѣ). «Озлобленіе противъ инородцевъ (у бурятъ), рѣшившихся выйти изъ среды идолопоклонства и идти ко крещенію, одинаково во всѣхъ вѣдомствахъ» (въ Цаганууcунскомъ ст.). «Миссіонеру всего чаще приходилось выслушивать послѣ своихъ убѣжденій такіе отзывы: что вѣра ламская старѣе христіанской, или что Богъ одинъ, а только вѣры разныя; что мѣнять вѣру не нужно изъ опасенія несчастій и слушатели рѣшительно отказывались отъ крещенія» (въ Тугнуйскомъ станѣ) и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждое описаніе стана заканчивается опредѣленіемъ, что «успѣхъ въ обращеніи бурятъ въ христіанство былъ скудный». Не лучше стояли дѣла миссіи и по настоящее время, которыя, конечно, во многомъ переживутъ свою коренную ломку съ введеніемъ въ жизнь Высочайшаго указа 17 апр. 1905 г. о свободѣ вѣроисповѣданія.

Подводя итоги прежнимъ способамъ обращенія въ христіанство мѣстныхъ миссіонеровъ, которые въ общемъ были малорезультатны и оскорбительны для обѣихъ религій, можно надѣяться, что въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ православные миссіонеры не повторятъ своихъ грубыхъ пріемовъ и въ будущихъ отчетахъ миссіи намъ не придется встрѣчать такія заключенія пастырей православной церкви, которыя мы читаемъ въ томъ же вышеупомянутомъ отчетѣ: что «дерзость ширетуя (бурятскаго священнослужителя) доходила до того, что онъ съ полчищемъ штатныхъ и нештатныхъ ламъ совершаетъ свое идолослуженіе близъ миссіонерскаго храма, такъ что звуки раздирающей слухъ ламайской музыки долетали до молящихся въ церкви и невольно развлекали вниманіе ихъ».

Нѣкоторые обряды ламаитовъ, какъ, напримѣръ, «отчитываніе», пріуроченные къ такимъ жизненнымъ запросамъ, какъ къ леченію, дѣлаютъ и православныхъ невольными исполнителями буддійскихъ обрядностей, ради суевѣрія и малокультурности.

Бурятскіе и монгольскіе ламы, при леченіи своемъ русскихъ обывателей, ни въ чемъ не дѣлаютъ отличія въ обрядностяхъ, т. е. выполняютъ сами и заставляютъ выполнять и паціента все, что положено въ такомъ леченіи догматами буддизма.

Русское населеніе ко всѣмъ службамъ и обрядамъ бурятъ относится хотя и индиферентно, но въ то же время съ уваженіемъ, что, конечно, заставляетъ и бурятъ также относиться и къ обрядамъ русскихъ.

У послѣднихъ даже замѣчается иногда и не одно только наружное уваженіе религіи русскихъ, такъ напримѣръ нерѣдко можно наблюдать монголъ и бурятъ, зашедшихъ въ православную церковь во время богослуженія не ради интереса, но и для молитвы. Какъ ни странно

Штатные бурятскіе ламы при дацанѣ въ священномъ одѣяніи.

Съ фот. Осокина.

„Хугурики“ помощники ламъ при дацанѣ.

Съ фот. Осокина.

Ургинскій „Богдо-Гыгенъ“ (Хутухта) живой богъ.

Съ фот. И. Федорова.

видѣть язычника молящимся въ православномъ храмѣ, но это фактъ. Многіе изъ инородцевъ чтутъ икону Николая Чудотворца, которому молятся по своему обряду и ставятъ свѣчи.

При встрѣчѣ съ церковными процессіями, инородцы часто снимаютъ шапки; въ особенности это замѣчается среди инородцевъ, живущихъ съ русскими.

Такое отношеніе къ чужой религіи ничѣмъ инымъ, конечно, не объясняется, какъ только взаимнымъ уваженіемъ двухъ разныхъ по вѣрованію народностей.

Потому-то всѣ тѣ случаи, когда кто-либо изъ русскихъ неуважительно отзовется при бурятѣ объ его религіи или вообще чѣмъ-либо выкажетъ свое презрѣніе или насмѣшку и тѣмъ оскорбитъ религіозное чувство инородца,—послѣдній долго не забываетъ этого факта, само же это лицо вспоминается бурятами съ презрѣніемъ.

Какъ примѣръ приводимъ слѣдующій случай: буряты Цонголова рода по сейчасъ не могутъ забыть и простить грубый поступокъ одного лица, стоявшаго въ 1800-хъ годахъ въ числѣ администраціи края, который, проѣзжая черезъ дацанъ и интересуясь службой ламъ, а также и бурханами, принудилъ, во-первыхъ, ради удовлетворенія своего «просвѣщеннаго» любопытства совершить показное, «примѣрное», богослуженіе въ дацанѣ во всемъ составѣ ламъ, а, уѣзжая, забралъ съ собой особенно понравившагося ему бурхана, такъ называемаго «Майдери». Бурханъ этотъ, по разсказамъ бурятъ, пріобрѣтенъ былъ въ Ургѣ и стоилъ значительныя деньги, такъ какъ былъ сдѣланъ изъ золота, и средства на его сооруженіе копились нѣсколько лѣтъ. Бурханъ былъ величиною вершка въ три и особенно цѣнился за работу. Страхъ бурятъ передъ начальствомъ далъ полную свободу произволу такому любознательному администратору, и свое оскорбленіе они должны были наружно

скрыть, хотя память о поступкѣ осталась и само то лицо проклиналось не разъ мѣстными ламами.

Во избѣжаніе повторенія такихъ случаевъ, впослѣдствіи настоятель дацана, ширетуй, далъ приказаніе въ непраздничное время всѣхъ цѣнныхъ бурхановъ хранить не въ дацанѣ, а въ особомъ помѣщеніи при своей квартирѣ.

По разсказамъ бурятъ, администратора прельстилъ не столько самъ бурханъ, хотя и онъ былъ очень цѣненъ сколько его «внутренность», которая иногда заполняется золотыми монетами у многихъ бурхановъ, что, вѣроятно, было и въ «Майдери», какъ въ очень чтимомъ бурятами.

Многіе дацаны обладаютъ большими денежными средствами, составленными изъ доброхотныхъ приношеній бурятъ. Въ большинствѣ капиталы эти хранятся при дацанахъ и сумма ихъ всегда держится въ тайнѣ, даже и отъ ламаитовъ.

Конечно, богатства эти «относительныя». Такъ капиталъ въ десять, двадцать тысячъ рублей у дацана, существующаго полсотни лѣтъ, — считается уже очень большимъ.

Есть, конечно, и бѣдные дацаны, которыхъ даже болѣе, въ особенности изъ позднѣйшихъ.

Мѣстное бурятское населеніе, равно и сосѣдніе пограничные монголы по общности своихъ интересовъ, характеру и нравамъ въ взаимныхъ отношеніяхъ своихъ съ сибиряками выказываютъ въ обыденной жизни много дружественнаго и отзывчиваго.

Замѣтная приниженность бурята хотя и сказывается иногда не въ пользу его, какъ и хитрость, присущая вообще желтой расѣ, но въ общемъ совмѣстная жизнь съ русскимъ населеніемъ не даетъ поводовъ къ какимъ-либо рѣзкимъ недоразумѣніямъ.

Какъ исключеніе, можно указать лишь на неособенно дружественныя отношенія семейскихъ къ инородцу, кото-

рые, впрочемъ, и къ сибиряку также не питаютъ особой симпатіи и вообще живутъ болѣе особнякомъ.

Подчиняясь многимъ условіямъ совмѣстной жизни съ сибиряками, буряты, только съ однимъ труднѣе мирятся, а именно съ введеніемъ какихъ-либо новшествъ, въ особенности тѣми, которыя затрагиваютъ ихъ такъ или иначе въ матеріальномъ отношеніи.

Въ особенности крѣпко держатся за старину улусные буряты далекихъ и отдаленныхъ мѣстностей. Ближайшіе же къ городу легче усваиваютъ положеніе вещей и требованія культурной жизни, а потому среди нихъ и рѣже замѣчается какой-либо протестъ къ чему-либо новому.

Больше всего бурятъ боится какихъ бы то ни было налоговъ и пр. Привыкши, за прежнее время, когда процвѣтало взяточничество, онъ и теперь еще во всѣхъ бьющихъ по карману случаяхъ прежде всего останавливается на расчетѣ: выгоднѣе ли «откупиться» или подчиниться требованію? Какъ ни странно, но и теперь этотъ вопросъ не всегда и не вездѣ является празднымъ.

Вообще нужно сознаться, что въ краѣ не мало и теперь такихъ случаевъ, когда деньги играютъ значительную роль въ жизни инородца. Въ культурномъ отношеніи бурятъ и сейчасъ очень немного отличается отъ своихъ предковъ, несмотря на то, что событія и время должны были бы повліять на его жизнь не менѣе, чѣмъ и на мѣстное русское населеніе.

Несмотря на то, что бурятъ, даже и болѣе культурный, трудно отрѣшается отъ своихъ воззрѣній, обычаевъ, привычекъ, все же совмѣстная жизнь его съ русскимъ населеніемъ отразилась въ нѣкоторыхъ заимствованіяхъ отъ послѣдняго и вообще вліяніи.

«Закоренѣлые» буряты, конечно, крѣпко держатся своего родного. Такъ, напримѣръ, не рѣдкость наблюдать въ

краѣ, когда какой-либо изъ живущихъ въ городѣ у русскихъ бурятъ, возвращаясь въ свой улусъ на побывку, дѣлается въ полномъ смыслѣ прежнимъ инородцемъ. Такъ, если онъ служитъ въ какомъ-либо казенномъ учрежденіи, то дома одѣвается въ свой національный халатъ, забрасывая мундиръ и пр., ѣстъ сидя, поджавши подъ себя ноги, живетъ какъ номадъ и на-время совершенно оставляя все то культурное, безъ чего не могъ обходиться живя внѣ улуса.

Среди русскихъ же, бурятъ, наоборотъ, стремится придерживаться всего русскаго, какъ въ отношеніи одежды, обычаевъ, такъ и самаго времяпровожденія.

Такъ, напримѣръ, работая всю недѣлю, бурятъ въ рѣдкихъ случаяхъ согласится работать въ воскресенье, или вообще въ праздники.

Соблюдаетъ то же счисленіе, мѣсяцы, года, дни и пр.

Большинство и улусныхъ бурятъ, имѣющихъ какія-либо общія дѣла съ русскимъ населеніемъ, также придерживается ихъ лѣтосчисленія.

Опредѣленіе времени по мѣсяцамъ соблюдается въ томъ же порядкѣ, также и дни недѣли.

Нѣкоторые же буряты опредѣляютъ времена года менѣе опредѣленно, а именно: раннюю осень — «до рѣкостава», въ первые заморозки, по листопаду, по цвѣтку (т. е. когда зацвѣтетъ черемуха и яблоня), на зимняго Николу — въ декабрѣ; на «вешняго» Николу — въ маѣ, «по травѣ», по сѣнокосу и т. д.

Такія выраженія встрѣчаются даже въ нѣкоторыхъ письменныхъ документахъ бурятъ, заключаемыхъ съ русскими, какъ, напримѣръ, въ роспискахъ, подрядныхъ записяхъ и проч.

Своего буддійскаго счисленія придерживаются только дацаны и ламы, а также буряты далекой тайги.

Вѣкъ у бурятъ считается двѣнадцать лѣтъ. Годъ — двѣнадцать мѣсяцевъ и високосный тринадцать. Мѣсяца года распредѣляются слѣдующимъ порядкомъ:

Хумрунà (мышь) . .	соотвѣтствуетъ нашему	январю.
Ухэ̀ръ (корова) . . .	»	» февралю.
Бà̀ри (барсъ)	»	» марту.
Тулà̀й (заяцъ). . . .	»	» апрѣлю.
Лу (драконъ)	»	» маю.
Могò̀й (змѣя)	»	» іюню.
Морѝ (лошадь) . . .	»	» іюлю.
Хонѝ (овца)	»	» августу.
Бичѝ (обезьяна) . . .	»	» сентябрю.
Тахя̀ (курица)	»	» октябрю.
Нохò̀й (собака) . . .	»	» ноябрю.
Чахà̀й (свинья) . . .	»	» декабрю.

Въ суткахъ считается 12 цакъ (каждый «цакъ» равенъ нашимъ 2 часамъ).

Хотя названій дней недѣли буряты не знаютъ и различаютъ только по числамъ мѣсяца, но ламы примѣнили тутъ семиричное дѣленіе буддійскихъ ученыхъ, и въ дацанахъ дни недѣли извѣстны подъ слѣдующими названіями.

Понедѣльникъ — Тобà-горакъ или Дабà.
Вторникъ — Мѝгмаре или Мингмаръ.
Среда — Дакбӯ или Сагбà.
Четвергъ — Бурбӯ или Пурбà.
Пятница — Басà̀нгъ.
Суббота — Бинбэ̀ или Бимбѝ.
Воскресенье — Нимà.

Названія эти въ простомъ народѣ почти неизвѣстны и никогда не употребляются.

Времена года носятъ слѣдующія названія: весна — *хабуръ*, лѣто — *зунъ*, осень — *памуръ* и зима — *хубулъ*.

Календарей, или вообще какихъ-либо письменныхъ счисленій на годъ неизвѣстно. Въ дацанахъ же ламы придерживаются вообще тибетскихъ записей. Времена праздниковъ и пр., помимо цифрового счисленія по днямъ мѣсяцевъ, опредѣляются иногда ламами и по своему усмотрѣнію. Такъ, напримѣръ, населеніе знаетъ обыкновенно о дняхъ праздниковъ только приблизительно; точный же день празднованія назначается дацаномъ, празднованія эти всегда бываютъ одновременно съ монгольскими и нѣкоторыми китайскими.

Ламы. Первые дацаны въ краѣ относятся къ XII вѣку, когда впервые появились въ Забайкальѣ монгольскіе и тибетскіе ламы.

Къ этому же времени относится и начало ламайской пропаганды въ лицѣ тибетскихъ пришельцевъ.

Буряты-шаманисты очень скоро освоились съ такъ называемой «желтой вѣрой», поддавшись ученію ламъ, и въ настоящее время шаманство въ описываемой мѣстности Забайкалья совершенно не наблюдается.

Дацановъ (монастырей) здѣсь въ общемъ немного; болѣе извѣстны четыре. (Считая, конечно, только юго-западную часть Забайкалья).

Главнымъ дацаномъ всего Забайкалья считается такъ называемый «Гусино-озерскій», который находится въ Селенгинскомъ окр. вблизи гор. Селенгинска на священномъ для ламаитовъ Гусиномъ озерѣ *. Здѣсь же имѣетъ постоянное жительство и глава забайкальскаго духовенства *Хамбо-лама*, соотвѣтствующій саномъ епископу. Утверждается онъ на этотъ постъ высшимъ правительствомъ и выбирается изъ особенно заслуженныхъ ламъ.

* По-бурятски «хулъ-норъ» (хулъ—нога, норъ—озеро).

Каждый дацанъ имѣетъ обыкновенно свой приходъ изъ ясачныхъ инородцевъ и казаковъ-бурятъ.

Завѣдуетъ дацаномъ (кумирней—по мѣстному) такъ называемый *ширетуй* (настоятель), который имѣетъ для сослуженія извѣстное, опредѣленное закономъ, количество такъ называемыхъ *штатныхъ* ламъ, живущихъ тутъ же при дацанѣ.

Все сословіе ламъ подраздѣляется на четыре ступени: *бандито-хамбо-лама* или управляющій всѣмъ сословіемъ ламъ и дацановъ, *ширетуй*—собственно настоятель дацана, *штатные ламы*—священно-служители, *бандіи* и *хаварики*—послушники и ученики (въ общежитіи «*хугурики*»).

Особенною денежною доходностью бурятскіе дацаны не могутъ похвалиться, отчасти по причинѣ недостаточности населенія, а также и потому, что не всѣ доходы поступаютъ въ кассу собственно дацана.

Плата за *хуралы* (молебны) и другія требы весьма не велика и къ тому же поступаетъ она собственнолично ламамъ, или ширетую, въ доходъ же дацана отчисляется очень небольшой процентъ и то не всегда.

Денежныхъ вкладовъ также почти не поступаетъ въ дацанъ и единственные доходныя статьи это земельные надѣлы дацана, съ которыхъ поступаетъ арендная плата, часть урожая и добровольныя приношенія.

Если же и встрѣчаются въ краѣ богатые дацаны, то пріобрѣтенію значительныхъ средствъ способствовало время существованія дацана, или, какъ случается иногда, оставленныя по завѣщанію какимъ-либо изъ богатыхъ ширетуевъ.

Расходы по содержанію дацана и многочисленныхъ штатныхъ ламъ покрываются исключительно на средства дацана.

Штатъ ламъ и послушниковъ въ нѣкоторыхъ дацанахъ достигаетъ пятидесяти и восьмидесяти человѣкъ, содер-

жаніе которыхъ, конечно, ложится не легко на средства дацана.

Живя и посторонними доходами (случайными), штатные ламы обзаводятся домашностью и хозяйствомъ довольно широко. Имѣя возможность получать съ лѣсныхъ надѣловъ безплатно строевой лѣсъ, они тутъ же строятъ себѣ отдѣльные дома, по образцу русскихъ деревенскихъ избъ, и такая застроенная усадьба представляетъ собою довольно значительное поселеніе. Такъ, напримѣръ, Цонгольскій дацанъ (Хилгонтуйскій) представляетъ поселокъ до 30 отдѣльныхъ жилыхъ построекъ, не считая одного большого зданія главной кумирни, четырехъ меньшихъ, зданія школы, дворовыхъ построекъ и нѣсколькихъ зимовьевъ и юртъ.

Но, конечно, есть дацаны, какъ напримѣръ, по Джидѣ, гдѣ кромѣ зданія кумирни и двухъ-трехъ небольшихъ построекъ болѣе ничего не видно.

Жизнь * ламайскаго духовенства и взаимныя отношенія его къ бурятскому населенію представляютъ не малый интересъ какъ по тому положенію, которое вообще занимаютъ ламы среди бурятъ, а также и по вліянію, которое они имѣютъ на нихъ съ духовно-нравственной стороны.

Извѣстно, что рожденіе мальчика *(кубунъ)* въ семьѣ номада всегда болѣе желательно родителямъ и привѣтствуется послѣдними далеко радостнѣе, чѣмъ рожденіе дѣвочки *(бацага)*. Не говоря уже о томъ, что мальчикъ въ будущемъ является опорою семьи, лишнимъ работникомъ, помощникомъ,— вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкіе родители буряты не питаютъ надежды увидѣть впослѣдствіи одного изъ своихъ сыновей «*ламою*», который внесетъ въ семью сво-

---

* *Г. М. Осокинъ.* «Замѣтка о жизни бурятскихъ ламъ». Изданіе И. Р. Г. О. Приамурск. Отд. 1898 г.

имъ саномъ особыя преимущества и отчасти заманчивый достатокъ.

Въ семьяхъ, гдѣ только одинъ сынъ, родители рѣдко отдаютъ его въ ламы, но тамъ, гдѣ ихъ нѣсколько, одинъ почти всегда опредѣляется быть ламой, въ особенности въ богатыхъ семьяхъ.

Выборъ мальчика очень часто дѣлается кѣмъ-либо изъ знакомыхъ ламъ, который съ этого момента, въ большинствѣ случаевъ, и дѣлается первымъ учителемъ его и наставникомъ до поступленія въ дацанскую школу. Выборъ обыкновенно падаетъ на того изъ сыновей, который почему-либо считается любимцемъ родителей, хотя случается, что въ ламы предназначаютъ и только что родившагося. Обусловливается это обыкновенно или даннымъ ранѣе обѣтомъ, или тѣмъ, что полъ родившагося совпалъ съ предсказаніемъ ламы.

Первые годы жизни такихъ дѣтей очень мало чѣмъ разнятся отъ жизни ихъ сверстниковъ. По разсказамъ самихъ бурятъ, особенныхъ обрядностей, сопровождающихъ рожденіе такого ребенка, никакихъ нѣтъ, кромѣ того только, что въ день рѣшенія родителей посвятить своего сына въ служители Будды приглашается знакомый лама, который читаетъ нѣсколько тибетскихъ молитвъ и вѣшаетъ на люльку ребенка «ходакъ»,— затѣмъ слѣдуетъ угощеніе ламы и собравшихся знакомыхъ. Когда ребенокъ достигнетъ 3—4-хъ лѣтъ, то ему шьютъ особый костюмъ, подобіе того, какой носятъ ламы, а именно: короткую кофточку и юбку ярко-краснаго цвѣта. Костюмъ этотъ мальчики носятъ до поступленія въ школу, гдѣ смѣняютъ его на обычнаго фасона халаты.

Ребенокъ-лама растетъ большею частью любимцемъ въ семьѣ.

Хотя жизнь бурята однообразна и неприхотлива, въ

особенности въ семьяхъ средняго достатка, но и тутъ родители умѣютъ выдѣлить своего любимца: заботясь болѣе о его костюмѣ, одѣляя лучшимъ кускомъ и подаркомъ, не говоря уже о томъ, что не всегда являются безпристрастными защитниками его въ семейныхъ передрягахъ. Все это, конечно, не можетъ быть не замѣчено остальными членами семьи, и являющіяся послѣдствіями этого распри заставляютъ родителей отдавать своего любимца раньше срока или знакомому ламѣ, или же въ дацанъ для обученія. Нерѣдко бываетъ, что мальчикъ, до поступленія въ школу, живетъ у знакомаго ламы въ улусѣ годъ и болѣе, изрѣдка навѣщая родителей. За квартиру и обученіе мальчика лама получаетъ отъ родителей подарки деньгами и скотомъ.

Отдаютъ въ ученіе ламамъ мальчиковъ 8 — 9 лѣтъ и обыкновенно послѣ празднованія обряда, такъ называемаго «*усунъ-сора*», или «праздникъ волосъ». Обрядъ этотъ заключается въ стрижкѣ волосъ на головѣ, причемъ у тѣхъ мальчиковъ, которые предназначаются въ ламы, волосы уже не стригутъ, а совершенно сбриваютъ. Празднованіе этого обряда состоитъ обыкновенно въ угощеніи родственниковъ, знакомыхъ и заканчивается общей попойкой.

Отданный ламѣ въ науку мальчикъ первое время живетъ у него, пользуясь сравнительною свободой; къ тому же нѣкоторые ламы начинаютъ свои занятія спустя полгода и болѣе. Все ученіе у такого ламы состоитъ лишь въ заучиваніи тибетскихъ молитвъ, для чего объясняется тибетская азбука и знаки, входящіе въ текстъ молитвъ. Когда же ученикъ достаточно ознакомится и освоится съ тибетскими письменами, то ему даютъ выучивать отдѣльныя слова, фразы и полностью тибетскія молитвы, равно и отдѣльныя изреченія. Конечно, ученикъ большею частью не понимаетъ заучиваемаго, и все ученіе сводится какъ бы къ развитію одной лишь памяти.

Объясненіе молитвъ и изреченій составляетъ главный предметъ преподаванія въ школѣ при дацанѣ. При заучиваніи молитвъ главное вниманіе ламы обращается на правильность выговора и интонацію. Заучиваются молитвы обыкновенно нараспѣвъ.

Ученіе у ламъ продолжается не всегда круглый годъ, такъ какъ болѣе взрослые ученики уходятъ домой на лѣтнія и осеннія работы.

Учителями въ школѣ являются исключительно одни ламы.

Программа преподаванія заключаетъ въ себѣ: изученіе тибетскихъ письменъ, чтеніе и разъясненіе «*Ганжура*», изученіе буддійскихъ обрядностей и тибетской медицины. Школьныя занятія продолжаются всю зиму и часть лѣта, съ перерывами на время праздниковъ: зимою около мѣсяца такъ называемаго «*Сагаанъ-Сарэ*», или какъ зовутъ мѣстные обыватели «цагалаха» (бѣлый мѣсяцъ) и лѣтомъ на время празднованія «*Круговращеніе Майдера*».

Обучающіеся въ школѣ ученики принимаютъ участіе и въ службахъ въ дацанахъ во время праздниковъ. Зовутся они «*хугурики*» (послушники). Помимо разныхъ мелочныхъ услугъ у штатныхъ ламъ, хугурики во время дацанныхъ службъ исполняютъ обязанности ятцовъ и составляютъ подобіе хора. Пѣніе этого хора, несмотря на однообразность напѣва всѣми голосами въ унисонъ, при сносномъ исполненіи, довольно благозвучно. Всѣ хугурики во время службы разсаживаются по заднимъ скамейкамъ и поютъ обыкновенно одновременно и съ одинаковою интонаціей. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, болѣе взрослыхъ, исполняютъ обязанности прислуживающихъ ширетую и ламамъ: подаютъ нужныя вещи, книги, разставляютъ свѣчи, кадила, помогаютъ одѣваться ламамъ и проч.

Такъ какъ обученіе въ школѣ продолжается нерѣдко лѣтъ пять, а то и семь, то потому въ средѣ хугриковъ

встрѣчаются довольно взрослые. Продолжительность обученія зависитъ, конечно, отъ способностей учениковъ, и случается, что нѣкоторые, не окончивъ программы школы, остаются при дацанѣ въ должности постоянныхъ низшихъ прислужниковъ.

Ежегодно во время праздника «Майдера» производится публичное испытаніе окончившимъ школу. Производится оно въ зданіи дацана, передъ началомъ праздничной службы, въ присутствіи всѣхъ штатныхъ ламъ, хугуриковъ и массы молящейся бурятской публики.

Форма этого экзамена, на полученіе званія штатнаго ламы, для посторонняго зрителя, не знающаго бурятскій языкъ, представляется и непонятной и оригинальной. Присутствующіе же буряты почему-то уклоняются давать объясненіе какъ вопросамъ экзаменатора, такъ и отвѣтамъ хугурика, такъ что при всемъ стараніи не удается узнать опредѣленно смыслъ экзамена. По словамъ же нѣкоторыхъ, болѣе откровенныхъ бурятъ, всѣ вопросы якобы касаются исключительно знанія молитвъ, обрядовъ и религіи. Насколько же вѣрно, это провѣрить трудно.

Въ виду ограниченнаго закономъ количества штатныхъ ламъ въ дацанахъ, конечно, не каждый получившій по испытаніи эту степень занимаетъ такое мѣсто.

Экзаменаторомъ всегда бываетъ штатный лама. Весь экзаменъ состоитъ изъ вопросовъ ламы и выкрикиванія отвѣтовъ хугурика.

Почему отвѣты эти «выкрикиваются», а не говорятся, трудно получить объясненіе. На вопросъ по этому поводу, ламы обыкновенно отвѣчаютъ, что «такъ надо».

Выкрикивающій свои отвѣты хугурикъ всегда сильно жестикулируетъ руками и каждый свой отвѣтъ завершаетъ ударомъ въ ладони, набрасывая при этомъ свои четки на шею. Какъ лама, такъ и хугурикъ все время экзамена хо-

дятъ параллельно другъ другу вдоль дацана. Первый — по главному среднему проходу, а второй — по боковому за колоннами. Экзаменъ ведется очень быстро, и чѣмъ дальше, тѣмъ хугурикъ все болѣе воодушевляется и сильнѣе жестикулируетъ. Нѣкоторые отвѣты выкрикиваются имъ настолько сильно и съ такой интонаціей, что сторонній наблюдатель склоненъ скорѣе предполагать, что видитъ ссору двухъ лицъ, чѣмъ экзаменъ. По ходу экзамена, конечно, нельзя судить о познаніяхъ хугурика, и только окончаніе его позволяетъ видѣть, насколько онъ былъ успѣшно проведенъ. Сдавшій хорошо экзаменъ тогда же получаетъ, какъ награду, особую широкую полосу яркаго цвѣта матеріи, въ которую и драпируетъ себя, обертывая корпусъ и одно плечо, какъ обычно носятъ ламы эту принадлежность костюма своего сана и какъ изображаютъ нѣкоторыхъ изъ своихъ бурхановъ. Кромѣ мантіи хугурикъ получаетъ еще и обычную ламскую шапку въ формѣ кивера желтаго цвѣта, обдѣланную въ верхней своей части такого же цвѣта матерчатымъ плюмажемъ. Во время одѣванія остальные хугурики усиленно бьютъ въ барабаны и мѣдныя тарелки. Одѣвшись, хугурикъ садится уже вмѣстѣ съ штатными ламами, и экзаменъ слѣдующихъ продолжается тѣмъ же порядкомъ. Невыдержавшій остается въ школѣ еще на годъ, нерѣдко и на два, смотря по способностямъ, послѣ чего вновь держитъ экзаменъ, или же возвращается въ свой улусъ.

Получившіе мѣсто штатнаго ламы остаются въ большинствѣ случаевъ безвыѣздно при дацанѣ, и жизнь ихъ съ этого момента далеко разнится отъ жизни улусныхъ ламъ.

Штатные ламы, уже по своему положенію, пользуются бо̀льшими симпатіями у своихъ сородичей. Буряты, живущіе вблизи дацана, чаще обращаются къ штатнымъ ламамъ, какъ за разными своими совѣтами, такъ и за исполненіемъ различныхъ требъ.

Лучшіе лекаря также считаются среди штатныхъ ламъ. Жизнь этихъ послѣднихъ въ дацанѣ болѣе или менѣе обезпечена частью доходами дацана, а также и случайными приношеніями ихъ прихожанъ.

Большинство такихъ ламъ имѣетъ двѣ-три юрты, или избы, построенныя по образцу крестьянскихъ. Нѣкоторые круглый годъ живутъ въ такихъ домахъ, другіе же на зиму, по обычаю и привычкѣ, ставятъ еще и войлочныя юрты. У нѣкоторыхъ, болѣе зажиточныхъ, въ домахъ имѣются, кромѣ обычной бурятской незатѣйливой мебели — скамеекъ и низкихъ кроватей, — также и русскіе столы, стулья, шкафы и проч.

Вдали рядъ такихъ ламскихъ построекъ представляется деревнею, и только ближе всмотрѣвшись, узнаешь жилье номада.

У большинства переднее мѣсто въ избѣ всегда занято бываетъ раскрашеннымъ въ яркіе цвѣта деревяннымъ невысокимъ шкафомъ, гдѣ по наружнымъ полкамъ разставлены различные бурханы, развѣшаны ходаки, стоятъ чашечки съ приношеніями: масломъ, зерномъ, сластями и проч. Во многихъ бурятскихъ избахъ и юртахъ, недалеко отъ такого шкафика, виситъ на стѣнѣ или стоитъ на особомъ ящичкѣ фотографическое изображеніе ургинскаго *живого-бога «Хутухты»* (Гыгена), также задрапированнаго цвѣтными ходаками, или матеріей.

Вся внутренняя обстановка въ избѣ вполнѣ подходитъ къ обычной обстановкѣ бурятской юрты, т. е. по серединѣ остается мѣсто для тагана, кругомъ по полу разостланы войлоки, по стѣнамъ стоятъ сундуки и ящики съ платьемъ, кадки, разложены сѣдла, сбруя и проч. Отсутствуетъ только костеръ посерединѣ и его замѣняетъ кирпичная русская печь въ углу комнаты.

Внутренняя комнатная обстановка ламъ выдѣляется еще и тѣмъ, что повсюду, на столахъ, скамьяхъ и проч., ви-

дятся разныя книги, отдѣльные оттиски тибетскихъ молитвъ свѣчи и разныя принадлежности ламскаго служенія, или предметовъ по медицинѣ. Чѣмъ больше въ юртѣ ламы «*ходаковъ*», тѣмъ для простого бурята онъ кажется болѣе заслуживающимъ почитанія, такъ какъ дареніе ходаковъ у бурятъ и монголъ служитъ показателемъ особаго уваженія и почтенія.

Такъ какъ служба въ дацанѣ бываетъ не часто, то весь свой досугъ ламы посвящаютъ обученію хугуриковъ, исполненію разнаго мелкаго ремонта въ дацанѣ и заботамъ по своему хозяйству.

Въ числѣ штатныхъ ламъ, въ особенности молодыхъ, не рѣдкость встрѣтить знающихъ какое-либо ремесло, или искусство. Такъ напримѣръ, встрѣчаются хорошіе столяры, шорники, мѣдники, слесаря. Нѣкоторые лѣпятъ изъ глины, по доставленнымъ изъ Урги формамъ, разныхъ бурхановъ, раскрашивая ихъ довольно изящно и искусно, или покрывая золотомъ и серебромъ. Изъ тысячи разнаго наименованія буддійскихъ бурхановъ, которые соотвѣтствуютъ такому же количеству перерожденій Будды, болѣе часто лѣпятъ въ мѣстныхъ дацанахъ: *Будды-Аюши,* учениковъ его, а также нѣкоторыхъ изъ добрыхъ боговъ или «*амаргинге*» и злыхъ—«*докшитовъ*».

Изъ другихъ бурхановъ, встрѣчающихся въ мѣстныхъ дацанахъ, извѣстны слѣдующіе: *Будда-Амитабхи, Будда-цѣлитель (Манла),* изображенія *бодисатвъ,* или существъ, достигшихъ духовныхъ свойствъ своей отшельническою жизнью (изъ нихъ извѣстны *Майтреи, Локешвара, Манджу шри, Амитаисъ* и др.), а также и изображенія нѣкоторыхъ ламъ—«перерожденцевъ» и основателя ламаизма въ Тибетѣ—*Дзонхавы.*

Кромѣ бурхановъ, изготовляютъ нѣкоторые священные предметы и принадлежности ламскаго одѣянія. Напримѣръ, изъ принадлежностей буддійскаго богослуженія и культа

дѣлаютъ ладонки-*Гау*, употребляемыя для ношенія или храненія бурхановъ, или храненія образковъ, молитвъ, или заговоровъ, изображенія «*субургановъ*» для храненія бурхановъ, или частей своихъ святыхъ, кинжалы — «*пурбу*», употребляемые при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ, курильницы — «*хала*», молитвенные барабаны — «*хурдэ*», чашечки для жертвоприношеній, колокольчики — «*хонхо*» и много другихъ мелкихъ вещей. Изъ ламской одежды дѣлаютъ шапки, шьютъ халаты, обувь, четки и пр.

Занимаются ламы также печатаніемъ, по имѣющимся въ дацанахъ доскамъ — клише, текстовъ тибетскихъ молитвъ, для надобностей дацана, а также рисованіемъ на деревѣ и матеріи изображеній буддійскихъ боговъ. Стѣны въ нѣкоторыхъ дацанахъ сплошь зарисованы такими изображеніями въ натуральную величину. Преобладающими красками въ такихъ изображеніяхъ являются желтая и красная. Много такихъ иконъ, нарисованныхъ на холстѣ, расходится по улусамъ и чаще употребляется бурятами при похоронахъ, гдѣ ихъ навѣшиваютъ на палки, въ формѣ флаговъ, или иногда такими же иконами украшаютъ стѣну въ юртѣ, за деревяннымъ шкафомъ-божницей.

Нештатные ламы періодически занимаются и торговлею, продавая шелковье, ходаки, а также чай, сахаръ, свѣчи, (такъ называемые «*худжи*»), приготовленныя изъ благовонной травы, четки и пр.

Въ торговлѣ такой самъ лама участвуетъ обыкновенно только капиталомъ, а продажею товара занимается кто-либо изъ родственниковъ, или знакомыхъ.

Въ районѣ дацана, хотя также негласно, производится торговля, но ламы тутъ стараются скрывать свое участіе, такъ какъ занятіе это для нихъ считается предосудительнымъ.

Хлѣбопашествомъ занимаются не всѣ ламы, — причина

тому, конечно, та, что штатному ламѣ трудно слѣдить за работою, къ тому же отлучаются они изъ дацана очень рѣдко и на короткое время.

Всѣ черныя работы въ дацанѣ исполняются хугуриками. Они же своимъ трудомъ дѣлаютъ разныя заготовки для нуждъ дацана, доставляютъ лѣсъ, дрова и пр. Конечно, въ общемъ, ежедневныхъ работъ при дацанѣ все же немного, почему досуга у хугуриковъ довольно, который рѣдкими изъ нихъ заполняется чѣмъ-либо дѣльнымъ, чаще же, въ особенности въ лѣтнее кремя, хугурики группами просиживаютъ на задворкахъ дацана, или бродятъ безъ цѣли по окрестностямъ.

Многіе штатные ламы, въ особенности старики, усердно занимаются чтеніемъ и изученіемъ тибетской медицины, приготовленіемъ лекарствъ, а также и обученіемъ медицинѣ молодыхъ ламъ.

Такъ какъ штатному ламѣ, по условіямъ своего положенія, почти невозможно бывать въ дальнихъ улусахъ, то неудивительно, что въ этихъ послѣднихъ, при исполненіи различныхъ требъ, замѣняютъ ихъ заштатные, *улусные* ламы, которыхъ въ общемъ довольно. Ламъ этихъ буряты одинаково чтутъ и слушаютъ.

Если слава хорошаго лекаря, ворожея и встрѣчается здѣсь не часто, тѣмъ не менѣе молва объ этомъ расходится далеко по бурятскимъ улусамъ и доставляетъ такому ламѣ, кромѣ славы, и порядочный доходъ.

Несмотря на все однообразіе и монотонность жизни бурята, врожденная суевѣрность его заставляетъ часто искать гдѣ-либо на сторонѣ объясненіе тому или другому событію своей жизни, или своего душевнаго состоянія; чтя свою религію, а также и тѣхъ, которые всего ближе стоятъ къ ней, — понятно, болѣе вѣрнаго совѣтника, какъ ламу, они себѣ и не сыщутъ, потому-то ламы и продолжаютъ

пользоваться тѣмъ особымъ вниманіемъ, которое установилось съ давнихъ временъ.

Всматриваясь въ жизнь бурята и наблюдая взаимныя отношенія его къ ламамъ, нельзя не замѣтить, что положеніе послѣднихъ создается и поддерживается не только традиціями прошлаго, но и настоящимъ строемъ жизни бурята и его потребностями. Будучи среди нихъ единственными грамотными людьми, ближе другихъ знакомыми съ основами своей религіи и ученіями Будды, они, безспорно, въ вопросахъ духовной жизни бурята являются авторитетомъ.

Ламѣ нѣтъ надобности стараться привлекать къ себѣ номада, такъ какъ довѣріе и почитаніе ихъ сложилось само собою и переходитъ изъ рода въ родъ. Уже одно званіе *ламы* для бурята достаточно, чтобы чтить его и считать стоящимъ далеко выше себя.

Хотя, конечно, и среди ламъ встрѣчаются лица, злоупотребляющія общимъ довѣріемъ и своимъ саномъ, а также и по образу жизни не заслуживающія симпатіи сородичей, но и тутъ почитаніе сана ламы настолько велико, что и такому лицу почти не услышите порицанія со стороны бурятъ. Конечно, и здѣсь сказывается вліяніе суевѣрія и страха наказанія за осужденіе сана служителя «Будды»*.

Несмотря на выдающееся положеніе улусныхъ ламъ, въ матеріальномъ отношеніи они рѣдко когда имѣютъ возможность прочно обезпечить, за рѣдкими исключеніями, свое существованіе.

Если и встрѣчаются среди нихъ богачи, то какъ довольно рѣдкое исключеніе, и, конечно, состояніе это нажито не ламскою профессіей. Хотя лама и присутствуетъ

* По убѣжденію бурятъ, оскорбить ламу—значитъ оскорбить самого Бога, а также каждый буддистъ долженъ благоговѣть предъ Буддою, его закономъ и ламою.

при всѣхъ обрядахъ и празднествахъ, встрѣчающихся въ улусной жизни бурята, и является въ нихъ даже какъ бы главнымъ лицомъ, тѣмъ не менѣе онъ все же въ очень рѣдкихъ случаяхъ получаетъ вознагражденіе за требу деньгами. Ограничиваются большею частію однимъ угощеніемъ или дешевымъ подаркомъ. Оплачиваются деньгами или скотомъ только леченіе, ворожба и изрѣдка такъ называемые «*гурӯны*»—молебны, которые служатъ буряты или при перекочевкѣ, или во время болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи. Гонораръ, конечно, и тутъ не великъ. При леченіи, если не приглашаютъ ламу въ домъ больного, а совѣтуются у него, то платятъ только за получаемыя лекарства, или, какъ ихъ называютъ, «*задачки*».

Цѣна колеблется между 2 и 15 рублями, за шесть или восемь маленькихъ свертковъ, величиною каждый съ грецкій орѣхъ.

Если же ламу приглашаютъ на все время болѣзни въ юрту больного, то тогда, помимо ежедневнаго обильнаго угощенія ламы мясомъ, чаемъ и пр., ему уплачиваютъ по окончаніи леченія, смотря по обстоятельствамъ и достаткамъ паціента, отъ 5 до 50 рублей деньгами, или дарятъ корову, лошадь, нѣсколько овецъ. За употребленныя лекарства, конечно, платятъ отдѣльно.

Въ составъ леченія входятъ, какъ извѣстно, различныя заговоры, отчитыванія, ворожба и «*гуруны*». Такъ какъ леченіе такое обходится буряту не дешево, то приглашаютъ ламу на домъ люди зажиточные или богатые.

Въ назначеніи себѣ гонорара лама все же соображается съ достатками приглашающаго, а потому нерѣдко бѣдноту лечитъ безвозмездно. Съ русскихъ паціентовъ ламы берутъ какъ за лекарства, такъ и за леченіе обыкновенно много дороже, а нѣкоторыхъ и вовсе отказываются лечить, говоря, что для русскаго ихъ тибетскія лекарства «*тяжелы*».

Главною же причиной такихъ отказовъ является боязнь пролечить безплатно, такъ какъ въ деревняхъ часто случалось, что вылечившійся не уплачивалъ условленнаго гонорара, или давалъ его далеко менѣе.

Конкурентами мѣстныхъ бурятскихъ ламъ по леченію и ворожбѣ являются заѣзжіе монгольскіе, живущіе на пограничной полосѣ. Хотя они и славятся, какъ болѣе опытные лекаря, къ тому же имѣющіе запасъ дорогихъ тибетскихъ медикаментовъ, но приглашаютъ ихъ большею частію только богатые буряты, такъ какъ алчность ихъ извѣстна всѣмъ бурятамъ. Бывали случаи, что на гонораръ такому лекарю уходила большая часть состоянія паціента. Въ виду же мнѣнія бурята, что монгольскій лама, по познаніямъ въ медицинѣ, стоитъ все же выше, то неудивительно, что бурятскіе ламы стараются учиться у нихъ, для чего нѣкоторые даже ѣздятъ въ Ургу спеціально, живутъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ, закупаютъ разныя рѣдкія лекарства и, возвращаясь въ свой улусъ, уже считаются болѣе опытными и учеными лекарями.

Хотя трудъ ламы-лекаря и оплачивается, но въ общемъ гонораръ настолько невеликъ, а главное непостояненъ, что не рѣдкость встрѣтить совершенныхъ бѣдняковъ, еле зарабатывающихъ себѣ на пропитаніе. Большинство такихъ неудачниковъ ютятся обыкновенно у своихъ родственниковъ или уходятъ на сторонніе заработки къ русскимъ, нанимаясь слесарями, кузнецами, столярами, а то и простыми дворовыми работниками.

Присутствуя при всѣхъ обрядахъ, празднествахъ и пр., лама, конечно, занимаетъ вездѣ первое и почетное мѣсто, являясь совѣтникомъ, руководителемъ или просто желаннымъ гостемъ.

Въ особенности видную роль играетъ лама на родинахъ, свадьбахъ, похоронахъ. Въ послѣднемъ случаѣ были при-

мѣры, что послѣ смерти отца, мужа, брата, если въ семьѣ не осталось болѣе взрослыхъ мужчинъ, то знакомый лама первое время принималъ большое участіе въ судьбѣ осиротѣвшихъ, слѣдя за хозяйствомъ, распоряжаясь оставшимся имуществомъ и вообще являясь временнымъ, добровольнымъ опекуномъ.

Нѣкоторые бурятскіе ламы, какъ мы уже говорили выше, уѣзжаютъ на довольно продолжительное время въ Ургу для изученія тибетской медицины. Возвращаясь оттуда съ массой разныхъ лекарствъ, они привозятъ также множество различныхъ амулетовъ, слывущихъ у бурятъ за священные и излечивающіе болѣзни прикосновеніемъ къ нимъ.

Предметы эти считаются какъ бы *освященными Хутухтой* и очень почитаются. Имѣть такой амулетъ буряту—завѣтная мечта.

Паломничество бурятъ въ Ургу на поклоненіе Хутухтѣ очень развито и годъ отъ года увеличивается. Въ послѣднее время, съ пріѣздомъ въ Ургу Далай-ламы, паломничество направилось исключительно къ нему, и Хутухта какъ бы отошелъ на второе мѣсто.

Начинается паломничество обыкновенно раннею весной и продолжается до глубокой осени. Уѣзжаютъ паломники группами человѣкъ 10—50, а иногда и болѣе. Каждая семья везетъ въ даръ Хутухтѣ серебро, матеріи, или ведетъ лучшую лошадь, которыя поступаютъ въ Ургѣ въ общую казну *«живого бога»* и въ вѣдѣніе приближенныхъ ламъ.

Сочувствіе и стремленіе бурятъ къ Монголіи, конечно, вполнѣ естественно, такъ какъ Монголію они считаютъ родиною своей вѣры, почему каждый мѣстный бурятъ старается хотя одинъ разъ въ своей жизни побывать въ Ургѣ и получить благословеніе отъ Хутухты, а теперь отъ Далай-ламы.

Проживаютъ въ Ургѣ паломники недолго, нѣсколько дней, и лишь только получатъ ожидаемое благословеніе, ѣдутъ обратно. Не всѣмъ изъ нихъ, конечно, удается получить непосредственно личное благословеніе Хутухты. Послѣдніе года, по слухамъ, «живой богъ» рѣдко выходитъ къ народу, а потому благословеніе паломникамъ дается кѣмъ-либо изъ приближенныхъ къ нему ламъ.

Личное благословеніе Хутухты обыкновенно давалось прикосновеніемъ небольшого деревяннаго жезла къ головѣ паломника, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, при значительномъ стеченіи народа, желавшихъ получить благословеніе Хутухта благословлялъ словесно.

Ведя послѣднее время довольно компрометирующую свой санъ частную жизнь, Хутухта замѣтно уронилъ свое достоинство въ глазахъ народа. Хотя частная его жизнь и скрывается усиленно отъ бурятъ и монголъ, но тѣмъ не менѣе многое изъ жизни «живого бога» сдѣлалось извѣстно населенію, которое постепенно утрачиваетъ прежнее къ нему уваженіе; негласная же женитьба Хутухты заставляетъ ламаитовъ сомнѣваться въ его святости и непогрѣшимости. Доходы его тѣмъ не менѣе до послѣднихъ дней не уменьшились. Даже и меньшее почитаніе бурятъ не останавливаетъ паломничества, въ особенности изъ далекихъ мѣстъ.

Пріѣзжаютъ на поклоненіе Хутухтѣ не только мѣстные забайкальскіе буряты, но и изъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ, напр., изъ Иркутской губерніи, а также и изъ Западной Сибири — калмыки.

Пользуясь благоговѣніемъ бурятъ и почитаніемъ ими Хутухты, приближенные послѣдняго, ламы, стараются извлечь и для себя пользу поборами. Они обманомъ раздаютъ паломникамъ различныя ненужныя вещи, какъ, напр., обрывки матерій, обломки посуды, части ламскихъ одеждъ и пр., говоря, что вещи эти употреблялись когда-то Хутух-

тою, а потому должны быть священны буряту. Довѣрчивые паломники попадаются на эту уловку и привозятъ въ свои улусы такія «цѣнности», заплативъ, конечно, за нихъ значительную дань ламамъ въ Ургѣ. Привозятъ также много различныхъ лекарственныхъ средствъ, «освященныя» ламой буддійскія иконы, ладонки, свѣчи и проч.

Женщины въ числѣ паломниковъ составляютъ почти всегда преобладающій элементъ, какъ и вообще среди нихъ болѣе замѣтенъ фанатизмъ. Нѣкоторыя изъ старухъ, вернувшись изъ Урги, посвящаютъ себя добровольно въ такъ называемыя «*шабаганцы*» (монахини). При этомъ онѣ сбриваютъ себѣ волосы и носятъ черезъ плечо темно-красный шарфъ. Многія изъ нихъ съ этого момента не употребляютъ въ пищу мяса, вина и не принимаютъ уже участія въ какихъ-либо семейныхъ празднествахъ, посѣщаютъ только дацанъ и «*омбоны*». Бесѣда съ ламами составляетъ ихъ любимое времяпровожденіе. Нѣкоторыя «шабаганцы» славятся также какъ хорошія ворожеи, лекарки и предсказательницы. Посвящаются въ шабаганцы не только вдовы, но и замужнія, достигшія 50—60 лѣтъ.

Монашествующихъ мужчинъ изъ бурятъ не замѣчается, быть можетъ, и потому, что среди ихъ и такъ уже довольно нештатныхъ монаховъ-ламъ.

Какъ «шабаганцѣ», такъ равно и ламѣ считается неприличнымъ ѣздить верхомъ, бить скотъ, птицу и принимать какое-либо участіе въ охотахъ или въ охотничьемъ промыслѣ.

Особымъ уваженіемъ «шабаганцы» среди бурятъ не пользуются; повидимому, они смотрятъ на это скорѣе какъ на женское ханжество.

Потому-то, быть можетъ, посвященіе въ «шабаганцы» все же не очень частое явленіе между старухами, и принимаютъ монашество въ большинствѣ или слишкомъ дряхлыя,

или болѣзненныя женщины, которыя уже не въ состояніи вести домашнее хозяйство и быть полезнымъ членомъ семьи, или же наконецъ старухи-одиночки.

Въ нравственной жизни бурятскіе ламы также имѣютъ большое вліяніе на своихъ сородичей. Хотя вліяніе ихъ основывается, главнымъ образомъ, на суевѣріи бурятъ, но тѣмъ не менѣе цѣль нерѣдко достигается.

Особенно преслѣдуется ламами сильно развивающееся въ народѣ пьянство, въ особенности теперь, когда китайскій напитокъ «*ханшинъ*» (водка) составляетъ такую прибыльную торговую статью для бурята, несмотря на то, что ввозъ его въ Забайкалье запрещенъ и контрабандная торговля строго карается закономъ.

Отъ наблюдательности ламъ, конечно, не могло ускользнуть главное, что массовое пьянство болѣе губительно для бурятъ, порождая нерѣдко преступленія. Потому-то они стараются обходомъ, гдѣ только можно, наложить свое запрещеніе, ссылаясь, что будто бы запрещеніе это они «*вычитали*» въ тибетскихъ священныхъ книгахъ. А такъ какъ каждый бурятъ привыкъ думать, что въ этихъ книгахъ заключаются всѣ правила жизни и ослушаніе карается богами, которыхъ онъ боится, то и подчиняется безусловно, хотя, конечно, и не всегда охотно. Запрещенія не пить вина дѣлаются ламами или на время большихъ праздниковъ, или свадебъ. Конечно, любители выпить и молодежь въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ подчиняются такому запрещенію, но тѣмъ не менѣе, если и пьютъ, то секретно и пьяныхъ среди нихъ не видно. Соблазнъ «угоститься» все же великъ, въ особенности у бурятъ, живущихъ въ городѣ, или вообще среди русскаго населенія.

Запрещенія такія даются ламами и при какихъ-либо несчастіяхъ или бѣдствіяхъ въ краѣ, какъ, напр., неурожаѣ, засухѣ, падежѣ скота, повальныхъ болѣзняхъ, потопѣ и пр.

Такъ, напр., въ 1899 году послѣ опустошительнаго наводненія, разорившаго массу мѣстныхъ бурятъ, по Чикою, здѣшніе цонгольскіе ламы объявляли по улусамъ, что «*вышло по книгамъ: не пить вина до новой травы*», т. е. до будущей весны.

Въ тяжелыя годины народныхъ бѣдствій бурятскіе ламы, кромѣ молебствій въ дацанахъ и по улусамъ, стараются своими увѣщаніями и совѣтами поддержать бодрый духъ народа. Насколько бурятъ привыкъ совѣтоваться съ ламой, видно изъ того, что почти каждое новое дѣло онъ начнетъ лишь тогда, какъ переговоритъ и обсудитъ съ ламой. Въ особенности это замѣтно въ отдаленныхъ улусахъ.

Къ чести ламъ можно прибавить еще и то, что нѣкоторые изъ нихъ, хотя иногда и косвенными путями, стараются объ искорененіи нѣкоторыхъ пороковъ своихъ сородичей, при чемъ и сами своею жизнью, насколько позволяютъ обстоятельства, стараются служить имъ примѣромъ.

Живя въ семьѣ улуснаго бурята, лама въ своей жизни ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ своего сородича. Ламское монашество не у штатныхъ разрѣшаетъ имѣть и женъ, почему отшельничества между ними, конечно, нѣтъ совершенно. Въ далекое прежнее время уваженіе къ ламѣ заходило настолько далеко, что въ бракахъ частныхъ бурятъ первая брачная ночь предоставлялась знакомому ламѣ, но теперь обычай этотъ почти вывелся среди мѣстныхъ бурятъ и если еще изрѣдко наблюдается, то въ отдаленныхъ улусахъ.

Какъ и простой бурятъ, лама употребляетъ ту же самую пищу, т. е. кирпичный чай, молоко, баранину и пр. Посты хотя и существуютъ у нихъ, но въ общемъ непродолжительны: дня два, три не болѣе. Соблюдаютъ ихъ только въ рѣдкихъ случаяхъ старики и старухи-«шабаганцы». Изъ ламъ же соблюдаютъ преимущественно одни

штатные. Во время поста запрещается употребленіе мяса, молоко же разрѣшается. Въ дни передъ большими праздниками, въ дацанахъ, ламы обыкновенно постятся болѣе строго и даже не пьютъ молока. Такихъ дней, впрочемъ, всего въ году 4.

Проводятъ они ихъ въ чтеніи тибетскихъ молитвъ по четкахъ, или въ верченіи молитвеннаго барабана. Самой употребительной молитвой, или, вѣрнѣе, возгласомъ, считается: «*омъ-мане-подмехомъ*», равнозначущее съ нашимъ «*помилуй Боже*».

Уставая повторять сотни и тысячи разъ эти слова, лама все же продолжаетъ вертѣть барабанъ, такъ какъ, по его понятію, каждый поворотъ барабана на своей оси одинаково исполняетъ ту же молитву.

Молитвенные барабаны, кромѣ дацанныхъ большихъ, бываютъ и маленькіе, которые ставятъ обыкновенно при молитвѣ на низкій столикъ или прямо на землю передъ собой. Иногда лама одновременно пьетъ чай и время отъ времени повертываетъ барабанъ, то есть якобы не останавливая свою молитву.

Земледѣліе.

Останавливаясь на результатѣ вліянія русскаго населенія вообще, нужно сказать, что выразилось оно какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ къ положительной сторонѣ такого вліянія можно, кромѣ развитія земледѣлія, прибавить позднѣйшія: развитіе грамотности и болѣе культурныхъ взглядовъ на самую жизнь.

Къ отрицательнымъ же качествамъ, которыя буряты заимствовали отъ русскихъ, относятся: злоупотребленіе водкой, картежная игра, сутяжничество, обманъ, воровство. Нельзя, конечно, отрицать, что нѣкоторыя изъ этихъ качествъ были у бурятъ и ранѣе, но, какъ извѣстно, далеко не въ такомъ развитіи, какъ въ настоящее время.

Дѣла, основанныя на одномъ лишь взаимномъ довѣріи, стали сокращаться, и въ послѣднее время почти ихъ и вовсе не видно, явились жажда къ наживѣ, тунеядство, лѣность.

По словамъ сторожиловъ, нынѣшній бурятъ далеко не такой, какимъ онъ былъ даже десятокъ лѣтъ тому назадъ. Постепенный переходъ его къ осѣдлости выражается въ слишкомъ замѣтномъ нравственномъ упадкѣ. Прежнія его занятія, какъ скотоводство и звѣриный промыселъ, замѣтно сократились, успѣшность же въ земледѣліи по многимъ не зависящимъ отъ него причинамъ не получила должнаго развитія.

Занятіе земледѣліемъ у бурятъ появилось съ прихода въ край первыхъ русскихъ, до того же они, какъ кочевники, преимущественно занимались однимъ скотоводствомъ.

Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья земледѣліе у бурятъ и стоитъ сравнительно не хуже, чѣмъ у русскаго населенія, но въ общемъ, за отсутствіемъ хорошихъ земель, неустойчивости урожая и многихъ другихъ причинъ, эта отрасль хозяйства все же слишкомъ незавидная.

Большая часть пахотныхъ земель у мѣстныхъ бурятъ расположена или на высокихъ склонахъ горъ или же въ перелѣскахъ на песчаныхъ мѣстностяхъ. Хорошія земли въ краѣ почти исключительно въ долинѣ рѣчки Кудары.

Сѣять начинаютъ всегда послѣ русскихъ, а именно въ началѣ мая, пшеницу же во второй половинѣ мая.

Не имѣя запасовъ сѣмянъ, берутъ таковыя обыкновенно изъ общественныхъ складовъ или занимаютъ у богачей и, конечно, на тяжелыхъ условіяхъ.

Пашутъ буряты не глубоко и исключительно сохой. Плуги хотя и есть у нѣкоторыхъ, но они находятъ ихъ слишкомъ тяжелыми и дорогими. Среднее количество десятинъ, запахиваемыхъ бурятомъ, рѣдко болѣе пяти-десяти разнаго хлѣба. Сѣятъ преимущественно ярицу и овесъ,

рѣже и меньше пшеницу, просо, гречу. Ячмень же сѣятъ очень мало и не вездѣ.

Имѣющихъ запашки въ нѣсколько десятковъ десятинъ можно насчитать въ краѣ трехъ-четырехъ человѣкъ.

Собравши и вымолотивши хлѣбъ приблизительно около первыхъ чиселъ ноября, бурятъ тогда же везетъ его на продажу, рѣдко оставляя какой-либо запасъ дома. Только болѣе состоятельные оставляютъ до весны или лѣта сотню-другую пудовъ, исключительно ярицу.

Въ рѣдкихъ случаяхъ въ означенной части Забайкалья къ веснѣ не истощаются запасы хлѣба, какъ въ деревняхъ, равно и въ городахъ. Недостатокъ хлѣба весной здѣсь привычное явленіе.

Сравнительно дешевыя цѣны на хлѣбъ осенью, къ веснѣ иногда выростаютъ въ полтора раза. Предусмотрительные крестьяне, а также и зажиточные буряты всегда сохраняютъ въ амбарахъ нѣсколько сотенъ пудовъ ярицы или овса, которыя и начинаютъ вывозить на продажу въ концѣ апрѣля или въ маѣ.

Въ прежніе годы большія количества ярицы закупались на мѣстные винокуренные заводы.

Неустойчивость цѣнъ на хлѣбъ очень большая. Такъ, напримѣръ, ярица въ зернѣ, смотря по урожаю, продается населеніемъ отъ 30—40 коп. за пудъ до 1—1 р. 20 коп.; за овесъ отъ 40 коп. до 1 руб. 80 коп. и такъ далѣе.

Перемоломъ зерна большею частью занимаются сами же крестьяне, имѣя нѣсколько водяныхъ маленькихъ мельницъ на горныхъ рѣчкахъ, а также перемалывая въ зимнее время на такихъ же одно-поставныхъ жерновыхъ мельницахъ, устраиваемыхъ на льду Чикоя или Хилка, которыя извѣстны здѣсь подъ названіемъ «*ледянокъ*».

Въ послѣднее время замѣчалась среди населенія отдача въ перемолъ хлѣба болѣе крупнымъ размольнымъ мельни-

цамъ, которыя за болѣе низкую цѣну имѣли возможность давать продавцамъ лучшій продуктъ, а потому и продавать его далеко выгоднѣе.

Присматриваясь къ работѣ нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, которые стали пріобрѣтать для своего хозяйства механическія молотилки, сортировки и прочее, можно думать, что недалеко то время, когда и въ Забайкальѣ земледѣліе станетъ болѣе правильнымъ и не такъ рискованнымъ, какъ теперь.

Земельные надѣлы у бурятъ до настоящаго времени были значительны, хотя распредѣленіе ихъ и было неравномѣрно, въ особенности въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ пользовалось русское населеніе. Такъ напримѣръ, нѣкоторыя бурятскія семьи владѣли по 200 десятинъ разной земли (какъ они считали сами свои владѣнія), тогда какъ нѣкоторыя русскія семьи владѣли по двѣ-три десятины. Конечно, въ данномъ случаѣ много зависѣло отъ причинъ, въ которыя не приходится вдаваться, но тѣмъ не менѣе фактъ на лицо.

Въ Забайкальѣ не рѣдкость, что многіе арендуютъ у бурятъ какъ пахотную, такъ и луговую землю. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что селеніе Куналей, не имѣя достаточно земли для своихъ надобностей, арендуетъ у сосѣдей бурятъ всего до 30.000 десятинъ, и что болѣе всего странно и непонятно: эта арендуемая земля находится тутъ же рядомъ съ селеніемъ. Въ такомъ же положеніи находится деревня Саджига, у которой къ тому же нѣтъ почти совершенно надѣловъ выгонной земли.

Сѣнокосныхъ мѣстъ у бурятъ немного, считая, конечно, такія, которыя обезпечивали бы ихъ на всю зиму. Косятъ преимущественно по островамъ и въ рѣдкіе годы въ горныхъ распадкахъ. Много хорошихъ луговыхъ мѣстностей въ краѣ пропадаетъ совершенно напрасно по собственной

лѣности и непредпріимчивости бурятъ, такъ какъ, имѣя возможность завести на лугахъ воду для поливки, они не хотятъ приложить къ этому труда, почему и оставляютъ громадныя пространства на произволъ.

Тамъ же, гдѣ буряты начали орошать свои поля и луга искусственно, въ рѣдкихъ случаяхъ такая поливка не окупаетъ себя сторицей. Климатическія условія Забайкалья само собой уже требуютъ искусственнаго орошенія, что прежде всего увидали тѣ же семейскіе, пользующіеся каждымъ маленькимъ ключикомъ, чтобы провести изъ него воду на сосѣднія пашни и луга.

Урожай сѣна у бурятъ не всегда постояненъ, почему и цѣны на сѣно также часто колеблятся весьма значительно. Небольшой (приблизительно 8—10 пуд.) возъ сѣна продается бурятами на сторону отъ 1 руб. до 2 руб. и то исключительно осенью и раннею зимой. Весной же запасовъ уже совершенно не бываетъ. Богатые же продаютъ по 3—4 руб. возъ.

Торговля, промысла и ремесла.

Торговлей (въ лавкахъ) буряты занимаются очень рѣдко, чаще же и охотнѣе разнымъ комиссіонерствомъ, подрядами и перепродажей. Конечно, и это послѣднее наблюдается преимущественно среди бурятъ, живущихъ въ городѣ или сравнительно недалеко отъ него, или же въ большихъ селахъ.

Главный предметъ такой коммисіонной торговли до послѣдняго времени составляла скупка скотской кожи, употреблявшейся въ недавнемъ прошломъ въ громадномъ количествѣ на обшивку ящиковъ съ чаемъ въ Кяхтѣ, въ какомъ видѣ чай слѣдовалъ въ Европейскую Россію.

Также скупаютъ и перепродаютъ гурты скота, лошадей. Предметомъ поставокъ являлся главнымъ образомъ хлѣбъ для города и въ окрестностяхъ на винокуренные заводы.

Какъ скупщиками, такъ и коммисіонерами и поставщиками буряты, за рѣдкими исключеніями, опытны и честны. Насколько довѣріе мѣстныхъ жителей было къ нимъ полнымъ, доказывается тѣмъ, что часто «подрядчики» ссужались деньгами на десятокъ тысячъ рублей подъ простую записку, и почти не бывало случая, чтобы они не оправдали такого довѣрія или выполнили бы не въ срокъ.

Только въ послѣднее время общее оскудѣніе, а также и вообще нравственный упадокъ бурятскаго населенія заставляютъ относиться къ нимъ съ большею осторожностью.

Три четверти свободнаго бурятскаго населенія занимаются различными ремеслами и промыслами. Въ особенности часто встрѣчаются между ними плотники, столяры, слесаря и кузнецы, изъ которыхъ плотники по численности преобладаютъ.

Ремесла, требующія усидчивости, даются бурятамъ не особенно легко, также и другія занятія, хотя и тутъ нерѣдко замѣчаются исключенія.

Много бурятъ служитъ работниками у русскихъ, хотя на трудную работу, требующую значительной силы, буряты мало способны. Ставя параллель между русскимъ и бурятскимъ работникомъ, нельзя не замѣтить, что бурятъ далеко малосильнѣе и лѣнивѣе русскаго.

Звѣровщиковъ среди мѣстныхъ бурятъ очень немного и охотничьимъ промысломъ занимаются исключительно живущіе вблизи таежныхъ мѣстностей. Главный промыселъ — бѣлка, хотя попутно добываютъ и соболя, а также медвѣдя, козу, лисицу. Изъ птицъ до запрещенія много ловили сѣтями каменныхъ куропатокъ. Въ степныхъ мѣстностяхъ и по склонамъ горъ усиленно занимаются промысломъ «тарбагана» (сурка).

Рыбнымъ промысломъ занимаются всего менѣе. Ловятъ же рыбу исключительно такъ называемыми заѣздками и

«мордами». Сѣтей мѣстные жители не имѣютъ. Обиліемъ рыбы здѣшнія рѣки также не отличаются.

Частная жизнь.

Живутъ мѣстные буряты «улусами» въ 10—20 юртъ или зимовьевъ. Каждый бурятъ имѣетъ обыкновенно однудвѣ юрты, нѣсколько крытыхъ деревянныхъ низкихъ «стаекъ» для скота, два-три небольшихъ дворика и изрѣдка небольшой бревенчатый амбаръ.

Всѣ строенія въ усадьбѣ обыкновенно размѣщены безъ всякой системы и разбросаны. Одна отъ другой усадьбы также въ рѣдкихъ случаяхъ чѣмъ-либо отгорожены. Общій видъ улуса представляетъ большую разбросанность. Хотя въ наружномъ видѣ бурятскихъ построекъ въ позднѣйшее время и замѣтенъ русскій типъ, но въ расположеніи самихъ построекъ и усадебъ осталось прежнее «кочевье», которое къ тому же носитъ особый отпечатокъ чего-то временнаго, что называется, «на скорую руку».

Типъ юрты кочевника извѣстенъ большинству; деревянныя же избы и зимовья бурятъ по наружности мало чѣмъ разнятся отъ крестьянскихъ средняго достатка. Строятся они изъ круглаго лѣса въ 2—3 квадратныхъ сажени, съ небольшимъ навѣсомъ надъ входными дверями, вышиною около пяти аршинъ подъ крышу, которая также дѣлается деревянная тесовая, или чаще драньевая на два ската. Оконъ рѣдко дѣлаютъ болѣе двухъ и обыкновенно на солнечную сторону. Строятъ избы безъ фундаментовъ, на деревянныхъ стойкахъ.

Внутренность избы составляетъ одна комната, изрѣдка перегороженная на двѣ, или съ отгороженными сѣнями.

У болѣе зажиточныхъ встрѣчаются избы въ двѣ и четыре комнаты и самыя зимовья раздѣлены на двѣ половины: черную для работниковъ и мелкаго скота и чистую для хозяевъ.

Ко входу идетъ въ двѣ, три ступени лѣстница, у нѣкоторыхъ же въ длину избы дѣлается небольшой навѣсъ, какъ бы терраса.

Внутреннее устройство и размѣщеніе избы вполнѣ сходно съ таковыми же обыкновенной бурятской юрты. А именно: въ переднемъ углу или посерединѣ стѣны противъ входа стоитъ деревянная божница, по бокамъ размѣщены ящики съ разнымъ скарбомъ, къ одной изъ стѣнъ приставлена низкая, деревянная кровать *оро*. Весь полъ кромѣ середины комнаты, занятой очагомъ (по-бурятски «галунта»), застланъ кошмами.

Въ домахъ, гдѣ полъ земляной, очага не помѣщаютъ, хотя мѣсто это также оставлено свободнымъ. Вмѣсто же очага въ углу комнаты ставятъ кирпичную или глинобитную русскую печь нерѣдко съ плитой или же раздѣленную на двѣ половины: голландку и русскую.

Бурятъ любитъ тепло, почему, устраивая избу, старается сдѣлать свое помѣщеніе возможно основательнѣе. Огонь въ печи рѣдко тухнетъ, а въ зимніе холода и очагъ цѣлые дни не потухаетъ.

У болѣе состоятельныхъ окна со стеклами, чаще же затянуты пузыремъ. Полы въ избахъ дѣлаютъ деревянные, также и потолки.

Бревна избы при постройкѣ перекладываются сухимъ мохомъ, которымъ конопатятся и стѣны, и только у богатыхъ на конопатку употребляютъ коноплю (паклю).

Обычную мебель бурятской избы, какъ и юрты, составляютъ кровать, нѣсколько низкихъ столиковъ, похожихъ на обыкновенныя скамейки, употребляемыя подъ ноги, и высокіе сундуки. Только болѣе зажиточные, живущіе въ деревянныхъ избахъ, обзаводятся столами, скамьями и стульями, по образцу крестьянскихъ. Сами хозяева, конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются этой мебелью, проводя свой

день по привычкѣ на полу, если же и имѣютъ русскую мебель, то для посѣтителей-русскихъ.

Почетное мѣсто хозяина и гостей считается вблизи божницы, гдѣ обыкновенно стелятъ и лучшую кошму, и вообще мѣсто это содержится въ большой чистотѣ.

Въ обычное время вся семья обыкновенно сидитъ вмѣстѣ кругомъ очага; сыновья съ отцомъ, а дочери и жена, если не принимаютъ хлопотъ по хозяйству, то на противоположной сторонѣ очага, спинами къ дверямъ.

Часто замѣчается, что женская половина не садится за ѣду одновременно съ мужской, а уже послѣ того, какъ они кончатъ свою ѣду. Въ приготовленіи пищи мужчины почти не принимаютъ никакого участія, всѣ заботы лежатъ на женщинахъ.

Въ зимніе холода, въ томъ же помѣщеніи, гдѣ живутъ буряты, находятся молодые ягнята и иногда телята. Чаще наблюдается это въ юртахъ, но бываетъ и въ избахъ, почему чистотой такое жилище не отличается, какъ и вообще буряты очень нечистоплотны.

Собакъ хотя держатъ и даже по нѣсколько штукъ, но ни въ юрты, ни въ избы никогда не впускаютъ. Какъ промысловыхъ, такъ и дворовыхъ собакъ держатъ всегда на привязи, изрѣдка отпуская на ночь. За кормомъ ихъ также не слѣдятъ, даютъ остатки своей ѣды, чаще же оставляютъ на произволъ, полагая, что ночью собака найдетъ себѣ пищу. Вѣчно голодныя собаки бурятъ страшно злы и выглядятъ невзрачными, тощими, лохматыми. Порода собакъ въ Забайкальѣ исключительно выродки монгольско-тибетскихъ.

Промысловыя собаки у бурятъ очень цѣнятся и рѣдко перепродаются даже и за большія деньги.

Сибирская лайка водится преимущественно въ притаежныхъ селеніяхъ у крестьянъ и бурятъ. Породистыхъ очень

немного, въ чемъ, конечно, виноваты владѣльцы собакъ, совершенно не наблюдая за сохраненіемъ породы. Потомство лайки, произошедшее отъ скрещиванія съ монгольской собакой, почти совершенно утрачиваетъ свои промысловыя достоинства.

Скотоводство

Домашній скотъ буряты держатъ въ бревенчатыхъ, обмазанныхъ навозомъ низкихъ стайкахъ, или въ такихъ же, но стѣнки которыхъ сдѣланы изъ плетня. Крыша стайки также засыпана толстымъ слоемъ навоза (*аріа̀ла* — по мѣстному).

Загоняется скотъ въ стайки на ночь или въ ненастье. Все же остальное время, за исключеніемъ молодого скота, ходитъ въ полѣ. Частыя безснѣжныя зимы позволяютъ бурятамъ и въ это время года не расходоваться на сѣно.

За зиму обыкновенно весь скотъ у бурятъ страшно тощаетъ, болѣетъ и дохнетъ, остающаяся отъ осени «ветошь» въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ достаточнымъ кормомъ, почему къ веснѣ буряты начинаютъ подкармливать свой скотъ сѣномъ. Но такъ какъ подкармливаніе обыкновенно начинается бурятами слишкомъ поздно, то есть тогда, когда скотъ выбился (вымерзъ — по мѣстному), то, конечно, и неудивительно, что весна все же уноситъ много скота у бурятъ. Примѣры прошлыхъ лѣтъ ими забываются, почему падежъ скота весной отъ голодовки повторяется ежегодно. Много скота къ тому же уничтожается зимой и осенью волками.

Лошади находятся въ лучшемъ положеніи, такъ какъ, работая на нихъ, въ зимнее время бурятъ невольно долженъ слѣдить за ними, а потому и кормить. Въ худшемъ положеніи бываютъ табуны, которые нерѣдко безъ всякаго присмотра ходятъ мѣсяцами по островамъ и степямъ, возвращаясь только или въ ненастье или же если

преслѣдованіе волками для нихъ дѣлается слишкомъ усиленнымъ.

Табуны лошадей и лѣтомъ ходятъ безъ пастуховъ, нерѣдко даже по мѣсяцамъ. Заботы бурята часто ограничиваются тѣмъ, что онъ разъ или два въ мѣсяцъ съѣздитъ посмотрѣть, «попровѣдать» свой табунъ. За лѣто весь скотъ быстро поправляется и крѣпнетъ.

Бурятскія лошади легче переносятъ зиму, хотя также весной еле передвигаютъ ноги и худы до невозможности.

Рогатый скотъ мелкій; обычный вѣсъ мясного скота 12—15 пудовъ. Цѣна на скотъ весной отъ 20 рублей поднимается къ осени и зимѣ, за такъ-называемый «кормленный» до 40 рублей.

Бараны вытягиваютъ отъ 30 фунтовъ до 2 пудовъ, сообразно чему и цѣнятся отъ 1 рубля 50 копѣекъ до 5—6 рублей «на ногахъ».

Гуртовой продажи скота у бурятъ почти незамѣтно за малымъ вообще количествомъ, весь же такой скотъ пригоняется осенью изъ Монголіи, нерѣдко за сотни верстъ. Съ годами требованіе на забайкальскій скотъ значительно увеличилось, почему и цѣны растутъ прогрессивно.

Мясо забайкальскаго скота въ мороженомъ видѣ и соленымъ вывозится далеко за предѣлы области. Мясо барановъ вывозится рѣже, хотя по своимъ вкусовымъ качествамъ оно стоитъ далеко выше, чѣмъ въ Западной Сибири и Европейской Россіи. Порода мѣстныхъ барановъ—курдючная. Все мѣстное бурятское и монгольское населеніе исключительно питается «бараниной», которую обыкновенно варятъ, но не жарятъ.

Сибирскія (монгольско-бурятскія) лошади также низкорослы, но замѣчательно крѣпкія, выносливыя и бойкія по ходу. Большая часть лошадей поступаетъ въ Забайкалье также преимущественно изъ Монголіи. Цѣны на нихъ, смо-

тря по качествамъ, колеблятся между 18 и 60 рублями. Лучшія же по бѣгу, въ особенности излюбленные здѣсь «иноходцы», нерѣдко покупаются любителями за 300 — 400 рублей. Также цѣнятся хорошіе «бѣгунцы» (скакуны), изъ которыхъ по легкости бѣга и выносливости встрѣчаются замѣчательные. По наружному виду сибирская лошадь чаще невзрачна, съ довольно длинной шерстью и большой, по туловищу, мордой.

На ѣздѣ въ большинствѣ случаевъ скромны, хотя изъ монгольскихъ лошадей почти всѣ страшно пугливы и не скоро привыкаютъ къ городу. Ѣздить начинаютъ верхомъ на четвертомъ году, въ упряжкѣ же на пятомъ и шестомъ. Не изнуряя слишкомъ ранней ѣздой, сибирякъ и бурятъ пользуются работой лошади нерѣдко пятнадцать лѣтъ. Лошадь въ 10 лѣтъ выглядитъ еще довольно молодой и сильной.

Съ приводомъ въ Забайкалье крупныхъ лошадей изъ Томска и имѣющихся въ казачьихъ станицахъ чистокровныхъ заводскихъ производителей, мѣстная порода лошадей, въ особенности у казаковъ, замѣтно перерождается, хотя, по словамъ знатоковъ, только по рослости; качество же заводскихъ лошадей передается подъ большимъ сомнѣніемъ.

Правильное коневодство съ лучшими результатами наблюдается въ настоящее время пока еще только въ сѣверномъ Забайкальѣ, а именно въ Читинскомъ округѣ; въ описываемомъ же районѣ только у нѣкоторыхъ изъ городскихъ жителей и любителей конскаго спорта изрѣдка отъ удачнаго скрещиванія лучшихъ породъ лошадей встрѣчаются нѣкоторыя исключенія въ улучшеніи породы.

Наибольшая часть населенія имѣетъ исключительно бурятскихъ и могольскихъ лошадей. Несмотря на свою низкорослость, лошади эти довольно сильныя, а главное, очень неприхотливы къ корму. Даже работающія въ извозѣ не у

всѣхъ хозяевъ получаютъ на кормъ овесъ; чаще же живутъ на сѣнѣ; у бурятъ же и монголъ лошади почти и не знаютъ овса. Въ голодные года и весной нерѣдко лошади живутъ на одной соломѣ, или въ худшемъ случаѣ на ветоши и заготовленныхъ съ осени молодыхъ ивовыхъ (тальниковыхъ) вѣтвяхъ.

Хотя скотоводство и составляло бы по природѣ главное и исключительное занятіе бурята-кочевника, но населеніе и въ данномъ случаѣ ничѣмъ не проявляетъ какой-либо особой энергіи и заботъ для его развитія или улучшенія. Какъ велось оно въ прежнія далекія времена, такъ ведется и теперь.

Улусная жизнь.

Распредѣленіе занятій въ домашнемъ быту бурята слишкомъ неравномѣрно между мужчинами и женщинами.

Несмотря на то, что женщина у бурятъ стоитъ далеко отъ какого-либо рабства, тѣмъ не менѣе большая часть домашнихъ занятій лежитъ именно на ней одной. Проводя почти все время въ своей юртѣ, бурятка рѣдко сидитъ безъ какого-либо дѣла, чего нельзя сказать про мужское населеніе, которое часто отсутствуетъ изъ дома съ утра до вечера и которое удерживаетъ дома только что-либо исключительное по хозяйству.

Не скука или однообразіе улусной жизни гонятъ бурята изъ дома, а тѣмъ болѣе и не семья, къ которой онъ все же очень привязанъ, а единственно его расовое непосѣдство. Это же самое наблюдается и среди монголъ.

Любопытство номада, конечно, извѣстно и, въ данномъ случаѣ, оно главнымъ образомъ и гонитъ изъ юрты куда-либо къ сосѣду или въ другой улусъ узнать новости, послушать, поразспросить и наконецъ просто повидаться со своими знакомыми. Часто ѣдетъ онъ и безъ опредѣленной цѣли въ сосѣдній улусъ, или даже городъ. Хожденіе въ

Лѣтняя бурятская юрта.

Съ фот. Осокина.

Монгольскія зимнія юрты, вблизи Кяхты.

Съ фот. Г. Чарушина.

гости у бурятъ очень развито, хотя общественности въ томъ видѣ, какъ мы привыкли видѣть у русскаго населенія, у нихъ незамѣтно вовсе. Всѣ семейныя празднества проходятъ исключительно въ тѣсномъ кругу родственниковъ, только свадьбы собираютъ почти всѣхъ знакомыхъ бурята.

Сборищъ всего общества улуса бываетъ сравнительно немного. Такъ, напримѣръ, много народу собирается на общественныя молебствія, «амбоны», и на улусные сходы. Въ особенности послѣднія съ введеніемъ новаго управленія бурятъ участились.

Женщины активнаго участія въ обсужденіи такихъ вопросовъ, конечно, не принимаютъ, хотя въ то же время, болѣе мужчинъ стоя за старину и прежніе порядки, косвенно много поддерживаютъ своихъ мужей и братьевъ въ отстаиваніи своей свободы.

Кромѣ короткихъ отлучекъ изъ дома мужского населенія, оно часто отсутствуетъ на цѣлые мѣсяца и года, такъ, напримѣръ, буряты-казаки, уходящіе на службу, и тѣ изъ нихъ, которые нанимаются къ кому-либо въ городъ или идутъ въ извозъ. Оставляя все свое хозяйство нерѣдко на однѣхъ только женщинъ, они тѣмъ самымъ заставили послѣднихъ исполнять всѣ работы по дому и сельскому хозяйству. Помощниками въ семьѣ являются только подростки.

Такъ какъ только болѣе зажиточные буряты имѣютъ возможность нанимать работниковъ, то неудивительно, что на всѣхъ работахъ въ полѣ являются преимущественно однѣ женщины, и нужно отдать справедливость, что работа ихъ нисколько не уступаетъ мужской, а иногда исполняется даже и болѣе аккуратно.

Въ дальнихъ улусахъ мужское населеніе рѣже оставляетъ свою юрту надолго. Болѣе продолжительное его отсутствіе — уходъ на промыселъ (бѣлковье), остальное же время оно дома и вмѣстѣ съ семьей работаетъ по хозяйству.

Только одни зажиточные буряты въ рѣдкихъ случаяхъ занимаются сами по обработкѣ поля или ходятъ за скотомъ. Здѣсь какъ мужчины, такъ и женщины цѣлые дни проводятъ обыкновенно въ ничего-недѣланіи; вся же работа сдается наемнымъ работникамъ.

Конецъ сѣнокоса въ краѣ обыкновенно совпадаетъ съ началомъ уборки хлѣба, которая продолжается до половины августа. Тамъ до заморозковъ, то есть до молотьбы, бурятъ свободенъ и большую часть дня проводитъ въ разъѣздахъ, или лежаніи у себя въ юртѣ.

Отмолотившись въ ноябрѣ, онъ идетъ или въ извозъ или въ дальнихъ улусахъ уходитъ звѣровать. Къ декабрю обыкновенно опять дома и безъ дѣла за рѣдкими исключеніями. Въ это время до весны бурятъ обыкновенно успѣваетъ прожить всѣ свои доходы, полученные отъ продажи хлѣба и промысла, и весна застаетъ его чуть ли не голодомъ, безъ средствъ, безъ запаса сѣмянъ и съ исхудалымъ, еле двигающимъ ноги, скотомъ.

Такова картина жизни большинства забайкальскихъ бурятъ средняго достатка.

Начало весны для такого бурята всегда критическое. Все, что возможно, онъ везетъ продавать въ городъ; нерѣдко гонитъ послѣднюю корову, ведетъ лучшую лошадь. Не имѣя сѣмянъ на посѣвъ и зная по опыту, какъ «скоро» ему выдадутъ ихъ изъ казеннаго запаса, бурятъ рѣшается выпрашивать ихъ у богатыхъ своихъ сородичей или у русскихъ крестьянъ. Конечно, какъ первые, такъ и вторые пользуются такимъ критическимъ положеніемъ бурята и, продавая сѣмена съ выплатой осенью, обыкновенно въ то же время закабаляютъ такого бурята условіемъ отработки и, конечно, за цѣну, на которую въ другое время никто не согласится.

Заручившись сѣменами, а иногда и деньгами, бурятъ

снова оживаетъ, снова идетъ его обычная жизнь, пока осень или неурожай поставятъ его опять и еще въ худшія условія. Идутъ такъ года, и бурятъ-неудачникъ, если случай не дастъ ему расквитаться со своими кредиторами, гибнетъ и зорится въ конецъ.

Если же прибавить къ этому, что послѣдніе года въ Забайкальѣ и для болѣе состоятельной части населенія были разорительны, то о бурятѣ средняго достатка или малоимущемъ нечего и говорить.

Временное поднятіе заработка ближайшихъ къ городу бурятъ постройкой Забайкальской желѣзной дороги, потребовавшей не мало рабочихъ рукъ и продуктовъ сельскаго хозяйства, только было пріятнымъ сномъ для населенія. Боксерское возстаніе въ Китаѣ, а позднѣе русско-японская война отняли почти все мужское населеніе отъ края. Если ясачные пострадали въ этомъ отношеніи не такъ сильно, то буряты-казаки почти совершенно разорены. Конечно, не въ лучшемъ положеніи и русское населеніе.

Недовольство бурятъ еще болѣе обострилось и, конечно, не мало нужно труда, чтобы жизнь его въ нравственномъ отношеніи была какъ прежде. Несмотря на то, что съ виду мѣстный бурятъ какъ бы сдѣлался болѣе культурнымъ, въ дѣйствительности онъ и взгляды его на жизнь, остаются прежними. Конечно, все это относится къ населенію вообще, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые почти уже утратили свое расовое отличіе, живущихъ въ городахъ и наполовину уже обрусѣвшихъ. Хитрость и скрытность бурятъ-кочевниковъ сказывается часто за послѣднее время явнымъ недружелюбіемъ къ русскому населенію. Вырождающееся племя борется съ необходимымъ переломомъ своего новаго положенія; къ чему приведетъ эта борьба, чѣмъ закончится, конечно, покажетъ будущее.

Домашняя жизнь бурята во многомъ отличается отъ сосѣда — русскаго крестьянина. День его начинается сравнительно не рано. Только какое-либо срочное дѣло, или необходимость заставитъ подняться бурята до солнца, хотя бы и лѣтомъ. Обычное время, когда бурятъ встаетъ, лѣтомъ около 6 часовъ, а зимой 8—9. Женщины и наемные работники поднимаются нѣсколько раньше. Ложатся же спать лѣтомъ около девяти часовъ, а зимой и того раньше, конечно, исключая любителей картежной игры, за которой нѣкоторые просиживаютъ до утра.

Въ теченіе дня, въ особенности лѣтомъ, бурятъ нерѣдко на часъ — два снова ложится отдыхать, если нѣтъ никакого дѣла. Все же остальное время сидитъ, поджавши подъ себя ноги, передъ костромъ, покуривая табакъ, или бесѣдуя съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей.

Бурятъ словоохотливъ и любитъ вести разсужденія о злобахъ дня; въ особенности въ этомъ отношеніи выдѣляются старики и ламы. Женщины рѣдко принимаютъ участіе въ общемъ разговорѣ и только слушаютъ. Дѣти и подростки вертятся также почти всегда въ юртѣ, или избѣ, рѣдко оставаясь внѣ юрты, что является большимъ отличіемъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Если же и уходятъ они, то чаще или пасти барановъ, или по какому-либо порученію. Тѣхъ игръ, смѣху, какіе мы привыкли видѣть у крестьянской дѣтворы, въ бурятскихъ дѣтяхъ почти не замѣтно. Единственное развлеченіе подростковъ въ лѣтнее время борьба; болѣе же смѣлые и сильные съ большой охотой носятся верхомъ на неосѣдланной лошади.

Въ общемъ бурятскія дѣти не такъ жизнерадостны и подвижны, какъ русскія, хотя болѣе выносливы и крѣпки къ холоду и рѣже болѣютъ.

Какъ и въ русской крестьянской семьѣ, бурятскія дѣти рано дѣлаются помощниками; въ семь-восемь лѣтъ они

ходятъ за бороной, убираютъ сѣно, хлѣбъ, пасутъ скотъ. Въ двѣнадцать же лѣтъ уже исполняютъ всѣ работы, наравнѣ съ большими.

Живущіе вблизи селъ, или городовъ отдаютъ своихъ дѣтей въ русскія школы, гдѣ нерѣдко лучшіе ученики выходятъ изъ бурятъ. Несмотря на плохое пониманіе русскаго языка, бурятскія дѣти очень быстро осваиваются и въ занятіяхъ прилежны. Многія изъ нихъ переходятъ въ средне-учебныя заведенія, гдѣ и кончаютъ курсъ весьма успѣшно.

Какъ извѣстно, съ каждымъ годомъ число дѣтей, оканчивающихъ курсъ средне-учебныхъ заведеній, прогрессируетъ. Многіе изъ бурятъ занимали и занимаютъ хорошія мѣста въ мѣстныхъ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторые же сородичи настолько культурно развиты, что только типъ развѣ можетъ еще выдать ихъ. Такихъ лицъ хотя и не особенно много, все же они извѣстны и далеко за предѣлами Забайкалья. Все это доказываетъ, насколько бурятъ способенъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, сравнительно легко культивируется.

Живя въ улусѣ, бурятъ очень неразборчивъ къ обстановкѣ своего хозяйства, равно и къ пищѣ. Даже и болѣе состоятельные изъ нихъ въ домашней жизни ничѣмъ не отличаются отъ бѣдняковъ.

Та же грязь и, пожалуй, безпорядокъ. Та же обстановка, одежда и ничего такого, что бы наружно служило показателемъ его благосостоянія. Единственно, чѣмъ отличается лучшее матеріальное положеніе бурята, это болѣе обильная его ѣда. Бурятъ если и не гастрономъ, какъ, напримѣръ, китаецъ, но очень прожорливъ и нерѣдко въ этомъ отношеніи даже противенъ для сторонняго наблюдателя. Въ особенности наблюдается это среди малодостаточнаго класса, когда такому представится возможность поѣсть вволю.

Нерѣдко приходилось наблюдать, когда бурятъ ѣлъ положительно черезъ силу, объѣдался и болѣлъ, но, оправившись, оставался прежнимъ въ своихъ желаніяхъ. Въ особенности они любятъ мясо и никогда не отказываются отъ такого угощенія. То же самое наблюдается и среди монголъ.

Въ обычное время буряты ѣдятъ мясо обыкновенно вечеромъ и не болѣе раза въ день, наѣдаясь нерѣдко до отвала. Конечно, мясная пища тѣмъ не менѣе не можетъ считаться ежедневной у всего населенія.

Но все же рѣдкій бурятъ можетъ долго оставаться безъ мясной пищи, въ особенности зимой. Имѣющіе своихъ овецъ, конечно, не сидятъ безъ мяса. Менѣе же состоятельные покупаютъ на сторонѣ, или мѣняютъ на хлѣбъ и пр. Нѣкоторые же покупаютъ въ городѣ или селѣ скотское мясо, хотя и отдаютъ предпочтеніе баранинѣ.

Обычная же пища бурята: кирпичный чай, сваренный съ молокомъ, масломъ и солью (родъ чайнаго супа), хлѣбъ, испеченный въ золѣ, или по-русски (въ городахъ) и молочные скопы: творогъ, вареныя пѣнки, такъ называемыя *урумхэ*. Чай, сваренный вышеупомянутымъ способомъ, иногда варіируется прибавленіемъ къ нему поджареной муки и называется *затураномъ*. Сырое молоко почти не употребляютъ. Изъ молока же перегоняютъ особый сортъ водки, такъ называемый *арахи* (изъ *àрса* — кислое молоко). Водка эта не особенно крѣпка и выпиваютъ ея буряты обыкновенно много. Приготовляется *арахи* преимущественно лѣтомъ и до осени, конечно, вся и расходуется.

Въ остальное время пьютъ или русскую водку, или же чаще китайскій *ханшинъ* (*хана*—по мѣстному).

Изъ овощей изрѣдка употребляютъ лукъ, картофель и изъ дико-растущихъ *черемшу* (полевой чеснокъ), *магниръ* (лукъ) и, какъ лакомство, *луковицы сараны*. Ягоды ѣдятъ

мало; чаще замѣчается употребленіе черемухи, которую собираютъ поздно осенью, вялятъ, толкутъ вмѣстѣ съ косточками и зимой дѣлаютъ особыя ватрушки, «*сибирскія черемуховыя шаньги*» *.

Мясо рыбъ и птицы употребляютъ рѣдко, развѣ за невозможностью достать баранины. Грибовъ не ѣдятъ вовсе и считаютъ ихъ къ тому очень вредными.

Промышленники и охотники ѣдятъ мясо дикихъ козъ, изюбря, сохатаго, кабана и рѣже медвѣдя. Какъ особенное лакомое мясное блюдо бурята, а равно и монгола, считается мясо «*тарбагана*» (сурка), въ особенности осенью, когда они бываютъ страшно жирны.

Жиръ, сало, масло буряты вообще очень любятъ. Изъ всѣхъ сортовъ жира предпочитаютъ бараній. За отсутствіемъ специфическаго запаха мяса здѣшняго барана, жиръ его даже многими городскими жителями употребляется вмѣсто масла, даже и въ печеніи. Мѣстное масло какъ бурятское, такъ и монгольское, по своему приготовленію и вкусу, за небольшимъ исключеніемъ, плохое. Въ особенности монгольское, которое, покупаясь русскими, требуетъ обязательной перетопки, ради очистки. Для уничтоженія же плохого запаха при перетопкѣ бросаютъ въ растопленное масло ягоды облѣпихи, которая и отбиваетъ скверный запахъ монгольскаго масла, а также придаетъ ему красивую желтую окраску.

Лучшимъ по приготовленію масло въ области считается такъ называемое *баргойское,* которое буряты привозятъ изъ мѣстности и улусовъ, находящихся на Баргойской степи (Селенгинскаго округа).

Соль бурятами употребляется въ очень незначительномъ количествѣ и далеко не всѣми. Съ мясомъ соли почти не

---

* Любимое печенье всѣхъ сибиряковъ.

ѣдятъ, она идетъ больше въ варку кирпичнаго чая, а иногда въ лѣтнее время для подсолки скоповъ масла.

Одежда бурятъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ почти одинакова. Исподнія *замца* — рубаха и *умуду* — штаны дѣлаются или изъ бязи, или же *дабы (далембы)*, покупаемой у китайцевъ матеріи англійскаго приготовленія. Болѣе состоятельные дѣлаютъ свое бѣлье изъ ситца и такъ называемой *цуямбы*, также англійской бумажной матеріи, привозимой изъ Китая въ большомъ количествѣ въ Забайкалье. Въ послѣднее время на *дабу* и *цуямбу* наложена пошлина, почему сбытъ ея немного сократился.

Верхній костюмъ бурята состоитъ изъ *тырлыка*—халата—лѣтомъ, или *дэлэ* (мѣхового) зимой. Халаты эти кроются чаще темнаго цвѣта дабой у большинства малосостоятельныхъ, или шелковой матеріею (китайской) у богатыхъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ халаты кроются какими-либо русскими матеріями, какъ, напримѣръ, сукномъ и пр. Ламы кроютъ свои халаты ярко-желтой матеріею; женщины очень любятъ синій и зеленый цвѣта, которые чаще и встрѣчаются у нихъ.

Женскій *тырлыкъ* отличается отъ мужского тѣмъ, что сзади въ таліи у нихъ дѣлается много мелкихъ складокъ и сборокъ; рукава въ общемъ уже и вверху у плечъ приподняты и навачены, хотя и не такъ высоко, какъ у монголокъ. Женскій тырлыкъ дѣлается длиннѣе и иногда поверхъ его носятъ еще и кофту-безрукавку изъ болѣе яркой матеріи (чаще изъ шелка), расшитой шелками. Какъ мужчины, такъ и женщины, выходя изъ дому, опоясываются широкимъ поясомъ обыкновенно яркаго цвѣта. Зимніе тырлыки часто дѣлаются безъ матерчатаго верха нагольные — желтые, или какъ здѣсь зовутъ *дымленые*. По бортамъ и у ворота такіе халаты также расшиваются шелками.

Мужчины носятъ короткіе волосы, а ламы и вовсе бритые. Женщины же дѣлаютъ своеобразную прическу, такъ называемую *тасуріанъ,* состоящую изъ двухъ крѣпко заплетенныхъ и склеенныхъ полукруговъ волосъ съ нанизанной на нихъ массой серебряныхъ монетъ, украшеній и коралловъ. Остальные волосы на головѣ гладко причесаны и примазаны. Кромѣ полушарій спускается двѣ или нѣсколько косъ впередъ на грудь, на концахъ которыхъ также привѣшены украшенія. Вообще вся прическа женщины впереди. Сзади же виденъ только проборъ. Головныя коралловыя украшенія женщинъ (*моржаны* — по мѣстному) бываютъ у нѣкоторыхъ очень дорогія. Стоимость ихъ, смотря по качеству, бываетъ отъ 50 до 800 рублей. Такія же коралловыя украшенія носятъ и на шеѣ.

Упомянутая прическа считается парадной и праздничной. Въ обычное же время голову такъ не убираютъ; замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы, а дѣвушки дѣлаютъ десять-двадцадь тонкихъ, туго заплетенныхъ косичекъ.

На головѣ женщины носятъ зимой стяженныя ватныя шапки, опушенныя разнымъ мѣхомъ или подбитыя бараньимъ мѣхомъ съ бобровой выпушкой. Менѣе зажиточныя довольствуются опушкой изъ выдры или лисьяго хвоста. Шапки чаще остроконечныя съ приподнятыми вверхъ наушниками. Такого же фасона шапки и у мужчинъ, только верхъ шапки у нихъ чаще украшенъ спущенной по шапкѣ красной кистью и на самомъ верху находится каменная, или металлическая шишка. Кромѣ того зимой носятъ остроконечныя мѣховыя шапки, сшитыя изъ лисьихъ лапокъ съ спускающимися наушниками, которыя здѣсь извѣстны подъ названіемъ *чибакъ*. Этотъ удобный фасонъ зимней шапки въ недавнее время появился въ Россіи подъ названіемъ шапка Нансена, хотя въ деталяхъ и не вполнѣ похожая на сибир-

скій чибакъ, такъ какъ наушники спускаются вмѣстѣ съ шейной покрышкой и не настолько остроконечны.

Въ лѣтнее время мужчины носятъ войлочныя китайскія шапки, какъ и нѣкоторые русскія; женщины же лѣтомъ ходятъ съ непокрытой головой и иногда одѣваютъ платокъ, какъ крестьянки. Въ лѣтніе же праздники и семейныя торжества одѣваютъ зимнія мѣховыя шапки.

Бурятская обувь сохранилась не вездѣ. Чаще употребляютъ они обыкновенную русскую: сапоги, ичиги и пр. Женщины, какъ рѣже выходящія изъ юрты, употребляютъ чаще свою національную обувь.

Бурятскіе сапоги, *гутулы*, шьются обыкновенно изъ юфти, съ короткимъ голенищемъ, на толстой стяженой и подшитой кожей войлочной подошвѣ, съ остроконечнымъ, загнутымъ немного вверхъ носкомъ; запятникъ, носокъ и голенище въ лучшихъ сортахъ обыкновенно расшиваются шелками. Такая обувь тяжела, мало удобна для ходьбы и скоро изнашивается. Болѣе удобны и крѣпки бурятскіе *ичиги*, сшитые изъ кожи на нетолстой подошвѣ, просторные и замѣчательно легкіе. Ввиду ихъ вѣскихъ качествъ и удобства въ послѣднее время они введены въ мѣстныхъ войскахъ, какъ походная обувь.

Праздничная одежда мужчинъ-бурятъ отличается только лучшимъ матеріаломъ и болѣе яркимъ цвѣтомъ, а у тырлыковъ воротъ и рукава обшиваются мѣхомъ.

На одежду бурятъ тратится немного. Носится тырлыкъ обыкновенно до того, когда уже видъ его будетъ и для невзыскательнаго бурята очень непривлекателенъ. Нерѣдко тырлыки носятся двумя-тремя поколѣніями, въ особенности болѣе цѣнные. Прекрасная половина бурятскаго населенія также кокетствомъ, конечно, не отличается и если на что тратится, иногда и изъ послѣднихъ средствъ, то на свои коралловыя и серебряныя украшенія, до которыхъ онѣ

большія любительницы. Насколько велико желаніе пріобрѣсти себѣ такое украшеніе, видно изъ того, что нѣкоторыя бурятки годами собираютъ и копятъ положительно по копѣйкамъ деньги, достаточныя для того, чтобы сдѣлать или купить готовое коралловое или серебряное украшеніе.

Чистотой костюма буряты не отличаются, даже и въ праздничныхъ своихъ платьяхъ они не отличаются осторожностью, часто пачкая при ѣдѣ или при поѣздкѣ на своихъ экипажахъ. Обычный же повседневный костюмъ бурятъ всегда и у всѣхъ почти безъ исключенія грязенъ, засаленъ. Если же добавить къ тому, что бурятъ никогда не ходитъ въ баню, рѣдко моется, рѣдко смѣняетъ свою одежду, то можно себѣ представить въ какой грязи проводитъ онъ свою жизнь. Даже лѣтомъ бурятъ не купается, хотя и живетъ на рѣкѣ, исключеніе составляютъ только дѣти и подростки.

Въ зимніе холода въ таежныхъ улусахъ нѣкоторые буряты смазываютъ свое тѣло какимъ-либо масломъ, находя это очень полезнымъ. У другихъ же бурятъ такой привычки не наблюдалось.

Несмотря на то, какъ ни грязенъ и нечистоплотенъ бурятъ въ своей обыденной жизни, онъ въ то же время очень неохотно принимается за такую работу, которая сопряжена съ грязью и пачканьемъ. Также не любитъ земляныхъ работъ и на водѣ. Въ дождливую погоду не работаетъ и вообще сырости не любитъ. Мало подвижный въ обычное время, бурятъ дѣлается въ ненастье еще болѣе апатиченъ. То же самое наблюдается и среди монголъ.

Кустарный промыселъ.

Кустарный промыселъ у бурятъ незначителенъ и не разнообразенъ. Чаще наблюдаются слѣдующія ремесла и занятія: выдѣлка бараньихъ, лосиныхъ шкуръ, пряжа шерсти, вязанье чулокъ, рукавицъ, шитье тулуповъ, катанье вой-

локовъ (кошомъ), плетеніе ременныхъ веревокъ, работа телѣгъ, домашней деревянной посуды, мебели, изготовленіе сохъ, боронъ и разныхъ мелкихъ кузнечныхъ хозяйственныхъ предметовъ.

Изъ вещей, которыя продаются бурятомъ и дѣлаются не только для домашняго обихода, можно назвать немного, а именно: деревянную мебель (стулья преимущественно), кадки, корыта, грабли, вилы, дуги, войлоки въ очень маломъ количествѣ и выдѣланныя лосиныя шкуры для рукавицъ.

Катаньемъ войлоковъ и выдѣлкой шкуръ обыкновенно занимаются женщины въ теченіе всего лѣта и осени. Мужское же населеніе исключительно работаетъ только зимой, въ свободное время отъ сельскихъ работъ.

Основательно поставленнаго кустарнаго промысла какихъ-либо изъ вышеупомянутыхъ вещей, конечно, нѣтъ. Работается между дѣломъ, лишь бы выручить нѣсколько лишнихъ рублей для своего пропитанія.

Скопомъ и продажей собственнаго сырья, какъ напр. это существуетъ у монголъ, среди бурятъ совершенно незамѣтно. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ удастся болѣе зажиточному изъ бурятъ продать на сторону избытокъ шерсти, или волоса. Обыкновенно же все это уходитъ для своихъ нуждъ.

Доставлявшіе же въ прежнее время въ городъ партіи кожъ, сала, масла въ дѣйствительности были только комисіонерами, скупавшими въ своихъ улусахъ все это по мелочамъ для того, чтобы въ городѣ повыгоднѣе продать. Такіе скупщики наблюдаются и среди промышленниковъ въ таежныхъ улусахъ, откуда они везутъ бѣлку, лисицу и кедровые орѣхи. Въ рѣдкихъ случахъ товаръ этотъ попадаетъ къ кому-либо изъ крупныхъ коммерсантовъ, такъ какъ за дальностью разстоянія все скупленное переходитъ нерѣдко прежде въ руки деревенскаго скупщика и отъ него уже идетъ въ городъ.

Семейная жизнь: рожденіе, бракъ, болѣзни, смерть, леченіе.

Семейная жизнь бурята протекаетъ скучно и однообразно. На бракъ бурятъ смотритъ какъ на сдѣлку. Право мужа хотя и не доходитъ до порабощенія жены, но тѣмъ не менѣе жена стоитъ далеко не одинаково и является все же больше какъ исполнительница желаній своего властелина. Незнакомая у бурятъ ревность и довольно своеобразный взглядъ на супружескую вѣрность исключаютъ много недоразумѣній въ совмѣстной жизни, возникающихъ на этой почвѣ.

Выросшія на особыхъ понятіяхъ о бракѣ и связанныхъ съ нимъ обязанностей, бурятскія женщины, повидимому, и не думаютъ тяготиться своимъ все же придавленнымъ положеніемъ въ семьѣ.

По понятіямъ бурята, жена — мать и воспитательница дѣтей, а также услада жизни своего мужа; и вотъ почти все, дальше чего она не должна идти. И дѣйствительно, бурятка, за рѣдкими исключеніями, бываетъ хорошей матерью и женой, а также и хозяйкой. Разлады вообще не часты въ бурятскихъ семьяхъ, а если и выходятъ, то чаще всего кончаются тѣмъ, что мужъ отпускаетъ свою жену, иначе говоря расходится и беретъ другую. Легкость такого развода, повидимому, и заставляетъ женщинъ дорожить положеніемъ жены и стараться угождать мужу.

Выгнанная жена у бурятъ ставится очень низко. Поэтому нѣкоторыя, во избѣжаніе позора выгнанной женѣ, отпускаютъ ее или расходятся какъ бы потому, что она или безплодна, или больна и не можетъ услаждать супруга.

Рождаемость у бурятъ въ общемъ незначительна. Въ рѣдкихъ семьяхъ есть болѣе трехъ-четырехъ дѣтей. Въ особенности за послѣдніе года процентъ рождаемости значительно сократился, что вмѣстѣ съ увеличивающеюся смертностью даетъ возможность предполагать скорое вырожденіе

инородца. Приростъ населенія уже давно перешелъ въ ежегодную убыль. Эпидеміи послѣднихъ лѣтъ уносили не мало дѣтей.

Пьянство, развратъ и ухудшившіяся условія жизни бурята сдѣлали свое дѣло слишкомъ быстро.

Рожденіе дѣтей у бурятъ сопровождается многими обрядностями, при чемъ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, являются различныя повѣрія, примѣты и пр.

Черезъ нѣсколько дней по рожденіи совершается обрядъ омовенія, такъ называемое *хухе аршалахъ* (въ переводѣ — мыть дитя). Въ тотъ же день и дается ламой, или родителями имя новорожденному.

Смотря по матеріальному положенію родителей обрядъ омовенія совершается однимъ или нѣсколькими ламами. Воду для омовенія смѣшиваютъ съ молокомъ и этимъ обрызгиваютъ ребенка рукой. Лама при этомъ читаетъ особыя молитвы и пожеланія.

Послѣ омовенія лама приступаетъ къ чтенію тибетскихъ молитвъ по особымъ такъ называемымъ астрологическимъ книгамъ, гдѣ и опредѣляетъ, подъ какой планетой пришелся новорожденный, а также какое божество будетъ его покровителемъ. Объяснивши все это родителямъ, даютъ ребенку имя.

Отдѣльныхъ мужскихъ и женскихъ именъ у бурятъ нѣтъ. Почему существующія имена только измѣняются сообразно того, кому дается. Такъ, напримѣръ, мужское *Цыренъ* измѣняется въ женское *Цыренжитъ*, *Доржи* въ *Доржитъ* или *Дунма* и т. д.

Выборъ имени по желанію дѣлается и не ламой, а кѣмъ-либо изъ родителей или родственниковъ.

Родильницу въ нѣкоторыхъ улусахъ принято въ обычаѣ, при посѣщеніи съ поздравленіемъ, мазать масломъ и одаривать подарками, обыкновенно чѣмъ-либо изъ домашно-

сти, такъ напримѣръ посудой, матеріей, ягненкомъ и такъ далѣе.

Надъ родильницей у бурятъ-ламаитовъ никакихъ особыхъ обрядовъ не производятъ. Только у прибайкальскихъ бурятъ шаманы дѣлаютъ заклинанія и нѣсколько дней продѣлываютъ такъ называемое *очищеніе* или изгнаніе худого.

Актъ рожденія у бурятокъ проходитъ обыкновенно безъ повитухъ. Болѣзней, сопровождающихъ роды, также почти не наблюдается. На второй или на третій день мать уже встаетъ и ухаживаетъ сама за новорожденнымъ, а также принимается и за свое домашнее хозяйство. Смертность между новорожденными также рѣдка.

Несмотря на полную негигіеничность условій жизни новорожденныхъ, бурятскія дѣти тѣмъ не менѣе выростаютъ здоровыми и крѣпкими и только въ болѣе старшемъ возрастѣ разныя эпидемическія болѣзни уносятъ въ могилу значительное число.

Новорожденнаго помѣщаютъ въ особую невысокую стоячую люльку, въ покатомъ положеніи, завернувши въ разное тряпье, и такъ онъ проводитъ первые дни своей жизни. Вынимаютъ изъ люльки чтобы кормить. За рѣдкими исключеніями матери кормятъ своихъ дѣтей сами. Исключительная особенность въ кормленіи та, что, во-первыхъ, новорожденнаго кормятъ не часто, но подолгу, а второе, что самое кормленіе молокомъ матери иногда длится до трехъ, а то и до четырехъ лѣтъ. Въ этомъ, конечно, не столько потребность ребенка, сколько распущенность матери и ея снисхожденіе къ привычкѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія ребенка несутъ въ дацанъ, гдѣ прикладываютъ къ нѣкоторымъ особенно чтимымъ бурханамъ, навязываютъ ходаки, а болѣе состоятельные одариваютъ ширетуя и нѣкоторыхъ ламъ.

Если новорожденный—мальчикъ, то рожденіе его празднуется особенно: угощаютъ ламъ, родственниковъ, знакомыхъ, пьютъ вино.

Хотя рожденіе мальчика всегда болѣе желательно въ семьѣ, но родители въ отношеніяхъ своихъ одинаковы къ тому и другому полу. Любовь родителей къ дѣтямъ у бурятъ нисколько не меньше, чѣмъ и у другихъ націй.

Разочаровавшись иногда въ ожиданіи мальчика, когда родится дѣвочка, бурятъ обыкновенно скоро смиряется и говоритъ, что все равно *кубӯнъ* (мальчикъ) родился бы—ламой былъ бы, а *кӯка* (дѣвочка) калымъ принесетъ.

Особымъ призоромъ, или наблюденіемъ бурятская дѣтвора не пользуется. Лишь только ребенокъ начинаетъ ходить—попеченіе родителей снисходитъ до минимума. Дается полная свобода дѣтямъ. Хотя бурятскія дѣти обыкновенно въ такомъ возрастѣ рѣдко когда отходятъ далеко отъ своей юрты, но подростки въ 5—7 лѣтъ уже считаются настолько самостоятельными, что уходятъ иногда далеко и надолго, не заставляя родителей бояться за ихъ сохранность.

Табуны въ нѣсколько сотъ барановъ иногда находятся подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ дѣтей-пастуховъ, изъ которыхъ самому старшему едва семь лѣтъ.

Сближеніе дѣтей и раннее физическое развитіе ихъ выдѣляется очень замѣтно. Бурятскій мальчикъ въ семь лѣтъ какъ по виду, такъ и по взглядамъ будетъ равняться крестьянскому въ десять-двѣнадцать лѣтъ.

Живя вблизи русскихъ, бурятскія дѣти очень сближаются съ русскими дѣтьми, быстро научаются говорить по-русски и нерѣдко эта ранняя дѣтская дружба остается до старости ничѣмъ не омрачаемая.

Раннее физическое сближеніе половъ у бурятъ объясняетъ и ранніе браки. Такъ нерѣдко женятся и выходятъ замужъ въ 14 и 15 лѣтъ; причемъ бываетъ, что другая по-

ловина бываетъ далеко старше. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстны случаи, когда мужу было не полныхъ 14 лѣтъ, а женѣ его около 20 и первое время чета эта жила отдѣльно: мужъ у родителей, жена у своего дяди.

Вступленіе въ бракъ у бурятъ допускается неограниченное число разъ, а также разрѣшается имѣть одновременно и болѣе одной жены. Но это почти не наблюдается среди мѣстныхъ бурятъ, хотя, впрочемъ, и обусловлено тѣмъ, что другая жена почему-либо не живетъ съ мужемъ. Въ данномъ случаѣ бурятъ предпочитаетъ разстаться съ неживущей женой оффиціально и навсегда.

Форменный законный разводъ въ брачномъ правѣ бурятъ отсутствуетъ; частно же считается такое соглашеніе въ силѣ, когда разошедшіеся возвратятъ калымъ.

Супружеская жизнь не связана крѣпкими основами, чему виной отчасти бурятскіе ламы, которые въ недавнемъ прошломъ, въ свои посѣщенія знакомыхъ семей, пользовались на правахъ почетнаго гостя женой хозяина; то же наблюдалось прежде и среди вообще знакомыхъ между собой бурятъ. Жены хотя и тяготились такимъ правомъ, но не имѣли основаній противостоять обычаю.

Зараженность многихъ ламъ, а также и большинства бурятъ сама собой постепенно вывела этотъ дикій обычай, и теперь объ немъ уже не слышно даже и въ глухихъ улусахъ.

День совершенія брака, выборъ главнаго *дружки,* который везетъ невѣсту къ дому жениха, и прочія обрядности обыкновенно устанавливаются ламой, котораго приглашаютъ на совѣтъ, какъ только вырѣшится свадьба.

Хотя у бурятъ и существуетъ масса различныхъ астрологическихъ и иныхъ указаній почти на каждый случай жизни, но все это изучается и поддерживается одними ламами, простому же населенію совершенно неизвѣстно. Зная

же суевѣріе бурятъ и страхъ его не исполнить какой-либо обрядности своей религіи, неудивительно, что избѣжать приглашенія ламы бурятъ не можетъ, хотя иногда такое приглашеніе и далеко не по средствамъ приглашающаго.

Приглашенные же ламы, предвкушая лишній заработокъ, умѣло оріентируются въ массѣ всевозможныхъ предсказаній своей астрологіи. Просматривая рубрики рождающихся подъ той, или другой планетой, онъ изучаетъ, не идутъ ли эти планеты для брачующихся въ сторону одна отъ другой. Но, конечно, въ большинствѣ случаевъ старается всегда дать благопріятный отвѣтъ, обходя и объясняя всѣ встрѣчающіяся препятствія, т. е. въ общемъ содѣйствуя брачущимся. Въ рѣдкихъ случахъ лама, видя, что бракъ во что бы то ни стало долженъ состояться, умышленно говоритъ что-либо неблагопріятное, но, конечно, хорошее угощеніе и подачки вскорѣ даютъ ламѣ возможность найти обходъ и избавиться отъ какихъ-либо препятствій для общаго удовольствія.

Вырѣшивши между собой о бракѣ и сообщивши ширетую, родители со стороны жениха посылаютъ сватовъ (оффиціальныхъ) къ родителямъ невѣсты, пріѣздъ которыхъ обыкновенно сопровождается обильной выпивкой и угощеніемъ, въ особенности, если условія о калымѣ примутся безъ споровъ и женихъ болѣе или менѣе состоятельный. Калымъ выплачивается какъ только стороны пришли къ соглашенію.

Бракъ у бурятъ носитъ скорѣе видъ болѣе или менѣе выгодной сдѣлки, почему и день пріемки *калыма* подчасъ болѣе шумно празднуется, чѣмъ самый день свадьбы.

Калымъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соразмѣряется съ достаткомъ жениха и положеніемъ невѣсты. Даютъ въ калымъ лошадей, рогатаго скота, барановъ, козъ, а также и деньги, или же женихъ принимаетъ на себя половину расходовъ по приготовленію приданаго.

При вырѣшеніи калыма и рядѣ на количество головъ скота, обыкновенно придерживаются слѣдующаго разсчета: корову и кобылицу считаютъ каждую за двѣ головы, барануху и ямануху за три головы каждую; самцовъ же всегда считаютъ голова за голову.

Размѣръ калыма бываетъ отъ 20 до 100 и болѣе головъ скота, не считая денегъ.

Конечно бываетъ и такъ, что женихъ даетъ пять—шесть головъ скота и денегъ рублей 20 или менѣе. Среди же малодостаточныхъ и бѣдноты и того менѣе, или даже поступаютъ такъ, что въ калымѣ стороны только уславливаются, а получаютъ его впослѣдствіи частями, а иногда и вовсе не получаютъ. Бываетъ это послѣднее и не только среди бѣдноты, но и у нѣкоторыхъ пригородныхъ бурятъ, искусившихся въ обманахъ и хитростяхъ.

Безъ калыма же, хотя и условно, считается у бурятъ позорнымъ заключать бракъ.

Со стороны невѣсты, если она изъ состоятельной семьи, выдается новая войлочная юрта, иногда съ внутренней обстановкой, разная домашняя утварь и женская одежда. Какъ исключеніе, въ богатыхъ семьяхъ дается и часть денегъ, но обыкновенно уже спустя нѣкоторое время послѣ заключенія брака. Это дѣлается отчасти и не безъ основанія, такъ какъ нерѣдки случаи, что бурятъ вскорѣ же послѣ свадьбы непонравившуюся жену отправляетъ обратно къ родителямъ, причемъ возвращается калымъ, отданныя же мужу деньги возвращенію не подлежатъ, какъ подарокъ.

За послѣднее время наблюдаются браки чаще безъ всякаго калыма; сами буряты говорятъ, что это совершенно излишняя трата, такъ какъ, женившись, ему приходится болѣе расходоваться, а потому и нѣтъ смысла раздавать свое хозяйство.

За нѣсколько дней до свадьбы женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, ѣздятъ съ своими родственниками по знакомымъ приглашать на свадьбу. Конечно, эти поѣздки сопровождаются угощеніями и пьянствомъ. Весь промежутокъ времени отъ просватыванія до дня свадьбы невѣста не показывается жениху и старается не встрѣчаться съ нимъ.

Разъѣзжая по улусамъ, женихъ и невѣста, помимо пьянства и разгула, не особенно сдерживаютъ и свои порывы. Какъ одинъ, такъ и другая часто не считаютъ ничѣмъ предосудительнымъ измѣнять до брака, и окружающіе также смотрятъ на это «баловство» вполнѣ равнодушно.

Это объясняется и тѣмъ, что, какъ извѣстно, физическая близость половъ до брака у бурятъ не считается предосудительной, ревность же почти неизвѣстна у нихъ. Конечно, нельзя считать это общимъ правиломъ, и встрѣчается оно все же не такъ часто.

День свадьбы обыкновенно назначается ширетуемъ, къ которому ѣздятъ спрашивать, причемъ дарятъ ходаки и деньги.

Свадьбы чаще бываютъ лѣтомъ, или поздней осенью и рѣже зимой. За день до свадьбы невѣста зажиточной семьи дѣлаетъ для своихъ подругъ «*вечерку*» или, какъ она называется, *наданъ*. То же самое бываетъ, хотя рѣже, и у жениха. На такихъ вечеркахъ время проводится въ угощеніи, пѣніи заунывныхъ пѣсенъ, играхъ, а у жениха часто въ пьянствѣ. Вечерки эти затягиваются иногда до утра.

Въ день свадьбы невѣсту везутъ къ жениху совершенно укрытой, что объясняется бурятами тѣмъ, что якобы она, не видя дороги, не могла возвратиться домой. Чаще возятъ невѣсту верхомъ, причемъ лошадь ея въ поводу ведетъ кто-либо изъ участниковъ свадьбы.

При пріѣздѣ къ юртѣ жениха, совершается нѣсколько обрядностей, такъ напримѣръ, ей расплетаютъ косички, и

по угощеніи матери жениха, невѣста получаетъ отъ послѣдней гребень и повязку, послѣ чего расчесываетъ волосы и заплетаетъ ихъ уже въ двѣ косы, какъ принято для замужнихъ. Быстро продѣлавъ туалетъ, ее вводятъ въ юрту, причемъ при входѣ срываютъ покрывало.

Войдя въ юрту, невѣста падаетъ ницъ передъ божницей, кладя поклоны бурханамъ, а послѣ и всѣмъ сидящимъ тутъ гостямъ. Сейчасъ же входитъ женихъ съ *худжи* (травяная свѣча), ставитъ ихъ бурханамъ и садится недалеко отъ невѣсты, рядомъ. Лама при этомъ приступаетъ къ совершенію брачнаго обряда, которое начинается чтеніемъ *ирӧла* (нѣкоторыхъ избранныхъ тибетскихъ молитвъ). Во время чтенія и пѣнія лама и его помощникъ льютъ масло на огонь очага, которому кланяются брачущіеся, складывая на груди руки, и во все время чтенія ламы повторяя за нимъ отдѣльные возгласы молитвъ. Чтеніе продолжается недолго,—около получаса, послѣ котораго новобрачные, выслушавъ пожеланія ламы потомства, богатства и сдѣлавъ ему поклонъ, вновь кланяются бурханамъ и гостямъ, чѣмъ и заканчивается обрядъ.

Гости встаютъ съ своихъ мѣстъ, поздравляютъ новобрачныхъ, а нѣкоторые и одариваютъ ихъ ходаками и конфектами. Послѣ этого начинается брачный пиръ номада съ его обильнымъ, хотя и не разнообразнымъ угощеніемъ.

Обычное *меню* праздника состоитъ изъ мяса баранины, отдѣльно жира, масла, ханшина, русскихъ наливокъ и водки и дешевыхъ конфектъ. Особенно любятъ буряты все жирное. Угощать начинаютъ прежде ламу, а потомъ уже остальныхъ гостей, причемъ родители невѣсты, конечно, надѣляются также лучшимъ кускомъ.

Ѣдятъ и пьютъ не спѣша, и чѣмъ дольше гости не выходятъ изъ юрты, оставаясь тамъ за ѣдой, тѣмъ богаче и

обильнѣе считается угощеніе. Начинается угощеніе съ мяса, потомъ ѣдятъ разное печенье, конфекты, обильно заливая все это водкой и виномъ. Въ промежутокъ пьютъ супъ, оставшійся отъ вареной баранины и послѣ супа принимаются за питье чая, за которымъ просиживаютъ за разговорами нерѣдко часами.

Молодежь, угостившись, выходитъ изъ юрты и часто устраиваетъ свои незатѣйливые танцы и пѣніе. Пиръ тянется нерѣдко далеко за полночь. Многіе изъ гостей, пріѣхавшихъ изъ дальнихъ улусовъ, расходятся спать въ особо поставленныя юрты. Проводивъ ихъ, уходятъ и молодые въ новую юрту, или же, въ мало-зажиточныхъ семьяхъ, въ ближайшій сарай или *лѣтникъ*.

Мать невѣсты остается у новобрачныхъ обыкновенно еще дня 3—4, послѣ чего молодые съ недѣлю разъѣзжаютъ опять по своимъ знакомымъ и родственникамъ, оставаясь у нѣкоторыхъ на день и больше.

Болѣзни, смерть, похороны.

Въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ мѣстные буряты легче переносятъ непостоянство климата и потому менѣе подвержены различнымъ заболѣваніямъ. Закаленность натуры и отсутствіе (сравнительно, конечно) излишествъ даютъ имъ возможность болѣе противостоять даже и эпидеміямъ, которыя посѣщаютъ край.

Изъ болѣзней, которыя чаще наблюдаются среди бурятъ, это катаръ желудка, болѣзни глазъ и ревматизмъ. Изъ нихъ катаръ желудка объясняютъ излишествомъ употребленія кирпичнаго чая, который варятъ обыкновенно очень крѣпкимъ и пьютъ въ теченіе дня очень много; болѣзнь глазъ вызывается постояннымъ дымомъ отъ костра въ юртѣ.

Изъ эпидемическихъ болѣзней особенно сильна бываетъ оспа и преимущественно среди малолѣтнихъ, которымъ почти

никогда не прививаютъ ее. Также много дѣтскихъ жизней уносятъ годами свирѣпствующіе здѣсь скарлатина, дифтеритъ и поносы.

Чахотка встрѣчается довольно рѣдко. Сифилисъ же съ годами замѣтно увеличивается, въ особенности въ мѣстностяхъ вблизи монгольской границы. Разсадниками сифилиса, не меньше монголъ, являются и китайцы, среди которыхъ (преимущественно жителей сѣверныхъ провинцій) сифилисъ сильно распространился.

Болѣзнь свою буряты объясняютъ довольно своеобразно. По мнѣнію ихъ, всякое непроизвольное отклоненіе въ жизни человѣка, будь то несчастье, горе, неудача или болѣзнь, все это дѣйствія *«нечистой силы»*, злыхъ духовъ—*цзоликъ-ху*, и послѣдствіе борьбы *худого* съ *добрымъ*. Почему и всякая болѣзнь, какъ непроизвольная и ниспосланная злымъ божествомъ, должна быть при леченіи лекарствами неразрывна и съ мистическимъ, умиротворяющимъ злого духа, или выражаться въ молитвахъ къ добрымъ божествамъ, являть заступничество и избавленіе отъ «рока».

Поэтому всякое леченіе у бурятъ неразрывно съ религіозными обрядами, приношеніями и пр. Каждая болѣзнь въ леченіи бурята сопровождается *отчитываніями*, заговорами, заклинаніями и, какъ добавленіе ко всему этому, являются уже разныя лекарства.

По убѣжденію нѣкоторыхъ бурятъ, излечиваютъ болѣзнь исключительно ихъ мистическія средства; лекарства же *добавляютъ* въ организмъ то, что отняла у него борьба злого духа. Конечно, мнѣніе это далеко не всѣхъ бурятъ, а болѣе суевѣрныхъ дальнихъ и глухихъ мѣстностей. Ближайшіе же буряты замѣтно совершенно иного мнѣнія, т. е. вѣрятъ при леченіи исключительно въ силу лекарствъ и вообще рѣже прибѣгаютъ къ мистическому.

Тибетская медицина признаетъ существованіе всего 404

болѣзней, происхожденіе которыхъ приписывается единственно простудѣ или *хій*.

При леченіи лекарствами, бурятскіе ламы руководствуются исключительно указаніями тибетской медицины, которую они и изучаютъ.

Многіе русскіе доктора занимались провѣркой лекарственныхъ средствъ тибетской медицины, и большинство не признавало ихъ полезности, хотя въ единичныхъ случаяхъ различныхъ наблюдателей не-докторовъ, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ такія лекарства приносили несомнѣнную пользу и выздоровленіе.

Изъ мѣстнаго русскаго населенія найдется не одинъ-десятокъ людей, которые подтвердятъ, что выздоравливали они только отъ лекарствъ тибетской медицины, такъ какъ обращались къ ламѣ уже послѣ долгаго и безуспѣшнаго леченія русскими докторами. Какъ факты, извѣстны случаи, когда привозили почти умирающихъ къ ламамъ, которые удачно справлялись съ леченіемъ.

И въ настоящее время въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ русскіе, въ особенности крестьяне, обращаются только къ ламамъ.

Большинство лекарствъ тибетской медицины сильнодѣйствующія, почему леченіе ведется съ соблюденіемъ большой діеты и осторожностью. Пріемы лекарствъ также въ значительныхъ дозахъ. Какъ извѣстно, леченіе средствами тибетской медицины широко практикуется не только въ сибирскихъ, но и въ нѣкоторыхъ россійскихъ городахъ. Все это, конечно, говоритъ за то, что подробное изученіе тибетской медицины въ отношеніи исключительно лекарственныхъ средствъ можетъ дать много интереснаго и, быть можетъ, полезнаго.

Хирургическаго леченія, конечно, у бурятъ нѣтъ, какъ и вообще въ тибетской медицинѣ оно почти совершенно отсутствуетъ.

Понятіе о внутреннихъ органахъ человѣка у бурятскихъ лекарей во многомъ расходится съ дѣйствительностью, что, конечно, вполнѣ объясняется тѣмъ, что въ тибетской медицинѣ отсутствуетъ вскрытіе и изученіе внутренностей человѣка. Ампутаціи, вскрытіе и вообще хирургическое леченіе считаются грѣхомъ. Поэтому рѣдкій бурятъ согласится на какую-либо операцію и предпочитаетъ выжидать излеченіе внутренними средствами. Изъ массы примѣровъ можно указать на одинъ, когда у одного мѣстнаго бурята скатившимся бревномъ раздробило ступню, при чемъ пальцы были совершенно раздроблены, послѣдствіемъ чего образовалось страшное нагноеніе; бурятъ мучился отъ боли нѣсколько недѣль, пока три пальца не отпали сгнившими, но тѣмъ не менѣе ламское леченіе, заключавшееся въ какихъ-то мазяхъ, все же не дало распространиться зараженію, и бурятъ впослѣдствіи остался живъ, хотя, конечно, не могъ передвигаться безъ костыля. Несмотря на страшныя мученія, онъ все же не соглашался на ампутацію ступни, говоря, что это грѣхъ.

Очень удачно мѣстные бурятскіе лекаря и нѣкоторыя частныя лица складываютъ переломы рукъ, ногъ. Менѣе удачно бываетъ леченіе переломовъ колѣнной чашки и ключицы.

Массажъ бурятъ также своеобразенъ и не всегда согласуется съ пріемами общеевропейскаго, расходясь въ представленіи кровообращенія человѣка.

Нѣкоторые ламы-лекаря одинаково лечатъ и домашній скотъ, хотя есть и спеціалисты-самоучки, такъ называемые коновалы. Лекарства даютъ тѣ же, что и людямъ, но только въ бо́льшемъ количествѣ. Почему здѣсь и называютъ всякія несоразмѣрно большія лекарственныя дозы «конскимъ» пріемомъ.

Къ ветеринарамъ, какъ и къ врачамъ, буряты отно-

сятся недовѣрчиво и, конечно, бурятъ ни того, ни другого собственно для своихъ надобностей не пригласитъ. Нѣкоторымъ врачамъ тибетской медицины разрѣшена, въ извѣстныхъ предѣлахъ, практика и въ сибирскихъ городахъ, а потому населеніе обращается къ нимъ открыто.

Изъ болѣзней, исключительно мѣстныхъ, представляетъ особый интересъ такъ называемое «эмирячество». Наблюдается она, насколько извѣстно, только въ двухъ мѣстностяхъ Сибири: Якутской и Забайкальской областяхъ. Выражается отчасти нѣкоторыми признаками кликушества, какъ-то: причитаніями, вскрикиваніями, рѣзкими движеніями, чаще же особенной боязливостью и повтореніемъ словъ или дѣйствій другого. Населеніе относится къ такимъ больнымъ въ большинствѣ вполнѣ индеферентно и больные такіе чаще представляютъ предметъ забавы и насмѣшекъ. Зная непреодолимое подчиненіе эмиряковъ всѣмъ дѣйствіямъ и словамъ, часто случается, что ихъ заставляютъ продѣлывать или говорить непристойности, драться, садиться въ воду, брать горячія головни и проч. Приходилось наблюдать, что такой больной повторялъ цѣлыя фразы и изреченія на незнакомомъ ему языкѣ, причемъ особенно интересно то, что въ слѣдующій разъ, стоило сказать ему изъ такихъ фразъ только начальныя слова, а остальное онъ дополнялъ самъ, какъ бы заученное. Чаще же встрѣчаются только такіе, которые скорѣе всего поддаются непроизвольнымъ дѣйствіямъ, подъ вліяніемъ минутнаго испуга стукомъ или окрикомъ. Моменты такіе долго не продолжаются и обыкновенно послѣ двухъ-трехъ фразъ больной приходитъ въ себя, упрекая лицо, вызвавшее приступъ «смѣшной болѣсти», какъ называютъ ее мѣстные жители. Среди русскаго населенія такихъ больныхъ меньше, чѣмъ среди бурятъ. Хотя въ то же время нужно сказать, что эмирячество среди русскихъ наблюдается не только между про-

столюдинами, но нерѣдко между горожанами-интеллигентами. Намъ извѣстны нѣкоторые эмиряки, которые сдѣлались ими сравнительно скоро отъ частыхъ шутокъ испугами своихъ ближнихъ, причемъ болѣзнь осталась навсегда. Также извѣстенъ одинъ случай въ бурятскомъ улусѣ на Чикоѣ, когда вся компанія, состоявшая изъ восьми человѣкъ мужчинъ и двухъ женщинъ, шутившая въ продолженіе вечера надъ одной эмирячкой-буряткой, пугая ее толчками и выкриками, и сама на-время какъ бы заразилась такой же болѣзнью, сдѣлавшись настолько нервною, что съ нѣкоторыми изъ нихъ пришлось отваживаться какъ съ истеричными. Въ особенности такое вліяніе рѣзко отразилось на одной старой буряткѣ, которая спустя даже нѣсколько дней вздрагивала при каждомъ рѣзкомъ стукѣ или разговорѣ, откидывая при этомъ въ сторону руки съ непристойными жестами, т. е. повторяя почти то же самое, что она видѣла у больной бурятки-эмирячки. При этомъ нужно прибавить, что буряты въ общежитіи очень рѣдко чѣмъ проявляютъ нервность.

Хотя бурятами эмирячество и объясняется произволомъ дьявола, но болѣзнь эту они не лечатъ. Случалось наблюдать, что у матери-эмирячки дѣти рождались также такими же, хотя въ раннемъ возрастѣ (до 5—6 лѣтъ) и рѣдко когда проявлялась эта болѣзнь. Бывали также случаи, что одержимые эмирячествомъ излечивались навсегда послѣ какого-либо особенно сильнаго нервнаго потрясенія, какъ напримѣръ, сильнаго горя, страха, трудной болѣзни и т. п.

Эмирячество, если и не прогрессируетъ въ краѣ, то тѣмъ не менѣе и не убавляется. Наблюдается оно и среди ламъ, въ особенности во время ихъ религіозныхъ заклинаній. Экстазъ ихъ обыкновенно объясняется бурятами-ламаитами духовнымъ общеніемъ въ ту минуту съ богами.

Вѣра бурята въ загробную жизнь заставляетъ его если не бояться перехода въ нирвану, то въ то же время нравственно считать обязаннымъ очистить свою душу отъ мірскихъ грѣховъ. Въ буддизмѣ нѣтъ чего-либо походящаго на исповѣдь, но бесѣда съ ламой при приближеніи смерти, его наставленія, напутствія и совѣты къ будущей жизни продѣлываются многими ревностными буддистами.

Будущую жизнь бурятъ представляетъ во плоти, почему и совѣтъ ламы близко стоитъ къ правиламъ какъ бы новой жизни въ невѣдомомъ мірѣ, въ невидимой для остающихся на землѣ оболочкѣ.

Приходилось слышать такія, напримѣръ, заключенія бурятъ, даже болѣе или менѣе развитыхъ: «*Какъ умрешь, то душа твоя перейдетъ на-время въ какое-либо живое существо на землѣ, а потомъ уже успокоится по заслугамъ*». Переходитъ же она якобы для очищенія и, чтобы вернувшись на землю, витая среди людей, увидѣть и свою прежнюю жизнь на землѣ. Такое перерожденіе они считаютъ какъ бы особымъ видомъ испытанія.

Общее ли это мнѣніе бурятъ, или только отдѣльныхъ болѣе суевѣрныхъ, провѣрить не пришлось.

Когда лама приглашается напутствовать умирающаго, обыкновенно близкіе изъ семьи выходятъ изъ юрты, и если сознаніе еще не оставило умирающаго, то лама ведетъ съ нимъ бесѣду, даетъ совѣты, а потомъ читаетъ молитвы, которыя умирающій повторяетъ за нимъ. Когда же лама не успѣваетъ, то кладетъ на умирающаго бумажку съ написанной на ней молитвой, или просто какую-либо изъ бурятскихъ иконъ, нарисованную на холстѣ. При похоронахъ все это кладется или въ гробъ, или прямо въ могилу.

Покойника одѣваютъ въ свѣжее платье и бѣлье и въ бѣлый, или цвѣтной саванъ, сшитый изъ дешевой матеріи;

у богатыхъ же въ шелковый. Одѣваетъ покойника лама и онъ же укладываетъ его въ юртѣ на войлокѣ въ боковомъ положеніи, лицомъ къ очагу, съ вытянутой правой ногой и согнутой въ колѣнкѣ лѣвой. Правую руку кладутъ подъ щеку, а лѣвую вытягиваютъ вдоль туловища. Подъ голову помѣщаютъ набитую соломой подушку.

Одежду, въ которой умеръ бурятъ, выносятъ на дворъ и, послѣ похоронъ, если она не ветхая, отдаютъ бѣднякамъ, или же сжигаютъ.

Покойника завѣшиваютъ въ юртѣ халатомъ, или войлокомъ, чтобы входящимъ не было видно. Иногда же покойника переносятъ въ другую, пустую, юрту, гдѣ онъ и остается до дня похоронъ.

У бѣдняковъ похороны назначаютъ на второй день, такъ какъ совершеніе ежедневныхъ молебствій *хураловъ* требуетъ значительныхъ затратъ денегъ и угощенія ламамъ. Болѣе же состоятельные держатъ покойника три и пять дней. Все время ламы читаютъ молитвы, но только днемъ до захода солнца. Вечеромъ же и ночью рѣдкій бурятъ подойдетъ къ юртѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, которыхъ они все же боятся.

Входя утромъ въ юрту съ покойникомъ, нѣкоторые ламы стараются не смотрѣть на него и занести за порогъ юрты ноги такъ, чтобы ступня стала не въ направленіи къ покойнику, а въ противоположную сторону, что дѣлается, конечно, изъ суевѣрія, отъ котораго не избавлены и ламы.

Когда покойникъ лежитъ въ юртѣ, прощаться съ нимъ родственники и бывшіе знакомые не ходятъ; приходятъ только къ семьѣ, гдѣ покойникъ, посочувствовать и выразить свое соболѣзнованіе.

По какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ мѣстные буряты очень неохотно разсказываютъ что-либо про обряды, сопряженные съ смертью и похоронами, или говорятъ умышленно

неправду, что наблюдалось много разъ. Также они не любятъ, чтобы русскіе, будь то даже хорошіе друзья, сопровождали покойника къ могилѣ и присутствовали при погребеніи.

Хоронятъ у бурятъ различно: въ гробахъ, засыпая землей, въ гробахъ, выставленныхъ на столбахъ (въ тайгѣ) и прямо безъ гроба, оставляя на поверхности земли. Хотя два послѣдніе способа погребенія и преслѣдуются, гдѣ замѣчено, но все же приходится и слышать и видѣть иногда въ далекихъ и глухихъ улусахъ такія похороны.

Назначеніе хоронить, по какому-либо изъ описанныхъ способовъ, исходитъ также отъ ламъ и ширетуя. Они же указываютъ и мѣсто, гдѣ хоронить.

Гробъ дѣлаютъ деревянный въ формѣ ящика, всегда довольно толстаго и плотнаго. Стѣнки гроба прямыя. Крышку заколачиваютъ чаще деревянными, а не желѣзными гвоздями.

Молебствіе при похоронахъ совершается непремѣнно штатнымъ ламой. Покойника окропляютъ водой и обкуриваютъ изъ кадильницы какими-то ароматическими травами при троекратномъ возгласѣ «*ом-ма-хумъ*». Послѣ этого укладываютъ въ гробъ въ томъ же боковомъ положеніи, заколачиваютъ крышку гроба, дѣлаютъ какую-то надпись и везутъ на кладбище, ставя на телѣгу гробъ головой къ лошади. На рукахъ покойниковъ никогда не носятъ, даже если кладбище и близко отъ юрты.

Прощанія родственниковъ и близкихъ передъ увозомъ на кладбище не наблюдалось, а также женщины не всегда сопровождаютъ покойника.

Совершеніе обряда погребенія сопровождается массой различныхъ суевѣрій, примѣтъ и огражденій окружающихъ отъ духа смерти.

Хоронятъ покойниковъ буряты чаще по склонамъ горъ,

въ ложбинахъ между горъ и на пригоркахъ. Могилы обращены на сѣверо-западъ, а покойникъ укладывается лицомъ къ юго-востоку.

Во время выкапыванія могилы лама также читаетъ молитвы.

Гробъ опускаютъ въ могилу вмѣстѣ съ ходаками и худжи, а также иногда закапываютъ сѣдло, узду и потникъ. Приходилось наблюдать, что въ могилу опускали пустую бутылку, деревянную, красную чайную чашку, немного табаку, трубку и другія вещи, которыя употреблялись умершимъ при жизни.

По угламъ могилы вкапываютъ длинные шесты съ привязанными къ нимъ молитвами-флагами и кругомъ свѣжую могилу утыкаютъ небольшими деревянными лопаточками съ изображеніемъ разныхъ божествъ.

Закопавши гробъ, землю обыковенно выравниваютъ и не оставляютъ могильнаго холма. Если же хоронятъ поверхъ земли на столбахъ, то гробъ ничѣмъ не прикрываютъ. Похороненныхъ же безъ гроба оставляютъ совершенно открытыми.

По словамъ бурятъ, хоронятъ на поверхности земли по приказанію ламъ, которые якобы вычитали въ книгахъ, что такому-то человѣку обязательно нужно быть похороненнымъ именно такимъ образомъ. Волки и бродячія собаки, конечно, очень скоро уничтожаютъ покойника.

Хоронятъ будто бы такъ и потому еще, что умершій велъ очень плохую жизнь. Вообще наружное погребеніе считается у бурятъ оскорбительнымъ для близкихъ и семьи, и они такія похороны обыкновенно замалчиваютъ отъ русскихъ.

Похороны бываютъ чаще послѣ заката солнца, или ночью. Днемъ хоронятъ очень рѣдко и больше дѣтей.

Родственники и близкіе во время похоронъ рѣдко плачутъ и почти никогда не наблюдалось какихъ-либо причи-

тываній или рыданій. Весь обрядъ проходитъ, почти всегда, съ какой-то особенной поспѣшностью и тихо. Хотя бурятъ и вѣритъ въ лучшее будущее за гробомъ и наружно выказываетъ сравнительно мало переживаемаго горя, но дома, въ юртѣ, послѣ похоронъ, въ нѣкоторыхъ юртахъ тѣмъ не менѣе приходилось наблюдать очень тяжелыя картины осиротѣвшей семьи.

По возвращеніи съ кладбища приступаютъ къ поминкамъ, причемъ прежде всего всѣ присутствовавшіе при похоронахъ моютъ руки и лицо, а ламы совершаютъ краткій *хуралъ*, чтобы охранить оставшихся отъ *нечисти* и скорой смерти. Поминовеніе души умершаго высоко цѣнится бурятами, почему они нерѣдко отдаютъ лучшее и послѣднее изъ своего состоянія ламамъ, чтобы тѣ совершали поминовенія въ дацанахъ.

Поминовенія въ юртахъ, на дому умершаго, смотря по полученному вознагражденію ламой, продолжаются отъ недѣли до полутора мѣсяца.

На третій день послѣ похоронъ совершается надъ могилой молебствіе, такъ называемое *тураконъ*, въ присутствіи только членовъ семьи или ближайшихъ родственниковъ.

Буряты увѣрены, что душа умершаго переселяется въ какое-либо животное въ первое время послѣ смерти, почему и существуетъ у нихъ обычай до 40 дней, а у нѣкоторыхъ до 60, не убивать кого-либо изъ домашнихъ животныхъ, чтобы тѣмъ самымъ не заставить душу умершаго скитаться на землѣ безъ мѣста до времени ея вѣчнаго жительства въ невѣдомомъ царствѣ.

Вѣра въ будущее и представленіе о немъ у бурятъ очень различны. Даже и ламы каждый объясняетъ по-своему это будущее, хотя всѣ они безусловно считаютъ его лучшимъ, чѣмъ на землѣ.

Частная жизнь бурята переполнена всевозможными суе-

вѣріями, примѣтами, повѣріями и пр. и въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ русское населеніе.

Помимо чисто расовыхъ повѣрій, перешедшихъ частію отъ сосѣдей монголъ, въ то же время они восприняли многія изъ нихъ и отъ русскихъ.

Удержанію темныхъ сторонъ жизни инородца особенно способствуютъ ламы и бурятскія женщины. А также и потому еще трудно имъ отрѣшиться отъ такихъ суевѣрій и ложныхъ взглядовъ, что всѣ они тѣсно связаны съ жизнью, а нѣкоторыя перешли даже въ обряды.

Болѣе всего суевѣрій и примѣтъ у инородца связано съ смертью человѣка. Вѣра въ переселеніе души имѣетъ пожалуй и хорошее вліяніе на нравственность бурята, а именно удерживаетъ его отъ совершенія убійствъ, которыя въ средѣ ихъ очень рѣдки. Душа убитаго, по вѣрованію бурята, витаетъ въ пространствѣ и будетъ мстить убившему, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ будущей загробной жизни убійца подвергается помимо жестокаго наказанія еще и тому, что его душа не увидитъ нирваны и обречена на вѣчное скитаніе и мученіе.

Хотя бурятъ и видитъ въ смерти переходъ къ лучшей жизни, но самой смерти страшно боится и при жизни особенно слѣдитъ за всѣмъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, могло бы вызвать преждевременную смерть. Боится онъ и покойниковъ, благодаря тому же суевѣрію. Тѣло умершаго, по вѣрованію бурятъ, совершенно не умираетъ, оно остается жить особенною жизнью, т. е. является какъ бы какой-то отдѣльной жизнью души и тѣла. Если это мнѣніе и не общее, то во всякомъ разѣ большинства бурятъ, если судить по ихъ разсказамъ и взглядамъ. Конечно, многіе боятся покойниковъ чисто физіологическимъ страхомъ, не задаваясь философіей и этихъ, понятно, среди бурятъ также не мало.

Нравственность.

Если суевѣріе бурятъ въ отношеніи убійства и оказываетъ вліяніе, то въ другихъ преступленіяхъ онъ стоитъ нисколько ни рознясь съ общимъ населеніемъ края. А въ нѣкоторыхъ, какъ въ преступленіяхъ противъ собственности, взгляды его, напротивъ, еще болѣе способствуютъ увеличенію ихъ.

Какъ бурятъ, такъ равно и монголъ, по своимъ взглядамъ, не считаетъ воровство какимъ-либо особенно большимъ преступленіемъ, только страхъ судебнаго преслѣдованія и наказанія удерживаетъ ихъ отъ него. Изъ словъ нѣкоторыхъ бурятъ, попадавшихся въ воровствѣ, было видно, что они даже не понимали, какъ, напримѣръ, считать за воровство если они *срубили нѣсколько лѣсинъ, или накосили травы на чужомъ лугу. Мы вѣдь не тихонько брали,— всѣ видѣли, гдѣ же тутъ воровство?* говорятъ они обыкновеннно въ такихъ случаяхъ.

Хитрость бурята также общеизвѣстна; прикидываясь непонимающимъ, онъ нерѣдко совершаетъ много непріятнаго окружающимъ, въ особенности въ дѣлахъ, гдѣ только самъ выигрываетъ отъ такой хитрости и обмана.

Суевѣрія, повѣрья, примѣты, поговорки.

Вмѣстѣ съ хитростью, провинившійся въ чемъ-либо бурятъ часто отъигрывается и на своихъ якобы взглядахъ на жизнь, а также и на суевѣріяхъ. Чѣмъ онъ хитрѣе, тѣмъ больше старается переплетать свои взгляды примѣтами, суевѣріями и обычаями, стараясь увѣрить, что только они одни заставили поступить его такъ, а не иначе.

Мужское населеніе, въ сущности, далеко хитрѣе женскаго; послѣднія выглядятъ скорѣе простоватыми и еще менѣе развитыми.

Какъ мы уже говорили выше, ламы и женщины болѣе крѣпко держатся всѣхъ обычаевъ и суевѣрій, и рѣдкій мо-

ментъ жизни бурята не стараются связать и объяснить чѣмъ-либо предугаданнымъ, предопредѣленнымъ.

Изъ мужского населенія болѣе другихъ суевѣрны промышленники и звѣровщики, жизнь которыхъ проходитъ подъ массой разнородныхъ впечатлѣній, встрѣчъ, неожиданностей, а нерѣдко сопряжена и съ опасностями.

Въ лѣсу, тайгѣ еще болѣе умъ бурята встрѣчается съ массой непонятнаго и необъяснимаго, по своей таинственности, обстановкѣ, и тутъ-то всего легче, конечно, онъ находитъ выходъ въ объясненіи всего своимъ врожденнымъ суевѣріемъ. Наблюдается это и среди русскаго населенія промышленниковъ и звѣровщиковъ.

Приводимъ для примѣра нѣсколько чаще встрѣчаемыхъ бурятскихъ повѣрій и примѣтъ.

«Женщина родила двойню одного пола — къ благополучію; разнаго — къ разоренію».

«Ребенокъ родился съ зубами — умретъ мать».

«Встрѣтить волка — къ несчастію; зайца — къ счастью; съ свадебнымъ поѣздомъ — къ барышу, съ покойникомъ — къ убытку».

«Уронить бурхана — къ смерти».

«Если трещатъ дрова въ кострѣ — быть ссорѣ между близкими».

«Выскочитъ уголь изъ костра — къ гостю».

«Похороны въ дождь — къ благополучію родственниковъ и покой душѣ умершаго».

«Каркаетъ ворона — къ несчастію».

«Стрекочетъ сорока — къ гостямъ».

«Лама забылъ въ юртѣ, гдѣ былъ, свои какія-либо вещи — къ бѣдѣ».

«Встрѣтить чиновника — вороти въ сторону; ламу — остановись».

«Разсыпалъ муку — къ голоду».

«Юрта скрипитъ при вѣтрѣ, или домъ трещитъ — къ разоренію».

«Собака не узнаетъ своего, лаетъ — видитъ смерть, скоро умретъ тотъ человѣкъ».

«Дуло у ружья покрылось ржавой — кончай промыселъ — ничего не убьешь».

«Ружье не бьетъ наповалъ — сглазили, нужно промыть кровяной водой».

«Лѣсъ скрипитъ — злой духъ борется съ лѣснымъ».

«Идешь на промыселъ или на охоту, бабѣ не попадайся — сходишь безъ добычи. То же самое, если кто спроситъ, куда идешь».

«Собака вертится у ногъ, не идетъ въ лѣсъ — нечистый идетъ рядомъ; нужно выстрѣлить взади себя».

«Охотникъ пуделяетъ — чортъ ружьемъ шалитъ, нужно три раза кругомъ себя ружьемъ обвести».

«Бѣлка скулитъ — въ тотъ день оставь промыселъ — худое случится; то же самое, если коза идетъ на охотника, какъ бы не замѣчая его».

«Костеръ въ лѣсу трещитъ — къ фарту, удачѣ, а плохо горитъ, тухнетъ — къ неудачѣ».

Изъ примѣтъ на предсказаніе погоды болѣе часты слѣдующія:

«Скотъ уныло бродитъ по полю, или забивается въ деревья — къ дождю и грозѣ».

«Птицы примолкли, не поютъ — къ грозѣ».

«Ласточки забились въ гнѣзда — къ граду».

«Листъ березовый скрипитъ (между пальцами) — къ вёдру. Также если цвѣтъ тополя (пухъ) носится въ воздухѣ».

«Звѣзды горятъ зимой — къ сильному морозу».

«Колосъ на окраинахъ поля отклонился въ сторону — къ урожаю, наклонился внутрь поля — къ недороду. Также

то же самое относится и къ погодѣ: колосъ внутрь поля — къ дождю, наружу — къ вёдру».

«Солнце заходитъ красное — къ вѣтру».

«Коровы машутъ хвостами — къ грозѣ».

«Табакъ трещитъ въ трубкѣ — къ ненастью».

«Собаки забиваются въ темные углы — къ дождю».

«Лама, выходя изъ юрты, запнулся — быть дождю».

«Вѣтеръ порывами — къ продолжительному ненастью».

«Выползшіе на поверхность земляные черви — къ наводненію».

«Мухи и оводы сильно кусаютъ — къ дождю».

«Преждевременный перелетъ птицъ на югъ — ранніе заморозки».

«Гуси летятъ безъ крика — къ ненастью, часто къ снѣгу».

«Туманная весна — къ урожаю».

«Опавшій листъ не шуршитъ подъ ногами — къ дождю или снѣгу».

«Млечный путь, ясно видимый — къ продолжительному вёдру».

«Птица домашняя роется въ пескѣ — къ дождю».

«Радуга спускается къ рѣкѣ — еще будетъ дождь; къ горѣ — вёдро».

«Раннимъ лѣтомъ сильная роса — къ урожаю пшеницы».

«Много паутины летаетъ въ воздухѣ — къ теплу».

«Коровы стоятъ весь день въ кустахъ — къ граду».

«Цвѣтъ черемухи какъ бы начавшій вянуть — къ холоду — не нужно спѣшить съ посѣвомъ пшеницы».

«Руки сильно потѣютъ у косцовъ во время сѣнокоса — быть грозѣ».

«Ноги ломитъ, глаза слезятся у стариковъ — къ ненастью».

Наблюдательность бурятъ въ частной жизни выразилась отчасти въ его нѣкоторыхъ типичныхъ пословицахъ и поговоркахъ. Много есть пословицъ и перешедшихъ отъ русскихъ въ передѣланномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, поговорку: «Тише ѣдешь — дальше будешь», буряты замѣнили своей: «Хотѣлъ покорòче — проѣхалъ три ночи» или «Чѣмъ журавля въ небѣ — лучше синицу въ руки» измѣнили такимъ образомъ: «Лучше сегодня съѣсть осѐрдіе — чѣмъ завтра сулить курдюкъ», «Поспѣшишь — людей насмѣшишь» — «Скоро сладишь — еще скорѣе разладится».

Есть у бурятъ и свои поговорки и пословицы, какъ напримѣръ:

«Чѣмъ шкура лохматѣе — тѣмъ чаще нòетъ что мерзнетъ», т. е. что для человѣка всегда всего недостаточно по его желаніямъ.

«Вѣришь — бурханъ родится; не вѣришь — чорта ростишь», т. е. что невѣріе губительно для людей.

«Земля все подниметъ», т. е. что на землѣ все возможно.

«Пустилъ пулю, а винтовку скрылъ», сказалъ худое слово, а самъ скрылся.

«Не жги всѣхъ дровъ, пока не передневало, т. е. не растрачивай всего, пока живъ.

«Худой товарищъ масла не жалѣетъ», дурной человѣкъ умѣетъ польстить.

«Прѝсталю (уставшей лошади) и узда въ тягость», — старому человѣку все тяжело.

«Сытъ — и баранъ невкусенъ, голоденъ — такъ и копыто сойдетъ за курдюкъ».

«Свою юрту и ребенокъ снесетъ», т. е. своя ноша не тяжела.

«Иноходецъ рысѝтъ (бѣжитъ рысью) и коровы обгонятъ», т. е. не за свое дѣло не берись.

«Жнутъ бабы хлѣбъ — зерно разлетается», т. е. заговорили, засудачили женщины — все всплыло наружу.

«По осени пшеницу садитъ», не по времени дѣломъ занялся.

«Куда Даржей, туда и Санджей», близко подходитъ къ русской поговоркѣ: «Куда ракъ съ клешней, туда и конь съ копытомъ».

«Масло сочится — пустой горшокъ будетъ» — небрежность приведетъ къ разоренію.

«Лама за юртой пѣсни поетъ», т. е. что кто-либо взялся не за свое дѣло.

«Баранўху сколько ни спускай (ни скрещивай) съ конемъ — жеребенка не принесетъ», т. е. что какъ ни трудись, съ глупымъ не дождешься добра.

Несмотря на то, что большая часть бурятъ выглядятъ флегматичными, вялыми, попадаются и между ними, какъ исключеніе, жизнерадостныя, бойкія и наблюдательныя лица, въ особенности изъ живущихъ въ городахъ, или вообще проведшихъ значительное время въ общеніи съ русскимъ населеніемъ. Среда много вліяетъ на жизнь и взгляды бурята.

Городскіе и пригородные буряты во многомъ уже успѣли утратить свое первобытное расовое отличіе. Сліяніе ихъ съ русскими годъ отъ году замѣтно прогрессируетъ въ смыслѣ болѣе культурной жизни и воззрѣній. Крупныя событія послѣднихъ лѣтъ, происшедшія въ краѣ, выдвинули и изъ бурятъ многія далеко не дюжинныя натуры въ вопросахъ рѣшенія дальнѣйшей судьбы своихъ сородичей, съ чѣмъ приходится, конечно, считаться и въ будущемъ.

И если улусный бурятъ вырождается, то городской становится съ каждымъ годомъ развитѣе и прежній молчаливый, спокойный инородецъ переходитъ въ единицу, относиться къ которой приходится уже съ большимъ вниманіемъ.

Недовольство бурятъ на ломку прежнихъ основъ ихъ

самоуправленія, какъ мы уже знаемъ, грозило чуть ли не переходомъ большинства кочевниковъ въ предѣлы Монголіи. Несмотря на наружное спокойствіе, а въ нѣкоторыхъ улусахъ и полное безучастное подчиненіе предрѣшенному, они тѣмъ не менѣе не переставали тайно всесторонне обсуждать свое положеніе. Счастливымъ концомъ неопредѣленности служилъ разрѣшенный правительствомъ съѣздъ бурятъ Забайкальской области, для обсужденія назрѣвшихъ вопросовъ по духовной и экономической ихъ жизни.

На съѣздѣ этомъ, состоявшемся въ Читѣ (въ 1905), по словамъ корреспондента газеты Байкалъ (№ 51, 1905 г.), «мѣстные буряты, руководствуясь изученными дѣйствительными нуждами своей территоріи нашли, что развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ бурятскаго населенія возможно лишь при непосредственномъ участіи въ управленіи всѣми дѣлами самого населенія, не исключая и женщинъ».

«Самоуправленіе ихъ должно основываться на всеобщемъ, равномъ избирательномъ правѣ. Необходимымъ условіемъ правильной дѣятельности самоуправленія выставлена независимость отъ администраціи. Вся система самоуправленія подраздѣляется на слѣдующія инстанціи: мелкою единицей для веденія хозяйственно-административныхъ дѣлъ назначается «*булукъ*» изъ выборныхъ отъ каждыхъ 10—30 жителей во главѣ съ отдѣльнымъ старостой (на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ). Далѣе идетъ «*инородная управа*» въ составѣ нѣсколькихъ «булуковъ», куда входятъ выборные отъ каждыхъ 100—200 человѣкъ съ избраніемъ особаго предсѣдателя. Исполнительнымъ органомъ инородной управы является «*выборный голова*». Управа распоряжается и вѣдаетъ имуществомъ и капиталами, ведетъ податныя записи и отсчитывается передъ администраціей, сходомъ и думой. Для разсмотрѣнія болѣе общихъ дѣлъ и для объединенія дѣйствій управы

предположено созданіе «*думы*», составляемой изъ выборныхъ отъ каждыхъ 200—500 жителей. Руководителями думскихъ собраній и дѣйствій избираются особый предсѣдатель и два члена. Дума, кромѣ наблюденія и направленія работъ управы, сносится съ правительствомъ черезъ областную администрацію. Для обсужденія же общихъ нуждъ бурятскаго населенія въ краѣ признаны необходимыми періодическіе съѣзды выборныхъ депутатовъ отъ каждаго вѣдомства».

«По организаціи суда, съѣздъ пришелъ къ заключенію, учредить «*почетный третейскій судъ*», избираемый булуками, и «*инородческій судъ*» состоящій изъ 4—6 судей, избранныхъ населеніемъ. Затѣмъ высшей инстанціей опредѣляется «*съѣздъ инородческихъ судей*», который состоитъ изъ 3—4 предсѣдателей инородныхъ судовъ, съ постояннымъ выборнымъ отъ населенія предсѣдателемъ съѣзда. Руководствомъ суда опредѣляется исключительно «*обычное право*», для урегулированія котораго и составленія кодекса выражено желаніе созвать особый съѣздъ».

На томъ же съѣздѣ выражено желаніе введенія обязательнаго всеобщаго обученія родной грамотѣ, а въ болѣе населенныхъ улусахъ, кромѣ того, учредить начальныя школы съ преподаваніемъ русскаго языка.

Въ типахъ болѣе высокихъ школъ въ краѣ намѣчено преподаваніе: монгольской и русской грамоты, арифметики, начатковъ исторіи, географіи, естествознанія, законовѣдѣнія и религіи. Для распространенія сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ знаній признано необходимымъ устройство низшихъ сельско-хозяйственныхъ ремесленныхъ школъ. Преподаваніе вести на монгольскомъ языкѣ. Также съѣздомъ рѣшено ходатайствовать объ уничтоженіи всѣхъ стѣсненій при поступленіи бурятъ-буддистовъ въ учительскія семинаріи, институты и др. учебныя заведенія и возбудить ходатайство о разрѣшеніи издавать на частныя

средства литературно-экономическую газету на монгольскомъ языкѣ. Руководствуясь Высочайшимъ указомъ отъ 12 декабря 1904 года, съѣздъ рѣшилъ просить именовать бурятъ «*буддистами*» а не «*ламаитами*», ходатайствовать о допущеніи пересмотра законоположеній относительно буддистовъ, свободномъ проживаніи при дацанахъ всѣмъ лицамъ, принимающимъ разные обѣты, или изучающимъ религіозные догматы, монгольскую и тибетскую письменность и медицину, объ освобожденіи буддійскаго духовенства отъ податей и повинностей, свободныхъ разъѣздахъ Хамбо-ламы и ширитуевъ въ предѣлахъ области, безъ особаго разрѣшенія каждый разъ администраціей и пр.

Разсматривая вопросъ о землепользованіи, съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать о возстановленіи правъ собственности на владѣемыя фактически земли, а также обратилъ вниманіе на существовавшій Высочайшій указъ отъ 29 іюня 1806 г. и указъ Сената отъ 7 декабря 1887 года, которые подтверждаютъ права собственности на землю Хори-бурятъ и которые были ограничены при землеустройствѣ въ 1900 г.

Осуществятся ли и насколько, труды и рѣшенія съѣзда, конечно, покажетъ недалекое будущее. Что же касается самихъ бурятъ и лицъ, близко знакомыхъ съ ихъ настоящимъ положеніемъ, то можно сказать лишь одно, что съѣздъ явился выразителемъ *дѣйствительно назрѣвшихъ и неотложныхъ нуждъ населенія,* хотя, быть можетъ, мнѣнія его во многомъ и расходятся со взглядами и мнѣніями какъ мѣстной миссіи, равно и ближайшей къ населенію администраціи.

НАСЕЛЕНІЕ
ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ МОНГОЛІИ.

VII.

Монголы. Ихъ жизнь; отношенія. Управленіе.

По всей пограничной полосѣ юго-западнаго Забайкалья разбросаны казачьи караулы, *уртоны* и станціи проживающихъ и кочующихъ монголъ Шабинскаго вѣдомства. Находясь въ зависимости отъ ургинскаго Гыгена и въ подчиненіи китайскому правительству, ближайшее и непосредственное управленіе ими находится въ рукахъ родовыхъ князей, такъ называемыхъ *амба́ней* (губернаторовъ).

Послѣдніе пользуются большой властью въ управленіи и, конечно, нерѣдко вызываютъ у монголъ неудовольствіе своими часто разорительными и нелегальными поборами и налогами.

Наружно безропотно подчиняясь произволу князей, они тѣмъ не менѣе поставлены необходимостью скрывать свое благосостояніе ради уменьшенія поборовъ и на сторонѣ открыто уличаютъ все чиновничество въ недобросовѣстности. Послѣдніе года, съ упадкомъ благосостоянія монголъ, протестъ противъ дѣйствій и притѣсненій китайскаго правительства очень обострился.

Система налога такова, что никто изъ нихъ не гарантированъ отъ произвола и даже разоренія. Въ виду же того, что помощниками амбаней является много мелкаго чиновничества, собирающаго справки о состояніи монголъ,

то послѣдніе находятъ для себя болѣе выгоднымъ откупаться, почему взяточничество въ Монголіи сильно развито.

Періодическіе наѣзды *амба́ней* въ *уртѝны* и *хошѝуны* сопровождаются обыкновенно проклятіями монголъ.

Задолго до такихъ наѣздовъ разъѣзжаютъ по улусамъ разные мелкіе чиновники, собирая свѣдѣнія о благосостояніи населенія, дѣлая распоряженія къ пріему и заготовкѣ необходимаго количества барановъ для продовольствія амбаня и свиты и лошадей для его передвиженія. Поѣздки такія совершаются амбанями обыкновенно весной и осенью. Монгольскій амбань посѣщаетъ подвѣдомственныхъ ему монголъ ежегодно, а ургинскій (манджуръ) разъ въ 3—4 года.

Монгольскіе князья подчиняются пекинскому правительству, а также находятся въ зависимости и отъ манджурскаго амбаня. Отношенія ихъ между собой, конечно, переполнены массой интригъ и недоразумѣній.

Монголы пограничной полосы, сжившись съ русскими, очень къ нимъ расположены, къ тому же и чиновничество монгольское также дружитъ, почему за все время взаимныя отношенія ничѣмъ не нарушались, а, напротивъ, настолько упрочились и сблизились, что послѣднее время даже послужили китайскому правительству нѣкоторымъ опасеніемъ для будущаго Монголіи.

Въ виду этого оно прибѣгало даже нѣсколько разъ къ нѣкоторымъ мѣрамъ, чтобы обострить отношенія, въ чемъ способствовали нелюбимые монголами и русскими надменные китайскіе (манджурскіе) амбани и чиновники, желавшіе произвести какое-либо давленіе на населеніе. Въ особенности это сказалось въ годъ боксерскаго возстанія. Пекинское правительство въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ чиновниковъ-реформаторовъ занялось выработкой проекта, въ которомъ думало обратить полузавоеванную Монголію въ свою провинцію и уничтожить подвассальныя Китаю княжества,

что, конечно, повлекло бы измѣненіе дружескихъ отношеній къ сосѣдямъ русскимъ и вызвало бы нежелательный переворотъ.

Для Россіи въ данномъ случаѣ одинаково было бы нежелательно какъ подчиненіе Монголіи въ болѣе тяжелой формѣ пекинскому правительству, такъ и возникновеніе какихъ-либо между ними безпорядковъ.

Неудавшійся въ то время проектъ китайскаго правительства все же не оставленъ ими совершенно, и быть можетъ недалеко то время, когда онъ и осуществится, къ сожалѣнію.

Положеніе нашихъ бурятъ вызываетъ въ монголахъ зависть и даетъ еще больше причинъ свободомыслящимъ изъ нихъ высказывать, что они не отдадутъ дешево своего настоящаго положенія и не такъ легко подчинятся въ принятіи новыхъ тяжелыхъ и невыгодныхъ для нихъ реформъ пекинскаго правительства.

Къ тому же образъ жизни, нравы, взгляды и обычаи монголъ рѣзко расходятся съ китайскими и трудно предположить, чтобы монголы безъ протеста подчинились китайскому режиму.

Насиліе же китайцевъ неминуемо должно вызвать наружу давно скрываемое неудовольствіе и вражду и едва ли закончится мирно.

Всѣхъ пограничныхъ карауловъ по означенной полосѣ Забайкалья насчитывается до 47, заселенныхъ монголами Цеценханскаго, Тушетуханскаго и Соинъ-Нойонскаго аймаковъ. Штатныхъ казаковъ въ каждомъ отдѣльномъ карауле считается по 20 человѣкъ, получающихъ жалованье отъ китайскаго правительства по 6 г. сер. (приблизительно 70—75 коп.).

Какъ интересную особенность въ выплатѣ жалованья можно привести слѣдующее. Развозчики казеннаго жало-

ванья получаютъ нелегальныхъ поборовъ съ каждаго караула приблизительно по 2 лана серебра, т. е. въ общемъ съ двадцати карауловъ 40 ланъ, а сами выплачиваютъ тѣмъ же карауламъ всего 12 ланъ! *

Неудивительно поэтому, что такіе наѣзды только озлобляютъ монголъ и все болѣе обостряютъ отношенія. По разсказамъ, въ прежнее время монголы не такъ тяготились поборами, имѣя сами болѣе доходовъ. Теперь же каждая лишняя копѣйка, отобранная китайскими чиновниками, ложится тяжело на ихъ бюджетъ.

Историческое прошлое и настоящее въ связи съ политикой Китая.

Какъ извѣстно, Монголія была завоевана Китаемъ въ концѣ 1650 года, когда управлялась Тушету-ханомъ. Отдаленность края заставила Китай на долгое время оставить завоеванную страну вассальной.

Льготы, дарованныя Тушету-хану, китайскимъ правительствомъ, состояли въ особыхъ преимуществахъ передъ всѣми другими монгольскими князьями и главное въ присвоеніи ему первенствующей духовной власти. Съ того же времени онъ получилъ титулъ *ундуръ-гыгена*, т. е. въ переводѣ «высокая свѣтлость», первенствующій лама всей Монголіи.

Перерожденіе *гыгена* въ данномъ случаѣ было обусловлено ограниченіемъ, а именно въ теченіе 250 лѣтъ онъ, по предсказаніямъ, долженъ былъ переродиться 7 разъ въ Тибетѣ, т. е. тѣмъ самымъ все же старались возможно обезличить Монголію и подчинить ее Тибету.

Остальнымъ монгольскимъ князьямъ также были даны нѣкоторыя льготы, хотя и меньшія.

Всѣмъ же князьямъ, кромѣ того, были произведены большіе земельные надѣлы и назначено жалованье отъ 500 до 2000 ланъ серебра.

---

* Ланъ стоитъ прибл.—1 р. 50 к.

Политика Китая въ отношеніи Монголіи велась все время настолько умѣло и хитро, что монголы почти не замѣчали, какъ Китай сторицей вознаграждалъ себя разными налогами и поборами за дарованныя льготы и преимущества и какъ въ то же время Монголія постепенно обезличивалась.

Къ послѣднимъ реформамъ Китая въ Монголіи относится та, что съ 1900 года онъ уже не выплачиваетъ князьямъ жалованья, а, наоборотъ, съ нихъ же, во всѣхъ своихъ трудныхъ денежныхъ положеніяхъ, получаетъ извѣстныя суммы, что было обставлено такой формой, что князья не могли не исполнить и не подчиниться.

Не желая же разорять себя, князья весь этотъ налогъ наложили на подвѣдомственныхъ имъ монголъ, что, конечно, вызвало еще болѣе неудовольствій и уже явныхъ сопротивленій.

Во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ китайскаго правительства видно одно желаніе возможно скорѣе *окитаить* Монголію, т. е. сдѣлать то же самое съ сѣверной Монголіей, что имъ досталось безъ особыхъ затрудненій сдѣлать въ южной ея части, гдѣ большинство монголъ, живя осѣдло среди китайцевъ, почти совершенно утратили свое расовое отличіе, сжившись же съ интересами Китая, тѣмъ самымъ дали новый оплотъ интересамъ китайской политики въ означенномъ пунктѣ.

Почва для обкитаиванія мѣстныхъ монголъ подготовляется усиленно и съ особеннымъ рвеніемъ. Если же осуществится предположеніе китайскаго правительства разселить въ Монголіи свой гарнизонъ, то вопросъ будетъ рѣшенъ болѣе чѣмъ на половину.

Китайскую политику въ Монголіи въ настоящее время можно безъ преувеличенія назвать грабежомъ и разореніемъ.

Конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что чѣмъ болѣе будетъ обезсилено населеніе, тѣмъ Китай скорѣе достигнетъ своихъ цѣлей и подчинитъ наполовину свободныхъ монголъ своему произволу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и создастъ на сѣверной границѣ хранителей его интересовъ, хотя и подневольныхъ.

Доносы нѣкоторыхъ изъ манджурскихъ амбаней на пограничныхъ монголъ въ томъ, что послѣдніе черезчуръ дружатъ съ сосѣдями русскими и съ годами сближеніе увеличивается, почему и является подозрѣніе, чтобы они не перешли добровольно въ русское подданство, заставило Китай спѣшить съ введеніемъ и опубликованіемъ своихъ реформъ и вмѣстѣ съ тѣмъ особыми предписаніями стараться мѣшать такому сближенію и нѣкоторыми притѣсненіями портить отношеніе русскихъ къ монголамъ.

Особенно сказалось такое давленіе Китая въ годъ боксерскаго возстанія, когда ургинскій амбань временно запретилъ доставку въ Забайкалье и продажу русскимъ дровъ и сѣна, поставивъ край въ тяжелое положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію тѣхъ же китайскихъ властей, ближайшихъ къ русской границѣ монголъ-казаковъ было назначено временно отселить вглубь страны, а на ихъ мѣсто переселить новыхъ, незнающихъ русское населеніе.

Дѣлалось это, какъ выяснилось впослѣдствіи, потому еще, что китайское правительство не надѣялось, чтобы жившіе ранѣе на границѣ монголы, являлись помощниками въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій на означенной пограничной полосѣ.

Такихъ переселеній, конечно, возможно ожидать и въ будущемъ и быть можетъ считаться съ ними вовсе нежелательнымъ образомъ. По слухамъ, къ переселенію назначались тѣ монголы, которые сжились съ Китаемъ, окитаились и относятся вообще враждебно къ европейцамъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что современемъ сѣверная граница Китая при особой политикѣ пекинскаго двора будетъ поставлена совершенно въ иное положеніе, такъ какъ послѣднія событія и движенія въ Монголіи довольно опредѣленно и ясно выказали свое желаніе. Китай уже не можетъ спокойно относиться къ далекой своей окраинѣ и предоставлять теченіе событій произволу. Можно почти утвердительно сказать, что прежнее прошлое и хорошее сѣверной Монголіи отошло уже и теперь въ область однихъ воспоминаній. Намѣстничество Китая въ Монголіи въ принципѣ дѣло рѣшенное, а потому и судьба Монголіи также почти рѣшена безповоротно, о чемъ сосѣдямъ, конечно, можно только пожалѣть.

Дружба и хорошія отношенія Забайкалья съ монголами пограничной полосы составляли не только громадное стратегическое значеніе, но и экономическое. Не нужно забывать, что все Забайкалье въ южной и западной своихъ частяхъ исключительно только отъ однихъ монголъ получаютъ скотъ, нѣкоторые же отдѣльные пункты, какъ напримѣръ Кяхта и Троицкосавскъ, а также и пограничные караулы изъ той же Монголіи пользуются также исключительно дровами и сѣномъ, въ которыхъ въ русскихъ владѣніяхъ существенный недостатокъ. Всѣмъ этимъ русскіе пользовались, не платя пошлинъ, или какихъ-либо налоговъ, сравнительно же невысокія цѣны способствовали конкуренціи, что для большинства населенія далеко не пустыя слова.

Закрытіе же такихъ поставокъ, или обложеніе пошлиной и налогами очень сильно должно отразиться на благосостояніи русскаго сосѣдняго населенія.

Помимо того, намѣстничество Китая въ Ургѣ и новыя реформы, которыя онъ думаетъ ввести, отразятся и на взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и монголъ. Для русскихъ дружба монголъ была слишкомъ ясна и желательна.

Болѣе ознакомленные съ происками Китая монголы и сами не скрываютъ своихъ предположеній о худшемъ будущемъ для Забайкалья. Очень подвинулъ вопросъ о реформахъ и внезапный пріѣздъ въ Ургу бѣжавшаго изъ Лхассы Далай-ламы *, котораго китайцы, зная монголъ, боятся, почему и удвоили свою хитрую политику, какъ и вообще, зная вліяніе гыгена на монголъ и прежде особенно милостиво снисходили къ разнымъ дѣламъ ургинскаго живого бога Хутухты.

Способы китайской политики съ монгольскимъ населеніемъ заключаются главнымъ образомъ въ различныхъ давленіяхъ и преимущественно въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ, конечно, они стараются отнять главную возможность борьбы и упорства. Начало особенно большихъ денежныхъ поборовъ было замѣтно со времени войны Китая съ Японіей, которые объяснялись населенію необходимостью возмѣщенія военныхъ расходовъ. Брали, конечно, не добровольно, а по обычаю назначая извѣстную сумму серебра съ каждаго *аймака*, что, конечно, допускало произволъ чиновниковъ, а также и взяточничество.

Впослѣдствіи новые поборы объяснились необходимостью средствъ правительству для подавленія боксерскаго возстанія; тамъ пошли новыя объясненія сбора денегъ въ помощь разореннымъ неурожаемъ и русско-японской войной. Платя и безъ того громадные налоги, населеніе не могло не обезсилѣть и разориться, что наблюдается сейчасъ почти во всѣхъ монгольскихъ улусахъ. Богатѣли только князья и сборщики, а также и тѣ, кто имѣлъ возможность откупиться или скрыть свое состояніе.

---

* Далай-лама, по ученію ламаитовъ, считается высшимъ духовнымъ лицомъ—воплощеніе божества. За нимъ по старшинству слѣдуетъ такъ называемый *баньчинь-богдо,* живущій постоянно въ Тибетѣ. Ургинскій же *Богдогыгенъ* (Хутухта) третій по старшинству.

Монголъ-лама съ р. Орхона 52 лѣтъ.

Тибетецъ-лама 25 лѣтъ.

Монголка (шабаганца) 51 года.

Монголъ съ р. Иро 34 лѣтъ.

Денежное обращеніе.

Такъ какъ въ Монголіи нѣтъ опредѣленной монетной единицы, то всѣ разсчеты ведутся обыкновенно на вѣсовое серебро, китайскіе *ланы*, а также особый сортъ кирпичнаго чая, такъ называемый *цзузанъ*. Въ мелкихъ разсчетахъ иногда еще разсчитываются китайской мѣдной малоцѣнной монетой *чёхи*. 300 такихъ *чёхъ* равны по стоимости одному кирпичу чая, а стоимость этого послѣдняго приблизительно, смотря по курсу, равняется 18—30 копѣйкамъ на русскія деньги.

Кирпичный чай, идущій какъ монета, такъ называемый *шарацай*, въ крупныхъ партіяхъ держится торговцами китайцами и часто подвергается измѣненію въ курсѣ, смотря по курсу серебра. Каждый кирпичъ подраздѣляется на 30 частей или *шара*. Вѣсовое серебро и *ланы*, конечно, больше идутъ въ крупныхъ разсчетахъ. Въ Кяхтѣ въ прежнее время монголы и китайцы въ особенности много покупали у русскихъ купцовъ такъ называемаго *гамбурскаго* плиточнаго серебра. Въ позднѣйшее время требованіе это значительно сократилось.

Китайскіе ланы также колеблятся по курсу. Средняя стоимость его около 1 р. 40 к.

Въ мелкихъ расчетахъ монголовъ между собой употребляются еще шелковые и бумажные *ходаки*.

Въ прежнее время въ Ургѣ существовали особыя китайскія фирмы, которыя, по соглашенію, разсчитывались и уплачивали налоги за цѣлыя общества монголъ и отдѣльныхъ лицъ, съ которыми вели свои торговыя дѣла или доставки.

Уплоченные подати и налоги они собирали съ послѣднихъ или товарами, или заработной платой. Такъ, напримѣръ, за уплоченные налоги доставщики возили безвозмездно товары изъ Калгана, доставляли барановъ, дрова, сѣно и пр. Конечно, такія операціи для китайцевъ были очень выгодны, такъ какъ нерѣдко монголъ выплачивалъ

на товарѣ или работѣ въ пять и десять разъ болѣе, чѣмъ за него заплочено казенныхъ податей.

А такъ какъ неуплата въ срокъ податей монголомъ влекла обыкновенно за собой принудительное отобраніе нерѣдко послѣдней скотины, или юрты, то и неудивительно, что для него содѣйствіе «благодѣтеля»-китайца являлось всегда необходимымъ. При существованіи же такихъ операцій, конечно, большинство монголъ находилось въ вѣчной кабалѣ у китайскихъ торговцевъ. Особенно много такихъ было изъ доставщиковъ чая.

Всѣ налоги и поборы, собираемые съ монголъ, поступаютъ *шандзабъ-нойону, дзасакамъ, хамачинамъ* и *нярба* (казначеямъ), которыми и расходуются обыкновенно безъ особаго контроля. Раскладка дѣлается заблаговременно и не всегда одинаковая. Размѣръ налоговъ зависитъ отчасти отъ пекинскаго двора, а иногда и отъ того же *шандзабъ-нойона* самостоятельно.

Часть собраныхъ средствъ расходуется и на содержаніе ургинскаго *хутухты* съ его многочисленнымъ штатомъ. При общемъ количествѣ до 1000 человѣкъ служащихъ при хутухтѣ оффиціально, получаютъ жалованье не болѣе 100 человѣкъ; остальные же живутъ случайными доходами. Конечно громадныя средства *хутухты* составились не изъ этихъ оффиціальныхъ сборовъ съ монголъ, а приношеніями отъ десятковъ тысячъ паломниковъ монголъ, бурятъ и калмыковъ. Насколько щедры жертвы такихъ паломниковъ, видно изъ того, что каждый даже мало-состоятельный рѣдко увозитъ менѣе 20 руб., богатые же жертвуютъ сотни и тысячи. Съ пріѣздомъ же въ Ургу Далай-ламы приношенія еще увеличились и, конечно, вызвали тѣмъ зависть и недовольство *хутухты*. Послѣдній къ пріѣзду Далай-ламы отнесся очень недружелюбно и съ подозрѣніемъ. Огорченный его пріѣздомъ, онъ, задолго до этого важнаго событія,

сталъ выказывать особенную нервность какъ въ обращеніи съ своими подчиненными, такъ и въ частной жизни, во многомъ измѣнился, а именно пересталъ выходить къ паломникамъ, сталъ пить и даже высказалъ свое предположеніе, что если Далай-лама останется въ Ургѣ, то онъ переѣдетъ въ другой монгольскій монастырь (новый). На-время обаяніе его среди монголъ и бурятъ какъ бы исчезло. Зная, насколько Далай-лама является священной особой для буддистовъ, неудивительно, что все буддійское населеніе Забайкалья двинулось на поклоненіе въ Ургу и понесло обильныя приношенія. Посѣтило Далай-ламу и все высшее духовенство буддистовъ, начиная съ гусино-озерскаго *Хамболамы*. Особенно много толковъ вызвало предположеніе о переселеніи Далай-ламы на постоянное жительство въ Гусино-озерскій дацанъ, что, конечно, едва ли осуществимо, хотя буряты, польщенные особымъ внимательнымъ отношеніемъ высокаго гостя, высказываютъ надежду о такомъ перемѣщеніи, тѣмъ болѣе, что *хутухта* своей распутной и расточительной жизнью давно уже подрываетъ у бурятъ вѣру въ святость и безгрѣшность его сана. Къ тому же расточительность *хутухты* и приближенныхъ ламъ требуетъ слишкомъ большихъ жертвъ съ бурятъ и монголъ, а иногда доходитъ и до вымогательства.

Китайское правительство также сильно встревожилось пріѣздомъ въ Ургу Далай-ламы и принимаетъ всевозможные способы узнать дальнѣйшія его желанія, которыя далеко не безразличны для Пекина, тѣмъ болѣе въ такое время, когда своей хитрой политикой оно уже наполовину достигло въ Монголіи подавленности и безвыходнаго положенія, обезсиливъ ее и въ матеріальномъ отношеніи.

Помощниками пекинскаго правительства являлись въ этомъ отношеніи и китайскіе торговые люди съ своими различными льготами и выручками.

При всей недовѣрчивости монголъ, все же они, въ особенности въ торговыхъ отношеніяхъ, довѣряютъ болѣе китайцамъ, чѣмъ русскимъ, что отражается, конечно, замѣтно и на русской торговлѣ.

Ближе зная монгола и его потребности, китайскіе торговцы не гонятся за большимъ барышомъ, какъ большинство русскихъ, почему и самая торговля ведется далеко шире, въ особенности предметами первой необходимости.

Хутухта (гыгенъ) и монгольскіе ламы.

Хотя политика Китая и стремится всѣми силами ослабить давленіе ламаизма на проявленія жизни монгольскаго населенія, но подчиненіе монголъ-шабинцевъ *гыгену*, конечно, не можетъ не имѣть своего вліянія, несмотря даже и на то, что правительство Китая старается умалить значеніе гыгена въ глазахъ монголъ.

Помимо притѣсненій монголъ Китаемъ, онъ въ послѣднее время дѣлалъ различныя репрессіи и въ отношенія гыгена лично, въ особенности послѣ того, когда тотъ не пріѣхалъ на вызовъ въ Пекинъ. Тѣмъ не менѣе, боясь открыто вооружить противъ себя недовольство монголъ, Китай въ дѣйствіяхъ своихъ соблюдаетъ большую осторожность.

Нельзя, конечно, отрицать и того, что и самъ *гыгенъ* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не желая также обостреній, соглашается на возможныя перемѣны. Такъ, напримѣръ, по согласію съ пекинскимъ правительствомъ, ургинскій *гыгенъ*, рядомъ своихъ распоряженій, измѣнилъ много существеннаго въ жизни и положеніи подвѣдомственныхъ ему ламъ.

Принимать въ ламы стали съ разборомъ, запретили обзаведеніе семьями, нарушеніе монашескихъ обѣтовъ, явилось преслѣдованіе за проступки, растриженіе ихъ въ такъ называемыхъ *хара* (простолюдинъ), которые могутъ быть зачислены въ казаки, и пр.

Вообще начали ставить преграды въ зачисленіе въ ламы, такъ какъ, по прежнимъ положеніямъ, лама избавлялся отъ призыва въ военную службу.

Переродившійся *восьмой* по счету *гыгенъ* дозволенъ былъ къ привозу изъ Тибета въ 1872 году, какъ исключеніе. Возмужавши и вкусивши всю заманчивость *живого бога,* гыгенъ этотъ старался въ дальнѣйшемъ особенно крѣпко держаться своего положенія и быть осмотрительнымъ къ предписаніямъ пекинскаго двора.

Онъ первый изъ гыгеновъ, по достиженіи возмужалости, выказалъ недовѣріе къ пекинскому правительству и открыто заявилъ о своемъ нежеланіи пріѣхать въ Пекинъ, куда его вызывали.

Народная молва такова, что прежніе гыгены, по возмужалости, приблизительно достигшіе 14—15 лѣтъ, обыкновенно вызывались въ Пекинъ, гдѣ и кончали свои дни (были отравляемы). Дѣлалось это якобы съ цѣлью, чтобы *живой богъ,* по достиженіи зрѣлаго возраста, не склонилъ монголъ къ отпаденію отъ Китая, а также и изъ чисто религіозныхъ воззрѣній, что гыгенъ не *родится,* а *перерождается* лишь нѣсколько разъ въ юношу одного возраста и какъ богъ не старится.

Почитаніе гыгена *(хутухты)* у монголъ и бурятъ очень велико. Не только видѣть его для ламаита составляетъ особое счастье, но и получить, хотя бы и заочное, благословеніе черезъ какую-либо вещь, бывшую у него въ употребленіи, или соприкосновеніи. О счастьи же, которое испытываетъ ламаитъ отъ личнаго благословенія гыгена, конечно, нечего и говорить.

Не только вещи, бывшія въ употребленіи гыгена, почитаются за святыню, но даже его экскременты и урина разбираются поломниками нарасхватъ. Первое высушивается и сохраняется въ особыхъ помѣщеніяхъ при дацанѣ.

Какъ экскременты, такъ и урина употребляются монголами и бурятами какъ лекарство. Первые для приготовленія мазей, а вторую больные пьютъ при всѣхъ внутреннихъ болѣзняхъ. Не каждому изъ паломниковъ удается достать такія *легендарныя цѣлебныя средства*, такъ какъ открыто продавать ихъ запрещено, достать же секретно очень трудно и дорого.

Неменьшимъ почитаніемъ монголъ пользуются и многіе *хубилыаны* (святые учителя, считающіеся также перерожденцами). Доступъ къ нимъ, конечно, легче, къ тому же эти перерожденцы иногда выѣзжаютъ временно изъ своихъ дацановъ, посѣщая другіе. Ведутъ они монашескую жизнь, не ѣдятъ мяса и удаляются всего свѣтскаго.

Правящій монголами ургинскій гыгенъ (8-й) жизнью своей во многомъ отличается отъ предшественниковъ. Правила монашеской жизни почти имъ не исполняются. Въ особенности же онъ отличается своей развратной жизнью и расточительностью. Хотя все это и стараются ламы скрыть отъ населенія, но не всегда имъ удается. Накопленное прежними гыгенами громадное богатство расхищается.

Несмотря на все, почитаніе монголами *живого бога* до послѣдняго времени остается прежнимъ. Памятуя предсказанія ламъ, что черезъ 250 лѣтъ при восьмомъ гыгенѣ Монголія будетъ самостоятельна, населеніе склонно было думать, что новый гыгенъ и есть ихъ будущій повелитель, но приближенные къ гыгену ламы, ближе освѣдомленные о ходѣ событій въ жизни гыгена, далеки были отъ заблужденій и розовыхъ надеждъ. Наоборотъ, предчувствуя въ настоящемъ начало *конца* своего безпечальнаго прежняго существованія, все чаще среди нихъ слышались желанія отложиться отъ Китая и просить Бѣлаго Царя принять въ свое подданство, гдѣ видѣли сохраненіе своего прежняго положенія отъ посягательства Китая.

Посольство, отправленное гыгеномъ въ Петербургъ въ 1903 г., объясняли именно такимъ предложеніемъ.

Прежніе гыгены (первые) жили безвыѣздно въ своемъ дворцѣ при дацанѣ, окруженные тысячами ламъ и показывались паломникамъ только при благословеніи ихъ. Приближенные ламы старались обставить жизнь гыгена большою таинственностью и недоступностью для народа. Затворническая жизнь гыгена и масса всевозможныхъ фантастическихъ разсказовъ приближенныхъ ламъ объ его святости и чудесахъ окружили жизнь гыгена ореоломъ таинственности.

Старѣйшимъ монгольскимъ дацаномъ былъ такъ называемый *Эрденицзу*, находившійся на берегу рѣки Орхона, гдѣ, по преданію, была столица Монголіи—городъ Карокарумъ.

Послѣдній гыгенъ живетъ въ отдѣльномъ дацанѣ вблизи Урги на рѣкѣ Толѣ и въ настоящее время городъ этотъ для монголъ является настолько же священнымъ, какъ былъ когда-то Карокарумъ.

Возмужавши, гыгенъ вышелъ изъ-подъ опеки приближенныхъ ламъ; пользуясь же громаднымъ почитаніемъ и поклоненіемъ его власти, онъ съ годами совершенно измѣнилъ свою жизнь къ большому неудовольствію ламъ. Вопреки прежнимъ правиламъ аскетической жизни гыгеновъ, завелъ себѣ сожительницу, сталъ выѣзжать изъ дацана, посѣщать сосѣднихъ русскихъ, пить вино (въ особенности шампанское, до котораго онъ большой любитель), производить въ пьяномъ видѣ разные дебоши и пр. Такая жизнь гыгена, конечно, очень взволновала ламъ и вызвала соблазнъ среди населенія.

Замѣчанія, дѣлаемыя ему ламами, вызывали нерѣдко увольненіе ихъ и растриженіе, почему многіе, во избѣжаніе позора, добровольно стали уходить въ другіе монастыри.

Неудовольствія ламъ и монголъ, конечно, не могъ не замѣчать и самъ гыгенъ, что вызвало даже однажды желаніе его уѣхать изъ Урги и перенести свою резиденцію въ болѣе отдаленную и менѣе населенную мѣстность, но этому воспротивились сами ламы, не желавшіе лишиться доходовъ.

Нѣкоторыми объясненіями измѣнившейся къ худшему жизни гыгена могутъ служить высказанныя имъ самимъ нѣкоторымъ русскимъ огорченіе и предположеніе, что, ослушавшись пекинскаго правительства, вызывавшаго его къ себѣ, онъ не можетъ быть увѣренъ въ своемъ покоѣ, такъ какъ китайское правительство можетъ смѣнить его насильно или даже отравить. Но, повидимому, такое предположеніе не было въ интересахъ Китая, такъ какъ онъ, наоборотъ, узнавши доносами о желаніи гыгена въ заступничествѣ сосѣдей, поспѣшилъ оказать ему нѣкоторыя любезности и прислать подарки въ годъ боксеровскаго возстанія, что и успокоило довѣрчиваго *живого бога*.

Также успокоительно подѣйствовало на него и исполненіе китайскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ просьбъ, какъ, напримѣръ, выселеніе лишняго пришлаго люда изъ монастыря, уменьшеніе количества ламъ, ограниченіе въ нѣкоторыхъ правахъ манджурскаго чиновничества, входившаго въ интересы дацана, и пр.

Даже болѣе того, нѣкоторыя секретныя полномочія пекинскаго правительства какъ бы сдѣлали даже въ лицѣ гыгена еще болѣе вліятельное лицо въ Монголіи. Но, дальнѣйшія событія, вѣроятно, не замедлятъ показать ту новую ловушку для Монголіи, которую устраиваетъ политика Китая; пока же права и сила гыгена наружно остаются какъ бы прежними.

Только обостреніе отношеній гыгена съ князьями порождаетъ среди простолюдиновъ нѣкоторое сомнѣніе, а также

и обѣднѣніе его когда-то баснословной казны вызываетъ опасеніе за будущее гыгена въ смыслѣ его независимости.

Приношенія паломниковъ хотя и притекаютъ попрежнему, но полумонашеская, полусвѣтская жизнь гыгена заставляютъ монголъ относиться не такъ увѣренно къ будущему.

Частое разстриженіе ламъ, трудность поступленія въ штатъ гыгена, малодоходность, сравнительно съ прежней, масса всевозможныхъ нововведеній, все это вызываетъ какъ удивленіе, такъ и неудовольствіе монгольскихъ ламъ.

Сравнительно легкій доступъ къ гыгену русскихъ, общеніе съ ними, кутежи, разъѣзды и сожительство съ женщиной породили даже у нѣкоторыхъ монголъ сомнѣніе въ подлинности гыгена и въ подмѣнѣ его китайцами.

Хотя монголы и относятся къ своимъ религіознымъ обрядностямъ довольно поверхностно, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не легко отрѣшаются отъ обычаевъ и взглядовъ старины, а потому и жизнь *бога гыгена* все же идетъ въ разрѣзъ съ представленіями ихъ о святости и безгрѣшности.

Въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ монголы тверды, а потому и рѣдко переходятъ въ другую религію. Особенно часто приходится слышать ихъ одобреніе русскимъ, что послѣдніе не навязываютъ имъ своихъ религіозныхъ убѣжденій и уважаютъ буддійскія. Миссіонерство въ Монголіи далеко не процвѣтаетъ, что вполнѣ естественно при настоящемъ положеніи вещей.

Къ обрядамъ православной церкви монголы, какъ и буряты относятся наружно съ уваженіемъ и этимъ самымъ заставляютъ русское населеніе еще болѣе дружить съ ними.

Несмотря на сравнительно небольшую свою религіозность, монголъ не любитъ, когда къ его религіи относятся съ неуваженіемъ, или ставятъ параллель съ другими.

Обычная жизнь Ургинскаго монастыря протекаетъ тихо и однообразно; оживляется она только весной и лѣтомъ во время наѣзда паломниковъ, въ особенности передъ праздникомъ *Цамъ*, когда бываютъ и различныя состязанія.

Паломниковъ стекается иногда по нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые всѣ «отабориваются» вблизи дацана, составляя многочисленный и разнообразный улусъ. Живутъ рѣдко больше двухъ-трехъ дней. Пріѣзжающіе же изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, какъ, напримѣръ, изъ Западной Сибири буряты и калмыки нерѣдко живутъ въ Ургѣ и мѣсяцами. Иногда пріѣзжаетъ и гусино-озерскій *Хамбо-лама*, какъ бы для поправленія здоровья, но въ дѣйствительности для того же поклоненія гыгену, что, конечно, вполнѣ понятно.

Зимою наплывъ паломниковъ незначительный и празднованіе *Цаганъ-саръ* (новый годъ) хотя и продолжается почти мѣсяцъ, но протекаетъ тихо.

Цѣнность угодій Монголіи.

Пограничная полоса Монголіи, такъ называемая *Халха*, по угодьямъ своимъ представляетъ лучшее мѣсто во всей сѣверо-восточной части Монголіи. Пересѣкающіе ее отроги Хамаръ-Дабана даютъ прекрасныя луговыя пастбища и лѣсные участки, которые тянутся почти на 300 верстъ по направленію къ Ургѣ.

Вблизи Кяхты пограничная полоса хотя и изобилуетъ еще лѣсомъ, но съ годами хорошіе лѣсные участки значительно удаляются. Въ болѣе же сѣверной части, приблизительно вблизи Казачьяго караула Манзинскаго, мѣста совершенно таежныя. Въ сравненіи съ русской пограничной полосой, монгольская въ отношеніи богатства угодій стоитъ далеко выше.

Несмотря на варварское обращаніе съ лѣсами, отсутствіе какого-либо наблюденія со стороны монголъ, богат-

ство страны настолько все же еще велико, что трудно и предполагать, чтобы скоро почувствовался недостатокъ въ лѣсѣ, или онъ стоилъ бы дороже. Особенно много уничтожаетъ монгольскіе лѣса мѣстный бичъ: пожары. Выгораютъ цѣлые хребты и самые пожары продолжаются иногда мѣсяцами, въ особенности вблизи границы.

Три четверти всего лѣса, который уничтожается ежегодно въ десяткахъ тысячахъ деревьевъ, идетъ на русскую границу какъ строительный матеріалъ, а болѣе того для топлива.

Кяхта и Троицкосавскъ исключительно пользуются дровами изъ Монголіи. Можно увѣренно сказать, что если почему-либо вывозъ дровъ изъ-заграницы былъ бы запрещенъ, то населеніе означенныхъ пунктовъ осталось бы безъ топлива, а если бы стало пользоваться привозимымъ съ Джиды и Чикоя, то переплачивало бы вдвое.

Прекрасныя пастбища и малоснѣжныя зимы даютъ возможность монголамъ успѣшно вести свое скотоводство. Въ степяхъ Монголіи пасутся десятки тысячъ барановъ и тысячи головъ рогатаго скота. Только въ голодные года скотъ подкармливаютъ зимой сѣномъ; обыкновенно же онъ круглый годъ ходитъ на подножномъ корму. До послѣдняго времени много скота уничтожалось сильно распространенной здѣсь чумой. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ чума въ Монголіи, а вмѣстѣ и въ Забайкальи, появилась впервые въ 1867 году и, по слухамъ, занесена была съ караванами изъ Калгана. Съ того времени она не прекращалась, временами, напротивъ, усиливаясь до невѣроятныхъ размѣровъ. Собственно въ Монголіи чума съ того времени, по словамъ мѣстныхъ статистиковъ, убавила общую прежнюю численность рогатаго скота въ Халхѣ по настоящее время на 20% и почти совершенно уничтожила разводившуюся здѣсь

Скотоводство.

ранѣе породу буйволовъ (*сарлыкъ*), съ длинною черною шерстью, которые оказались болѣе другихъ породъ воспріимчивыми къ чумѣ и труднѣе другихъ переносили ее.

По даннымъ же оффиціальной статистики въ Забайкальѣ чума свирѣпствовала годами еще болѣе опустошительно, унося иногда почти все наличное количество рогатаго скота въ краѣ. Такъ, напримѣръ, во всей Забайкальской области въ 1890 году пало отъ чумы 9,552 головы, въ 1893—3,044, въ 1894—13,348; обыкновенная же норма убыли скота отъ чумы выражалась ежегодно въ 500—1000 головъ.

Исключительнымъ годомъ былъ 1889, когда зарегистровано было статистикой падшаго скота въ Забайкальѣ всего 73,699 головъ. Кромѣ того, что чума крѣпко свила себѣ гнѣздо въ Забайкальѣ и сами жители отчасти способствовали ея распространенію, не исполняя карантинныхъ правилъ, вывозомъ обманнымъ образомъ зачумленныхъ сырыхъ скотскихъ кожъ и проч.

Лично монголы почти не принимаютъ совершенно никакихъ мѣръ къ леченію чумы и только въ послѣднее время, съ устройствомъ на Иро противочумной станціи, соглашаются на прививки.

До этого же со стороны русскихъ, въ качествѣ предупредительныхъ мѣръ противъ заноса чумы изъ Монголіи, было учреждено на границѣ нѣсколько карантиновъ, на которыхъ и выдерживался пригоняемый скотъ нѣкоторое время; но мѣра эта, ввиду многихъ неудобствъ и вообще косности взгляда населенія, не всегда была достаточной, такъ какъ обширность границы позволяла прогонять гурты скота скрытно отъ начальства, а также провозить изъ зачумленныхъ мѣстностей сѣно и сырыя кожи.

Учрежденіе противочумной станціи, конечно, принесетъ въ будущемъ несомнѣнную пользу и дастъ возможность къ

развитію скотоводства въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ оно было до настоящаго времени. Скотоводство въ Монголіи является главнымъ занятіемъ, вывозъ скота обезпеченъ и за послѣднее время даже замѣтно увеличился. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ прежнее время Монголія отпускала на русскую границу, въ среднемъ, ежегодно до 17,000 головъ рогатаго скота, 30,000 барановъ и до 2,000 лошадей.

Изъ этого количества собственно на Кяхту съ Троицкосавскомъ приходится ежегодно рогатаго скота до 6,000 головъ, 9,000 барановъ и до 300 лошадей. Изъ продуктовъ скотоводства вывозилось изъ Монголіи ежегодно до 50,000 сырыхъ скотскихъ кожъ (собственно для обшивки чая), масла скотскаго до 3,000 пудовъ и сала скотскаго до 5,000 пудовъ въ разные пункты. Съ открытіемъ вблизи Кяхты стеариноваго завода, вывозъ сала изъ Монголіи какъ съ пограничной полосы, равно и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей доходилъ до 30,000 и 40,000 пудовъ.

Баранья шерсть хотя и закупается ежегодно, но не въ особенно большомъ количествѣ. Качествомъ она стоитъ все же выше бурятской.

Монгольскій рогатый скотъ, какъ и вообще въ Забайкальѣ, малорослый. Помимо вывоза рогатаго скота, монголы употребляютъ его для передвиженія транспортовъ и работы. Вся перевозка чая и другихъ товаровъ по Монголіи исключительно ведется на быкахъ. Верблюдовъ на границѣ очень немного, и они преимущественно приходятъ съ товарами временно изъ Калгана и Урги.

Овецъ (курдючныхъ) держатъ громадные табуны. Помимо продажи русскимъ, масса ихъ истребляется какъ самими монголами для пропитанія, такъ скупается и сосѣднимъ китайскимъ населеніемъ г. Маймачена.

Овчины недороги и скупаются ихъ ежегодно большія партіи. Отбросы скотоводства, какъ-то: рога, копыты, кишки ба-

раньи, на русской границѣ скупаются въ очень небольшомъ количествѣ, все это больше идетъ черезъ иностранныхъ скупщиковъ въ Западную Европу.

Въ домашнемъ быту монголы, какъ и буряты, изъ молока гонятъ особый сортъ водки, а также дѣлаютъ и сыръ, какъ лакомство. Кромѣ того, часть молока (кислаго) идетъ на выдѣлку бараньихъ шкуръ. Изъ бараньей шерсти приготовляютъ войлока, которые хорошимъ качествомъ не отличаются. Лучшими войлоками считаются привозимые изъ дальнихъ мѣстностей.

Верблюдовъ на границѣ очень немного. Обыкновенно они пасутся здѣсь только временно, отдыхая отъ перехода изъ Калгана. Видъ ихъ очень жалкій, изнуренный, съ спавшими на бокъ горбами, съ израненными ногами. Въ особенности жалкое зрѣлище они представляютъ раннею весной, когда къ тому же по стрижкѣ они кажутся еще болѣе исхудавшими.

Неприхотливые къ корму, тѣмъ не менѣе они очень быстро поправляются и вновь съ тяжелымъ грузомъ на спинахъ уходятъ въ глубь Монголіи.

Проходя весь длинный тысячный путь изъ Калгана въ 30 сутокъ, а иногда и скорѣе, верблюдъ въ рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до Кяхты съ здоровыми, неизраненными ногами. Нѣкоторые молодые, изранивши ноги о гобійскія камни, ложатся въ пути и отказываются совершенно идти далѣе. Такихъ монголы обыкновенно оставляютъ и забираютъ уже на обратномъ пути. Болѣе же старые доходятъ до мѣста и здѣсь израненныя ноги ихъ подвергаются варварскому способу «*ремонта*», такъ какъ леченіемъ, конечно, невозможно назвать слѣдующіе пріемы монголъ. «Обезножившаго» верблюда валятъ на землю, связываютъ ему ноги и подъ каждую израненную и износившуюся подошву подшиваютъ лоскутъ сырой кожи, при чемъ пришиваютъ

его къ кожѣ ноги тонкими жильнымя нитками. Насколько мучительна такая операція можно замѣтить по тому жалобному крику и стону несчастнаго животнаго, который раздается во все время такого «ремонтированія». Черезъ нѣсколько дней раны заживаютъ, и верблюдъ снова идетъ въ путь.

Уходъ за верблюдомъ хотя и несложенъ, но тѣмъ не менѣе требуетъ большой опытности и умѣнія. Поэтому русскимъ предпринимателямъ и не удались опыты съ работой на верблюдахъ, хотя и практиковались не одинъ разъ. Особенно сильно вліяютъ на верблюда сырость и камни. Отъ первой у него дѣлается особая болѣзнь — слабость (*малугонъ* — по-монгольски), а при частомъ переходѣ по каменистой почвѣ страдаютъ ноги.

Верблюдъ, кромѣ работы, даетъ монголу очень хорошую и цѣнную шерсть. Вывозъ ея въ предѣлы Россіи значительный. Къ сожалѣнію только продавцы-монголы очень неаккуратно стригутъ и собираютъ такую шерсть, отпуская съ большимъ количествомъ земли, грязи и пр., почему и цѣна на немытую шерсть рѣдко бываетъ значительной.

Лучшіе сорта шерсти въ Забайкальѣ можно пріобрѣсти черезъ китайскія торговыя фирмы, изъ которыхъ нѣкоторыя довольно хорошо ее очищаютъ, но не всегда только цѣны на такую шерсть ставятся ими доступныя для экспорта. Работа такая производится обыкновенно ручнымъ способомъ, почему китаецъ и считаетъ очень дорого свой трудъ и утрату при чисткѣ шерсти.

Монгольская лошадь, какъ по породѣ, такъ и по виду и другимъ качествамъ ничѣмъ не отличается отъ описанной уже бурятской: такъ же малоросла и такъ же выносliва. Круглый годъ лошади ходятъ на подножномъ корму, лѣтомъ по лугамъ, а зимой по степямъ, собирая ветошь, или по островамъ.

Скорость бѣга и выносливость монгольской лошади иногда поражающая и совершенно не вяжется съ тѣмъ представленіемъ, которое даетъ ея наружный видъ.

Выносливость къ голоду позволяетъ дѣлать перебѣжки на монгольской лошади въ 100 и 150 верстъ не кормя. На такой пробѣгъ рѣдко когда употребляется болѣе 18—20 часовъ, съ отдыхомъ въ пути раза два-три по получасу.

Крѣпости и закаленности забайкальской лошади мѣстные жители приписываютъ особенный уходъ за ней, а въ особенности практикующееся здѣсь такъ называемое «*вывязываніе*», которое заключается въ томъ, что въ осеннее или зимнее время, въ ясныя морозныя ночи, вспотѣвшую лошадь привязываютъ не кормя на всю долгую ночь гдѣлибо на открытомъ мѣстѣ. Лошадь, конечно, страшно мерзнетъ вначалѣ, но, укрѣпившись менѣе потѣетъ и дѣлается выносливѣе. Монголы говорятъ, что отъ такого вывязыванія «будетъ больше духу и легче ходъ».

Кормятъ монголы лошадей обыкновенно послѣ «выстойки» черезъ два часа (приблизительно) и исключительно однимъ сѣномъ.

Объѣздку верховой лошади начинаютъ не рано, въ 4—5 лѣтнемъ возрастѣ; до этого же времени лошадь ходитъ въ табунѣ. Въ упряжкѣ монгольская лошадь ходитъ у монголъ въ рѣдкихъ исключеніяхъ, такъ какъ вся ѣзда монгола только верхомъ. Если же возятъ китайскія повозки, то двое монголъ (верховыхъ) берутъ къ себѣ на сѣдла по одной изъ оглобель, связанныхъ въ концѣ длинной палкой, и въ такомъ видѣ везутъ экипажъ очень искусно и ловко, не останавливаясь и замѣняясь въ пути новыми верховыми монголами, которые обыкновенно слѣдуютъ рядомъ же. Ѣзда ведется вскачь и, конечно, нужна особая привычка къ такому передвиженію, въ особенности если

принять еще въ расчетъ и то, что монголъ не особенно разбираетъ дорогу, по которой везетъ.

Монгольскія лошади довольно крѣпки на ноги, рѣдко спотыкаются и легко обучаются. Служатъ онѣ долго. Старыя лошади или отпускаются доживать свой вѣкъ въ табунъ, у зажиточныхъ монголъ, или же убиваются на мясо.

Несмотря на свою малорослость, лошади монгольскія очень сильныя, почему и пріобрѣтаются всегда крестьянами какъ для земледѣльческихъ работъ, а также и для извоза. Обученіе ихъ хотя и нельзя назвать особенно легкимъ, въ особенности табунныхъ, ввиду страшной пугливости, тѣмъ не менѣе все забайкалье пользуется для ѣзды почти исключительно монгольскими лошадьми. Скрещиваніе съ россійскими породистыми не дало замѣтныхъ результатовъ. Въ частности же, помѣсь монгольской или бурятской лошади съ томскими битюгами давала даже отрицательныя качества.

Промыслы и занятія.

Кромѣ скотоводства самымъ прибыльнымъ и выгоднымъ занятіемъ въ Монголіи считается извозный промыселъ, занимающій въ сѣверной ея части почти треть населенія.

Занимаются монголы также хлѣбопашествомъ, но въ очень малыхъ размѣрахъ, чему ихъ научили китайцы, имѣющіе на пограничной полосѣ большія запашки, а также встрѣчается и охотничій промыселъ, хотя и совершенно незначительный. По природѣ, монголъ скорѣе степнякъ, почему пребываніе въ лѣсу не такъ притягиваетъ его. Охотятся на *дзереновъ* (дикій козелъ), *тарбагана* (сурка) и рѣже на лисицъ, медвѣдя, изюбря.

Незначителенъ также промыселъ соли, которая привозится монголами исключительно для Забайкалья. Ремеслами монголы занимаются мало, къ тому же почти ихъ и не

знаютъ. Живущіе въ улусахъ занимаются приготовленіемъ нѣкоторыхъ мелкихъ домашнихъ вещей изъ мѣди и желѣза довольно грубаго вида. Обработкой дерева также не занимаются, исключая развѣ нѣкоторыхъ монголъ на Халхѣ.

Все необходимое для своего домашняго обихода монголъ покупаетъ отъ китайцевъ, или русскихъ.

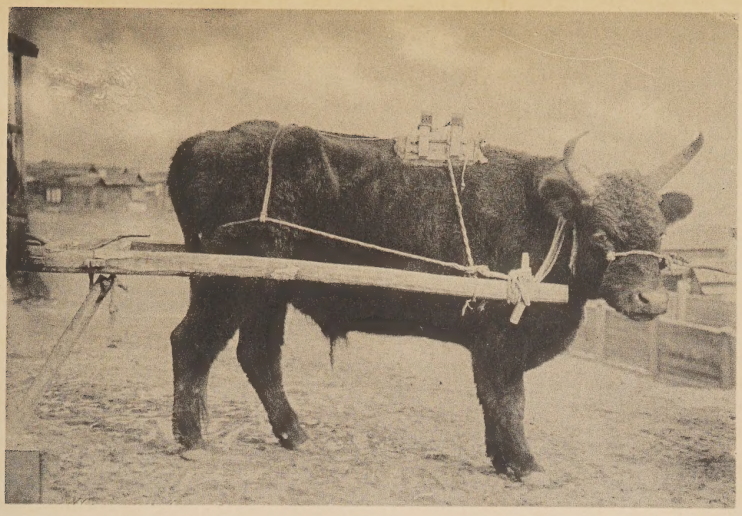
Продавая сосѣдямъ и китайцамъ одно сырье и скотъ, монголъ только ближайшихъ поселеній на границѣ получаетъ деньги и серебро, въ болѣе же отдаленныхъ мѣстностяхъ ведется исключительно мѣновая торговля. Главнымъ предметомъ такой торговли съ китайцами является кирпичный чай и матеріи. Съ русской же границы получаетъ сортовое желѣзо, инструменты, косы, топоры, гвозди, мѣдные тазы, чайники, чугунныя чаши и проч.

Домашнее хозяйство монгола невелико и скудно. Все необходимое ему для существованія даютъ домашнія животныя, въ остальномъ же онъ нуждается очень немного.

Благодаря исключительнымъ условіямъ своей жизни, монголъ еще болѣе, чѣмъ бурятъ, проводитъ свой вѣкъ въ полный восточной лѣни и малоподвижности. Въ особенности наблюдается это среди удаленныхъ отъ границы кочевниковъ.

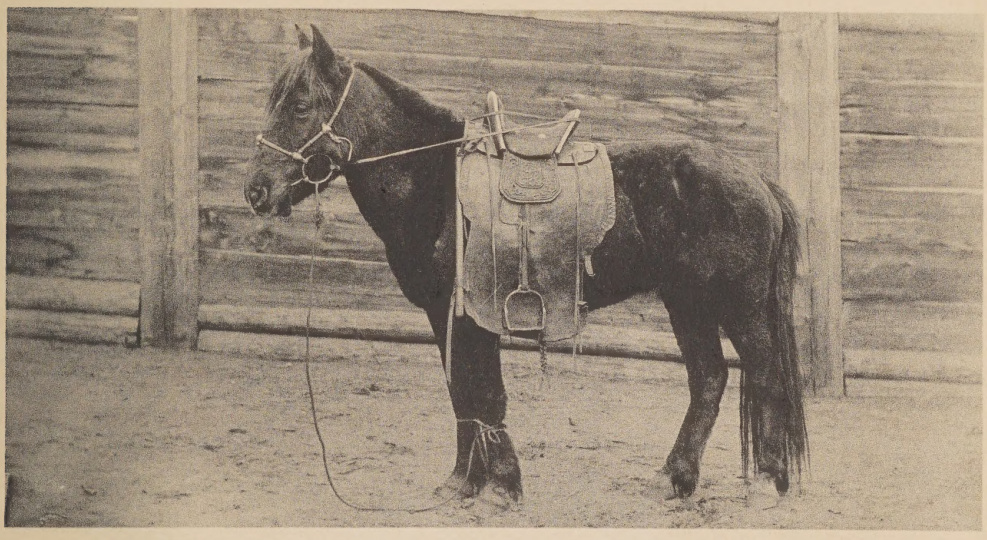
Несмотря на твердость и стойкость своей расы, живущіе ближе къ китайцамъ значительно утратили свое прежнее отличіе и наполовину окитаились. Вліяніе совмѣстной жизни съ китайцами измѣнило монгола не только съ физической стороны, но и съ моральной.

Такихъ монголъ не любятъ какъ ихъ сородичи, такъ и русскіе за испорченность и хитрость. И дѣйствительно, этого монгола можно узнать съ первыхъ же словъ и обращеній; особенно рѣзко бросается въ глаза надменность, съ какой онъ обыкновенно относится къ своимъ сородичамъ,



Монгольская упряжка и типъ мѣстной породы ѣздовыхъ быковъ.

Съ фот. г. Петрова.



Монголо-бурятская лошадь. Общій типъ Забайкальской лошади.

Съ фот. г. Петрова.

Транспортировка чая на верблюдахъ изъ Китая.

Съ фот. г. Чарушина.

и отсутствіе обычной простоты, которая у другихъ монголъ дѣйствуетъ такъ располагающе къ нимъ.

Нравственность.

Разбирая въ нравственномъ отношеніи монгола пограничнаго, приходится все же увидѣть много такого, въ чемъ онъ стоитъ далеко ниже своего брата по религіи—бурята. А именно: въ общежитіи монголъ часто хитеръ и лицемѣренъ; если злоба и не составляетъ среди ихъ постояннаго явленія, то въ то же время нельзя отрицать отсутствія въ немъ чувства жалости, мстительности и индеферентнаго отношенія къ страданіямъ животнаго, или человѣка. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ монголъ относится если и не вполнѣ хладнокровно, то все же пассивно. При всей своей трусливости передъ силой и властью, онъ при случаѣ не забудетъ нанесеннаго оскорбленія. Если *пріятелемъ* монголъ и не дастъ въ обиду, то, дѣлавшись врагомъ, явится страшнымъ по своей черствости и врожденной жестокости. Многолѣтнее сожительство и общіе интересы монгола съ русскими сосѣдями, благодаря взаимнымъ уваженію, гостепріимству, радушію, къ обоюдному удовольствію не вызывали до сего времени никакихъ осложненій, но трудно, конечно, утверждать, что дальнѣйшая политика Китая не толкнетъ бывшихъ друзей когда-либо на своихъ сосѣдей ради личныхъ своихъ интересовъ, почему и не слѣдуетъ забывать, что, въ сущности, монголъ мало измѣнился со времени хотя бы послѣднихъ нашествій хойхоцевъ, а потому и не такъ трудно вернуть его вновь къ прежнимъ варварствамъ и насиліямъ.

Не нужно забывать и того, что реформы Китая въ Монголіи направлены далеко не къ интересамъ Россіи на ея границахъ.

Религіозное родство бурятъ и монголъ, конечно, также много способствуетъ существованію настоящихъ хорошихъ отношеній и съ русскимъ населеніемъ края. Въ нравствен-

номъ отношеніи тѣ и другіе стоятъ почти одинаково; конечно здѣсь исключаются тѣ нѣкоторые изъ бурятъ, которые, обрусѣвши, выдвинулись значительно впередъ противъ своихъ сородичей въ культурномъ развитіи.

Притѣсняемые все время китайскими чиновниками и озлобленные ими, монголы слишкомъ замѣтно тяготѣли къ Россіи, но, видя невозможность въ присоединеніи къ ней, можетъ случиться, что въ будущемъ они явятся только врагомъ во всей своей дикости и жестокости.

Упадокъ матеріальнаго благосостоянія пограничныхъ монголъ является также одной изъ многихъ причинъ, заставляющихъ ихъ искать какой-либо выходъ.

Нельзя, конечно, основывать свое довѣріе на томъ, что нѣсколько сотенъ пограничныхъ монголъ и по сейчасъ выказываютъ особенное расположеніе къ русскимъ, живущимъ на границѣ, а приходится считаться и съ фактами, о которыхъ намъ сообщаютъ многочисленные торговцы, заѣзжающіе въ отдаленныя хошуны, и которые даютъ не мало отрицательнаго.

РУССКІЕ ВЪ МОНГОЛІИ.

РУССКІЕ ВЪ МОНГОЛІИ.

VIII.

Русскіе въ Монголіи.

Съ открытіемъ западной китайской границы ближайшее русское населеніе Забайкалья стало посѣщать Монголію, вначалѣ какъ сопровождающіе торговые караваны, впослѣдствіи же самостоятельными торговцами. Первое время вся торговля съ монголами велась почти исключительно мѣновая, и поѣздки русскихъ въ Монголію ограничивались только пограничной полосой.

Съ конца 1700-хъ годовъ русскіе купцы и промышленники стали посѣщать и Ургу, а въ началѣ 1800-хъ годовъ нѣкоторые изъ нихъ стали селиться тамъ уже осѣдло, обзаводясь арендами земли и строя для жилья дома. Къ этому же приблизительно времени относится открытіе въ Ургѣ и Калганѣ русскихъ комиссіонныхъ переотправочныхъ чайныхъ конторъ *.

---

* Полученіе разрѣшенія на аренду, постройку и оптовую торговлю русскихъ въ Ургѣ очень долго оспаривалось ургинскими властями, отчасти потому, что, по Уложенію, аренда монголамъ почти неизвѣстна, а также ставилось препятствіемъ и то, что Урга не торговый городъ, а монастырь. По тому же Уложенію не разрѣшалось монголамъ отдавать въ пользованіе свои земли для хлѣбопашества, и исключеніе было сдѣлано лишь для китайцевъ, поселившихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тушету-ханскаго Аймака (по р. Иро и Орхону). Часть означенныхъ мѣстностей позже перешла во временное владѣніе и къ одному изъ русскихъ (кяхтинцевъ). Согласно

Первыми же русскими піонерами въ сопредѣльной Монголіи были мелкіе промышленники и охотники, жившіе на границѣ, изъ которыхъ впослѣдствіи нѣкоторые были первыми переводчиками при русскихъ караванахъ и вообще помощниками въ сношеніяхъ съ монголами.

Наблюдая совмѣстную жизнь русскаго населенія на границѣ и въ предѣлахъ Монголіи, мы не можемъ не замѣтить и нѣкоторыхъ особенностей,—совершенно противоположныхъ,—во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и монголъ. Такъ напримѣръ: живущіе на границѣ и въ предѣлахъ Забайкалья взаимно дружатъ и симпатизируютъ другъ другу, въ самой же Монголіи и, въ частности, въ Ургѣ тѣ же русскіе относятся къ монголамъ не только недружелюбно, но нерѣдко грубо и рѣзко, что, конечно, вызываетъ и со стороны монголъ взаимно такія же отношенія.

Въ особенности большинство неудовольствій высказывается монголами на ургинскихъ торговцевъ и переотправителей; подтверждается это и самими русскими, случайными наблюдателями, которые весьма неодобрительно отзываются объ эксплоатаціи монголъ въ Ургѣ, а также и о взглядахъ русскихъ на мѣстное населеніе, выражающихся въ обращеніи съ ними.

Проживающіе въ Монголіи русскіе могли бы быть подраздѣлены на двѣ категоріи: поселившихся осѣдло—*торгующихъ*, которыхъ большинство, и *мелкихъ промышленниковъ*.

Первые въ ближайшемъ районѣ Монголіи селятся исключительно въ Ургѣ (по-монгольски *Да-хурэ*, отстоящемъ отъ Кяхты въ 300 верст.), вторые же — наѣзжаютъ въ Монго-

---

Уложенія, вся земля въ Монголіи должна была сохраняться исключительно для скотоводства. Отдача частнымъ лицамъ (не-монголамъ) наказывалась очень строго китайскимъ правительствомъ. Какъ позднѣйшее исключеніе составляетъ отдача нѣкоторыхъ мѣстностей описываемаго района Монголіи одной акціонерной компаніи подъ разработку золотыхъ розсыпей. (Изъ оффиціальныхъ данныхъ).

лію не часто, временами, и ведутъ въ общемъ незначительныя дѣла.

Съ открытіемъ караванной торговли, Ургa для русскихъ долгое время представляла исключительно лишь переотправочный пунктъ для слѣдовавшаго въ Россію чая и китайскихъ товаровъ (гдѣ для этого имѣлось нѣсколько русскихъ фирмъ).

Принимая въ расчетъ громадное количество проходившаго черезъ Ургу разнаго чая (до 300 тысячъ ящиковъ) и другихъ китайскихъ товаровъ, въ связи съ значительными переотправочными расходами, производимыми за счетъ владѣльцевъ товара, конечно, неудивительно, что существовавшія тамъ русскія фирмы страшно наживались.

За малыми исключеніями, все дѣло по переотправкѣ русскихъ товаровъ находилось въ то время въ рукахъ двухъ - трехъ значительныхъ фирмъ. Попытки основать, ради конкуренціи, нѣсколько новыхъ фирмъ почти всегда кончались неудачей, которой способствовали, конечно, тѣ же старыя фирмы.

Несмотря на свою малочисленность, русская колонія въ Ургѣ почти все время жила очень недружно между собой, что отражалось, конечно, какъ на самомъ дѣлѣ, равно и на отношеніяхъ съ монголами.

Жажда наживы поглощала всѣ другіе интересы общественной жизни колоніи. Каждая фирма жила почти исключительно своими личными интересами, почему на почвѣ общественности и не замѣчалось почти никакого движенія. Работа чередовалась только картами и виномъ. Несмотря на десятки лѣтъ существованія Ургинской колоніи жизнь ея и теперь мало чѣмъ отличается отъ той, которая была при возникновеніи фирмъ.

Своеобразный взглядъ колонистовъ на жизнь остался такимъ же, какъ и прежде. Какъ исключеніе одно лишь

консульство, въ лицѣ его представителей, проявляло какъ прежде, такъ и въ настоящее время свою энергію и стараніе въ проведеніи болѣе культурныхъ основъ жизни въ колоніи, но и тутъ косность взглядовъ колонистовъ не всегда была отзывчива, въ особенности когда дѣло касалось кармана.

Несмотря на прежніе большіе доходы и частныя пожертвованія кяхтинскаго купечества, въ Ургѣ до настоящаго времени не было порядочнаго постояннаго православнаго храма, а существовала небольшая церковь въ помѣщеніи консульства; не было до послѣдняго времени и врача, не говоря уже о такихъ учрежденіяхъ, какъ библіотека, клубъ и проч.

Вся жизнь колоніи носила какой-то отпечатокъ временности и не шла дальше того, что было устроено на первыхъ порахъ, какъ самое лишь необходимое.

Хотя въ послѣдніе года и замѣтны нѣкоторыя попытки проведенія культурныхъ началъ жизни въ колоніи, но когда и какъ они осуществятся—трудно предугадать, такъ какъ главнаго—«общественности» населенія—все же незамѣтно, а потому трудно предположить возможность дружной работы и солидарности взглядовъ торгующаго тамъ купечества.

Сократились также и дѣла, которыя въ былыя времена давали значительные барыши и могли бы служить развитію болѣе культурной жизни въ колоніи.

Единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ прежней жизни колоніи является открытая при консульствѣ школа переводчиковъ, хотя число учащихся въ ней очень ограничено.

Не оказала своего вліянія русская колонія и на развитіе торговли въ Монголіи. Гоняясь за барышами, игнорируя вкусы и требованія монголъ-покупателей, она не могла, конечно, существовать долго и не потерпѣть упадка. Сбывая попутно съ хорошимъ товаромъ и всевозможную заваль,

заставляя за все это платить слишкомъ дорого, мы сами убили свою торговлю и дали возможность другимъ націямъ завоевать свои ближайшіе рынки въ Монголіи.

Дороговизна и плохое качество нашихъ товаровъ заставляли монголъ относиться къ нимъ недовѣрчиво и избѣгать ихъ. Подоспѣвшіе къ этому времени иностранцы сумѣли воспользоваться такимъ положеніемъ и въ настоящее время американцы, нѣмцы и японцы заполонили Монголію своими дешевыми товарами.

Если же прибавить къ этому, что и самая торговля иностранцевъ ведется на совершенно иныхъ началахъ, то и неудивительно, что мы годъ отъ году все болѣе и болѣе тѣряемъ своихъ прежнихъ потребителей.

Упадокъ дѣлъ въ Кяхтѣ и Троицкосавскѣ заставилъ многихъ, въ большинствѣ некрупныхъ, предпринимателей пооткрывать свои торговли въ Ургѣ; одновременно понаѣхало туда и много разныхъ аферистовъ и въ результатѣ оказалось, что торговля еще болѣе сбилась. Конечно, болѣе другихъ были недовольны этимъ прежнія крупныя торговыя фирмы, но въ общемъ и безъ конкурренціи, чтобы исправить русскую торговлю, необходима полная реорганизація и ломка прежнихъ положеній и взглядовъ торгующаго класса.

Едва ли поможетъ поднятію русской торговли и выселеніе изъ Урги нѣкоторыхъ мелкихъ конкурентовъ, или ограниченія.

Если же русская торговля и не заглохла еще совершенно, и старыя фирмы не вполнѣ еще остались безъ покупателей, то развѣ потому только, что со многими изъ монголъ ведутся и теперь у нихъ прежнія дѣла по переотправкѣ товаровъ, которыя, по установившемуся обычаю, получаютъ въ счетъ платы часть товара, а также что нѣкоторые изъ товаровъ, какъ юфть, желѣзо и мѣдь, въ подѣлкахъ считаются у монголъ лучшими—русскаго приготовленія. Что

же касается мануфактуры и пр., то наши конкуренты американцы и нѣмцы давно уже отвлекли покупателей, и рынокъ этотъ нами потерянъ безвозвратно.

Потеряна нами и возможность вывоза дешеваго монгольскаго сырья, въ чемъ также опередили иностранцы. Если и встрѣчаются еще немногіе русскіе предприниматели, вывозящіе въ предѣлы Россіи шерсть, кожи, шкуры, рога и пр., то въ количествѣ, едва достигающемъ пятой части всего того, что пріобрѣтается иностранцами черезъ китайцевъ и непосредственно черезъ своихъ агентовъ въ Ургѣ, Улясутаѣ и другихъ значительныхъ пунктахъ Монголіи.

Въ послѣднее время все такое сырье слишкомъ вздорожало и многими иностранными агентами скупается по мелочамъ въ хошунахъ, не допуская привозъ до торговыхъ монгольскихъ центровъ.

Сильнымъ конкурентомъ для русской торговли являются въ Ургѣ и китайцы, въ особенности въ послѣднее время. Торговая политика ихъ въ отношеніи монголъ поставлена болѣе умѣло. Давая различныя льготы, продавая товаръ дешевле, а главное, торгуя чаемъ какъ предметомъ первой необходимости, они, конечно, имѣютъ и болѣе обширный кругъ покупателей. И вообще тяготеніе монголъ-покупателей къ китайскимъ торговцамъ очень замѣтное.

По словамъ русскихъ, проживающихъ въ Ургѣ, отношенія къ намъ мѣстныхъ монголъ стали ухудшаться сравнительно недавно.

Въ прежнее время, имѣя отъ русскихъ фирмъ громадный заработокъ по перевозкѣ чая и другихъ товаровъ, они, повидимому, мирились какъ съ грубостью въ обращеніи съ ними ургинцевъ, такъ равно и не выказывали своего неудовольствія на эксплоатацію ихъ труда и недочеты въ торговыхъ сношеніяхъ. Тогда же, когда заработокъ упалъ до минимума и благосостояніе монголъ замѣтно пошатну-

лось, измѣнились и самыя отношенія ихъ къ русскимъ. Обостреніе отношеній заставило всплыть наружу прежде скрываемое неудовольствіе и замѣтно избѣгать взаимныхъ общеній.

Развозная русская торговля въ сѣверной Монголіи очень незначительная, и занимаются этимъ дѣломъ люди малосостоятельные *. Вся такая торговля ведется обычно въ ближайшихъ районахъ къ границѣ. Предметами сбыта являются главнымъ образомъ: юфть, хлѣбъ, веревки, косы, топоры, пилы, таганы, разная мелочь изъ желѣза и мѣдныя подѣлки, которыя и обмѣниваются на барановъ, масло, сало, сырыя кожи, рогатый скотъ, лошадей, шкуры лисицъ, тарбагана и волка. Посѣщаютъ Монголію торговцы обыкновенно осенью. На деньги покупается въ рѣдкихъ случаяхъ только кирпичный чай. Знающіе въ большинствѣ случаевъ монгольскій языкъ и обычаи торговцы являются желанными гостями въ хошунахъ, пользуются симпатіей и довѣріемъ монголъ.

Если не считать краткосрочныхъ арендъ русскими сѣнокосныхъ угодій въ сопредѣльной полосѣ Монголіи, то въ общемъ земельныхъ арендъ въ краѣ не производится. Единственное исключеніе составляетъ полученный однимъ изъ кяхтинцевъ въ долгосрочную аренду значительный участокъ земли на р. Иро, на которомъ успѣшно засѣвается пшеница

---

* Къ числу льготъ, которыми пользовались русскіе торговцы въ Монголіи, относятся и слѣдующія статьи Правилъ для сухопутной торговли, заключенныхъ съ китайскимъ правительствомъ 15 апрѣля 1869 г. и существующихъ по настоящее время: Ст. 1-я). По границѣ обоихъ государствъ, на разстояніи 100 китайскихъ ли (около 50 русскихъ верстъ) въ ту и другую сторону, торговля ведется безпошлинно и ст. 2-я) русскіе имѣютъ право торговать также безпошлинно по всѣмъ мѣстамъ подчиненной Китаю Монголіи, въ коихъ находятся китайскія власти (учреждено китайское управленіе), и по всѣмъ аймакамъ, находящимся въ непосредственномъ вѣдѣніи сихъ властей». (Печат. въ Ханькоу 1869 г.).

и овесъ. Земля эта ранѣе была долгое время въ пользованіи китайцевъ, которые съ присущимъ имъ стараніемъ въ обработкѣ земли сдѣлали очень много, чтобы обратить эту статью въ наиболѣе доходную. Одно изъ главныхъ является проведеніе искусственнаго орошенія на цѣлыя версты, а также усиленное удобреніе. Въ настоящее время земля эта является, безспорно, лучшимъ пахотнымъ мѣстомъ въ означенной части Монголіи.

Дружественныя отношенія арендатора съ ближайшей монгольской администраціей, въ лицѣ амбаней и князей, а также и съ окружающимъ это помѣстье населеніемъ являются для ближайшей полосы Забайкалья весьма желательными и небезцѣльными для будущаго.

Нельзя не пожелать, конечно, и того, чтобы новые русскіе колонисты оказались на должной высотѣ въ поддержаніи русскаго престижа въ Монголіи и чтобы личные интересы не заглушили общероссійскіе, какъ это случилось въ Ургѣ.

Развитіе дѣятельности этого русскаго помѣстья было особенно замѣтно во время существованія въ сосѣдствѣ подготовительныхъ работъ по разработкѣ золота одной акціонерной компаніей въ княжествахъ Цеценъ-хановскомъ и Тушету-хановскомъ, куда шелъ весь урожай хлѣба, и владѣльцемъ помѣстья была получена монополія въ торговлѣ.

Прогремѣвшая компанія, затратившая до полутора-милліоновъ рублей на оборудованіе дѣла, очень скоро заглохла и въ настоящее время по слухамъ еле влачитъ свое существованіе.

Разработка золота въ сопредѣльной Монголіи тайно, хищниками-русскими, велась очень давно. Почти каждое лѣто въ глухихъ падяхъ по рѣчкамъ и ключикамъ копались такіе золотоискатели десятками и болѣе, сбывая по-

лученное золото китайцамъ въ Маймаченѣ. Работы эти хотя и не разрѣшались монголами и преслѣдовались ими, но тѣмъ не менѣе хищниковъ не убавлялось. Преувеличенная слава о золотоносности Монголіи заставила обратить на нее вниманіе капиталистовъ, предпріятіе которыхъ скоро потерпѣло фіаско, когда дѣйствительное содержаніе золота далеко не окупало дорого стоющей постановки капитальныхъ работъ.

Однимъ изъ наиболѣе полезныхъ предпріятій русскихъ въ Монголіи, одинаково цѣннымъ какъ для нея, такъ и для Забайкалья, безспорно является открытіе на р. Иро «противочумной станціи» съ выработкой сыворотки для прививки скоту.

Своевременность предпріятія, поставленнаго на широкихъ началахъ, сказалась уже въ первые года по открытіи большимъ спросомъ на сыворотку.

Къ временнымъ частнымъ промысламъ русскихъ въ Монголіи можно отнести: сѣнокошеніе, рубку лѣса, охоту и рыбную ловлю. Изъ нихъ не оплачивается только охота.

Сѣнокосные участки покупаются русскими и бурятами по рѣкамъ Орхону, Селенгѣ, Иро, Букулею и Кирану. Лучшее сѣно считается въ означенномъ районѣ съ Кирана. Платится за сѣнокосный пай отъ 3 до 5 рублей. Косить выѣзжаютъ или сами покупатели, или же сдаютъ монголамъ съ десятины или «копны». Въ хорошій урожайный годъ пудъ сѣна обходится хозяину отъ 8 до 10 коп. на полѣ. Монголы не считаются хорошими косцами, такъ какъ косятъ обыкновенно высоко и не такъ чисто.

Почти двѣ трети всего сѣна, накашиваемаго въ ближайшей полосѣ Монголіи, идетъ въ Троицкосавскъ и Кяхту.

Для рубки лѣса монголы сдаютъ небольшіе участки съ платой отъ 20 до 60 рублей по соглашенію, если рубится

лѣсъ для постройки, и по 30—40 коп. съ погонной сажени съ нарубленныхъ дровъ. Рубится лѣсъ исключительно сосновый; береза и лиственница рубятся рѣдко и мало.

При рубкѣ лѣса не соблюдается никакихъ условій, сколько и какихъ лѣсинъ можетъ вырубить арендаторъ, и только рубка балокъ оплачивается отдѣльно съ лѣсины, такъ какъ для этого вырубаются очень толстыя и старыя деревья.

Ближайшіе къ границѣ крестьяне находятъ болѣе выгоднымъ рубить лѣсъ въ Монголіи, чѣмъ у себя, объясняя это и тѣмъ, что рубка въ своихъ дачахъ обставлена дорого стоющими формальностями лѣсничества.

Отчасти въ этомъ отношеніи есть доля правды, такъ какъ лѣсное хозяйство въ Забайкальѣ еще слишкомъ неурегулировано и нѣкоторымъ крестьянамъ приходится терять по нѣсколько дней на поѣздку за билетомъ въ городъ, въ худшемъ же случаѣ, мало освѣдомленнымъ съ условіями рубки платить и большіе штрафы, нерѣдко за непредумышленныя дѣйствія.

Случаются и такія положенія, что даже лѣсъ, вывезенный изъ Монголіи, заставляютъ оплачивать со штрафомъ, какъ бы нарубленный въ предѣлахъ Забайкалья и къ тому же тайно.

Желая избѣжать такихъ случайностей, русскіе лѣсопромышленники нарубленный лѣсъ въ Монголіи обыкновенно даютъ на вывозку въ предѣлы Забайкалья тѣмъ же монголамъ, хотя операція эта, конечно, и удорожаетъ стоимость лѣса.

На рубку дровъ монголы не такъ охотно даютъ лѣсные участки, отчасти, быть можетъ, и потому, что рубка и доставка дровъ въ ближайшіе пункты составляютъ одно изъ прибыльныхъ и старыхъ ихъ занятій. Возка же лѣса на быкахъ вообще берется ими не всегда охотно, отчасти по-

тому, конечно, что для малосильныхъ монголъ такая работа является одною изъ тяжелыхъ.

Кромѣ русскихъ занимаются рубкой лѣса и дровъ въ Монголіи также многіе изъ маймаченскихъ китайцевъ, какъ для своихъ столярныхъ мастерскихъ, такъ и для перепродажи. Лѣсъ китайской рубки считается лучшимъ. У нихъ же, исключительно, находятся въ Маймаченѣ и лѣсные склады, изъ которыхъ покупаютъ лѣсъ и русскія столярныя мастерскія Троицкосавска.

Лучшимъ древеснымъ углемъ также считается китайскій, въ особенности березовый, хотя стоимость угля далеко выше русскаго обжига.

За послѣдніе года нѣкоторыя осложненія въ отношеніяхъ заставили монголъ не такъ охотно давать лѣсные участки русскимъ предпринимателямъ, почему эти послѣдніе, не желая терять довольно прибыльнаго занятія, стали сходиться съ монголами инымъ способомъ, подряжая на рубку самихъ монголъ и платя за работу; стоимость же нарубленнаго лѣса оплачивается по соглашенію.

Вывозъ лѣса также сдѣлался затруднительнымъ, ввиду частыхъ и опустошительныхъ падежей скота, а также и потому, что съ уменьшеніемъ транспортировки чая перевозочныхъ средствъ много уменьшилось.

Охота, какъ «промыселъ», въ Монголіи незначительна, хотя охотниковъ-дилетантовъ, безъ преувеличенія можно сказать, сотни.

Промышленники заходятъ въ лѣса Монголіи чаще за изюбремъ, рога котораго такъ цѣнятся въ Китаѣ. За другимъ же звѣремъ, какъ напримѣръ медвѣдемъ, козой, лисицей, сохатымъ (лосемъ) охотятся попутно. Иногда заходятъ и за бѣлкой, но промыселъ ея здѣсь очень незначительный.

Хотя монголы и не стѣсняютъ промышленниковъ, но послѣдніе почти всегда оплачиваютъ свои охоты добро-

вольно, или одариваютъ монголъ, чѣмъ, конечно, еще болѣе располагаютъ ихъ къ себѣ.

Охота на изюбря производится во время спариванія «на рёвъ», а лѣтомъ—скрадываніемъ звѣря на солонцахъ и водопояхъ. Охотятся чаще въ компаніи съ монгольскими промышленниками. На медвѣдей же какъ промышленники, такъ и городскіе охотники исключительно охотятся на берлогахъ, уплачивая нашедшему берлогу рублей 20—25.

Наибольшее количество городскихъ охотниковъ пограничной полосы даютъ Кяхта и Троицкосавскъ, для которыхъ мѣста эти по обилію и разнообразію дичи являются вполнѣ охотничьимъ эльдорадо. Въ особенности масса водяной дичи и козъ, а въ сосѣднихъ степяхъ «дзереновъ» *.

Платы за охоту монголы никакой не взимаютъ, хотя иногда и поднимается вопросъ по этому поводу амбанями. Косвеннымъ же образомъ охотники, въ особенности городскіе, даютъ значительный доходъ сосѣднимъ монголамъ. Не считая тѣхъ мелкихъ уплатъ за доставляемыя охотникамъ сѣно для лошадей, дрова на охотничьи стоянки, платы за разныя услуги и проч., каждая облавная охота съ платой загонщикамъ, уставщикамъ и проч. даетъ монголамъ заработокъ отъ 10 до 50 и болѣе рублей за день—два охоты на десять—пятнадцать человѣкъ.

Охоты эти начинаются обыкновенно во второй половинѣ августа и продолжаются нерѣдко до января.

---

* Въ описываемой мѣстности Монголіи, какъ и во всемъ Забайкальѣ, водится слѣдующая дичь: кабанъ, медвѣдь, рысь, лисица, волкъ, барсукъ, хорекъ, тарбаганъ, бѣлка, соболь, козуля (въ небольшомъ количествѣ россомаха и кабарга); въ монгольскихъ степяхъ дзеренъ, заяцъ-бѣлякъ и русакъ (такъ называемый мелкій песчаникъ), ежъ; изъ крупныхъ: лось (сохатый), изюбрь. Изъ птицъ, на которыхъ охотятся: дрофа, турпанъ, утка-кряква, крахаль, бакланъ, лебедь-кликунъ, гуси: сѣрый, гуменникъ, лебединый, нѣсколько породъ куликовъ, чирокъ, утка-касатка чернеть, нырокъ, бекасъ-барашекъ, кроншнепъ (рѣдко), глухарь, тетеревъ, рябчикъ, каменная куропатка (изрѣдка, годами, гобійскій рябчикъ такъ называемый «саджи»).

Облавныя охоты почти исключительно на козъ, хотя попутно бьютъ лисицъ, волковъ, рысей и зайцевъ. Несмотря на частыя охоты, козъ еще очень много, почему не рѣдкость привозить охотникамъ на десять-двѣнадцать стрѣлковъ такое же количество и козъ.

Изъ птицъ болѣе всего водятся здѣсь утки, всевозможныхъ породъ гуси и куропатки. Въ степяхъ много дрофъ, охота за которыми производится наѣздомъ или нагономъ на лошадяхъ.

Изъ лучшихъ охотничьихъ мѣстъ на водоплавающую дичь извѣстна здѣсь, въ двадцати верстахъ отъ Кяхты, рѣчка Бура съ массой озеръ и болотъ.

Гостепріимство русскихъ охотниковъ въ предѣлахъ Монголіи настолько связало понятіе монгола съ представленіемъ объ охотникѣ вообще и настолько они сжились съ этимъ, что рѣдкая охотничья стоянка не посѣтится ими въ надеждѣ получить угощеніе, а иногда и деньги. Несмотря на надоѣдливость такихъ посѣщеній часто совершенно незнакомыхъ монголъ, проѣзжающихъ случайно вблизи остановокъ, большинство охотниковъ относится къ нимъ всегда съ одинаковымъ радушіемъ, что, конечно, не мало цѣнится монголами.

Тѣ же гостепріимство и хорошее отношеніе получаютъ, въ свою очередь, и охотники, если имъ придется заѣхать въ юрту даже и незнакомаго монгола, не говоря уже о посѣщеніяхъ знакомыхъ и друзей, которые положительно встрѣчаютъ васъ какъ дорогихъ и близкихъ людей.

Изъѣздивъ многія мѣстности пограничной полосы Монголіи, какъ охотникъ, мы въ правѣ подтвердить все сказанное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утверждать, что въ сношеніяхъ съ монголами и тѣхъ взаимно хорошихъ отношеніяхъ, которыя мы наблюдаемъ на границѣ, русскіе охотники и промышленники играли далеко не послѣднюю роль.

Но, какъ въ семьѣ не безъ урода, конечно и тутъ случались столкновенія и неудовольствія, послѣдствіемъ которыхъ бывали даже временныя ограниченія охоты, разрѣшавшіяся тѣмъ не менѣе всегда благопріятно для обѣихъ сторонъ.

Агитаторами противъ охоты бывали иногда и монгольскіе ламы сосѣднихъ монастырей, но хлопоты ихъ по запрещенію охотъ оставались до послѣдняго времени только проектами, хотя нѣкоторые охотники, во избѣжаніе непріятностей и не желая обостреній, обыкновенно старались, по возможности, не охотиться вблизи дацановъ, въ особенности въ дни буддійскихъ праздниковъ.

Рыбный промыселъ по рѣкамъ и озерамъ Монголіи не можетъ считаться особенно доходнымъ. Занимаются имъ сосѣдніе крестьяне и семейскіе не столько ради продажи на сторону, какъ лично для своихъ потребностей. Пріѣзжаютъ для ловли ранней весной и осенью до рѣкостава. Средній уловъ рыбы на артель въ 10—15 человѣкъ въ хорошіе года бываетъ приблизительно за два періода пудовъ 30—40. Ловятъ неводами, мордами, вершами, крючьями, а крупную рыбу бьютъ острогой (лучáтъ).

Изъ крупныхъ сортовъ попадаютъ осетры, таймени, щуки, лини, налимы, а изъ мелкой караси, окуни, чебаки и въ нѣкоторыхъ горныхъ рѣчкахъ (какъ напр. Киранъ) форель (исключительно на удочку).

Помимо рыбопромышленниковъ наѣзжаютъ часто и городскіе любители. Первые обыкновенно уплачиваютъ сосѣднимъ монголамъ за право ловли отъ 10 до 15 рублей за каждый свой пріѣздъ, вторые же, какъ и ружейные охотники, обыкновенно пользуются безплатно, одаривая изрѣдка монголъ или чаемъ, или чѣмъ-либо изъ съѣстного.

Сами монголы рыбной ловлей не занимаются и такъ же, какъ буряты, очень рѣдко употребляютъ рыбу въ пищу.

Другихъ промысловъ русскаго и бурятскаго населенія въ Монголіи не производится, хотя близость къ границѣ обширныхъ угодій и даетъ имъ косвенно подспорье въ хозяйствѣ. Такъ, напримѣръ, буряты нерѣдко заходятъ съ своими табунами на монгольскія пастбища, а русскіе часто отдаютъ своихъ лошадей на прокормъ и въ большинствѣ случаевъ безплатно.

Живущіе на границѣ также нерѣдко вывозятъ изъ Монголіи *гуджиръ* и самосадочную соль, въ чемъ мѣстное населеніе не препятствуетъ.

Несмотря на дружественныя отношенія и близкое сосѣдство, лично монголы въ рѣдкихъ случаяхъ остаются подолгу въ предѣлахъ Забайкалья, ограничиваясь исключительно временными наѣздами по своимъ дѣламъ, бывая чаще за покупкой необходимыхъ товаровъ.

Также не замѣчается среди монголъ и желанія заѣзжать въ болѣе отдаленные пункты Забайкалья, кромѣ сосѣднихъ Троицкосавска и Кяхты, въ чемъ наши буряты составляютъ совершенную противоположность.

Въ особенности тяготѣніе бурятъ къ Монголіи стало замѣтно за послѣднее время, чему отчасти способствовали принудительная перемѣна въ административномъ строѣ ихъ жизни, а также и посѣщеніе Монголіи Далай-ламой.

Монголъ, живущихъ подолгу въ предѣлахъ Забайкалья, едва ли наберется десятокъ и то, преимущественно, бѣднота, нанимающаяся къ крестьянамъ и бурятамъ въ пастухи и работники.

Монгольскіе ламы, посѣщающіе бурятъ, конечно, не идутъ въ счетъ. Также нельзя считать и тѣхъ монголъ, которые наѣзжаютъ часто въ гости къ своимъ русскимъ друзьямъ, заживаясь у послѣднихъ по недѣлѣ и болѣе.

Посѣщающіе пограничную Монголію амбани также нерѣдко дѣлаютъ свои офиціальные визиты съ громадной

свитой мѣстному русскому начальству и нѣкоторымъ лицамъ изъ купечества.

Чаще же всего бываютъ у русскихъ монгольскіе князья и мелкіе чиновники.

Всѣ такіе визиты сопровождаются, конечно, обильнымъ угощеніемъ и взаимными подарками. Держатъ себя монгольскіе чиновники всегда болѣ коректно и менѣе чопорно, чѣмъ манджурскіе, хотя рѣдкій и изъ нихъ, при случаѣ, не постарается похвастать своею властью надъ населеніемъ и покичиться своей родословной.

Сами монголы ставятъ очень высоко посѣщеніе своихъ чиновниковъ сосѣдей-русскихъ, въ особенности если визитомъ такимъ бываетъ удостоено какое-либо частное лицо изъ купечества.

Въ культурномъ отношеніи большинство монгольскихъ чиновниковъ и князей стоитъ одинаково съ остальными монголами, отличаясь отъ нихъ развѣ только нѣкоторымъ лоскомъ и наружной важностью. Тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ на населеніе громадное.

Помимо власти, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ являясь полнымъ произволомъ, заставляетъ монгола безусловно подчиняться и исполнять всякое распоряженіе своего начальства, тѣ же амбани и князья способствовали иногда и проведенію нѣкоторой культурности въ жизнь подвѣдомственнаго имъ населенія, заимствуя многое отъ своихъ друзей и знакомыхъ-русскихъ.

Само же русское населеніе, несмотря на сотни лѣтъ совмѣстной жизни съ монголами, почти ни въ чемъ не отразило своего культурнаго вліянія, ограничиваясь лишь успокоительнымъ сознаніемъ «дружественности націи» и пользуясь страной и населеніемъ какъ предметомъ наживы и выгоды.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ СЛОВЪ.

СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ СЛОВЪ.*

А

Адалѝ — точно, подобно (бурятско-тунгузское).
Àжно — такъ что.
Àзатка — азбука.
Айдà — въ смыслѣ понуканія (пошелъ).
Алàдья — хлѣбная лепешка на маслѣ.
Анделъ — Ангелъ.
Апослѝ — послѣ, потомъ.
Арàва — шумная компанія.
Аракýшка — вино преимущественно изъ кобыльяго молока.
Арахѝ — вино (монголо-бурятское).
Аргàлъ — сухой навозъ (съ монгольскаго *аргасти*).
Аршàнъ — источникъ (монголо-бурятское).
Архидàчить — пьянствовать (отъ монголо - бурятскаго *арахи* — вино).
Ась (асиньки?) — что?
Ахàить — осудить, оговорить.
Àховый — смѣлый.

Б

Баранýха — овца (отъ *баранъ*).
Барахлò — худое, отрепье.
Батѝлки — захваты (кухонныя принадлежности бурятъ).
Белентрясы — пустой разговоръ, пустяки.
Бѝтеца — падучая болѣзнь (отъ слова *биться*).
Блажнòй — блаженный, причудливый, глуповатый.
Блевàть — рвать (рвота — *блевòтина*).
Боерàкъ — глубокій оврагъ.
Бòжестна — Божеская.

* «Матеріалы для сборника помѣстныхъ словъ и выраженій общесибирскаго и въ частности Забайкальскаго нарѣчія». Г. М. Осокинъ. Труды Троицко-Савскаго-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Импер. Русск. Географ. Общества. Вып. 2. 1902 года. Словарь дополненъ и исправленъ и заключаетъ вмѣсто прежнихъ 284 словъ—554.

Большàкъ — старшій въ семьѣ мужчина.
Брàвенькое — красивое.
Братцкій, брачоха — бурятъ, бурятка.
Брѐндить — лгать.
Брехàть — *(брешешь)* лгать.
Брехня̀ — ложь.
Бубнѐцъ — прозвище каторжниковъ (отъ бубноваго туза на спинѣ).
Будà — просо (съ монгольскаго).
Бу̀льба — картофель по-семейски, но этимъ же именемъ въ общежитіи сибиряки называютъ и семейскихъ.
Бурȕнъ — двухъ-годовалый теленокъ, бычокъ (съ бурятскаго *биру*).
Бу̀ркулы — глаза (сибирское).
Бусѝтъ — мелкій осенній дождь (отъ слова *бусъ* — пыль).
Бу̀хала — пустомеля, враль.
Бѣлесѝтъ — бѣлѣетъ, свѣтаетъ.

В

Важнѐцки — хорошо.
Валàхтаться } — приставать, надо-
Валдàниться } ѣдать.
Вдòсталь — довольно, съ избыткомъ.
Вёдро — хорошая, ясная погода (обще-сибирск.).
Вѐршній — верховой.
Вечòрка — посидѣлка.
Взàболь — вправду (обще-сибирское выраженіе).
Взаправ̀ду — правда, настоящій, дѣйствительный.
Вздымàть — поднимать что-либо въ вышину.
Вѝдно — должно быть (напр. «*видно*, Иванъ ушелъ», — т. е. «*должно быть*, Иванъ ушелъ»).
Вѝсѣльникъ — удавленникъ.
Влòпался, втю̀рился — попался въ чемъ-либо.
Водàкай — разсуждай (смѣшливое выраженіе *говори*).
Вожжѝстый — *(вожжи* — послушный на ѣздѣ и въ упряжкѣ).
Волкодàвина — задавленная волкомъ скотина.
Вольгòтно — свободно, просторно.
Всамдѣлешный — правда, настоящій, дѣйствительный.
Встрѣлся — встрѣтился.
Вострѝсь — учись, практикуйся.
Въ-отдòръ — въ сторону (исключительно говорятъ про лошадь, которая бѣжитъ на пристяжной далеко отъ коренного).
Вывàнивать — вывѣтривать.
Вытягàй — вытягивай.
Вѣсита — виситъ.
Вя̀кать, вя̀ньгать — говорить жалобно.

Г

Гàлечно — (отъ *галька* — камень) каменисто.
Гàлиться, изгаля̀ться — глумиться.
Ганзà, ганзȕшка — маленькая мѣдная монгольская трубка для табаку.
Гарь — горѣлый лѣсъ.

Га̀сникъ — шнурокъ у штановъ по поясу.
Га̀ча — штанина.
Гаяръ — бѣсъ (бурятск.).
Глу̀постный — глупый.
Глядѣлки — глаза (въ обращеніи къ дѣтямъ).
Гнусъ — насѣкомыя: мухи, комары, оводы, мошки.
Голова̀нъ — умный, понятливый.
Головня̀ — змѣя.
Го̀ломя̀цъ, Голопу̀пецъ — ласкательное выраженіе къ дѣтямъ.
Голу̀бецъ — голубчикъ.
Голубѣцъ — подполье въ дому (общесибирск.).
Гомоюнъ, гомозѝтъ — суетливый, суетится.
Горла̀стый — голосистый.
Го̀рница — чистая комната въ избѣ.
Грянуться, грохнуться — упасть.
Гуту̀лы — сапоги (съ монгольскаго).

Д

Даба̀нъ — горный хребетъ (съ монгольскаго).
Да̀вича — недавно, только что.
Давнѝсь — давно.
Да̀ганъ — двухлѣтній жеребенокъ (съ монгольскаго).
Далонь — ладонь.
Дерябнуть — тоже выпить, говоря о пьяницѣ.
Дерьмо̀ — худое.
Дѣскать — то есть, такъ какъ.
Дзѣренъ — степной дикій козелъ (монгольск.).
Дивьѣ — диво, что-либо удивительное.
Длѝтельно — продолжительное время, долго.
Для̀че? — для чего, зачѣмъ?
Доканà̀ть — докончить (прикончить), уничтожить.
Докѣлева? — до какого времени? до котораго мѣста?
Домовѝна — гробъ.
Допрѣжъ — прежде чѣмъ, ранѣе.
Доспѣть — сдѣлать, приготовить.
Досчита̀ть — добавить, доложить чего-либо, прибавить.
До̀шлый — понятливый, смѣковатый.
Дрѣфить — бояться, страшиться, быть неувѣреннымъ.
Дры̀хнуть — спать.
Дубьѣ — сухая ивовая кора, употребляемая въ кожевенномъ производствѣ.
Душно̀й, душѣнный — дорогой сердцу.
Дымбѣ̀й — напрасно (бурятское).
Дырбалы̀знуть, дры̀знуть — выпить, напиться пьянымъ.
Дырьѣ — дыры на платьѣ.
Дѣва̀ха — дѣвушка.

Е

Евойной (ая) — его, ея.
Егозѝть — барахтаться, возиться.
Ѣрга — оборванецъ (китайское).
Ерга̀чъ — поношенная доха̀ (зимняя мѣховая одежда).
Еристѝться — ссориться.
Ерохо̀риться — куражиться.
Ѣсвотка — есть (а также: тутъ, здѣсь).
Естолько — столько-то.

Ж

Жа̀дина — обжора.
Жа̀литься — жаловаться.
Жа̀лостный — жалкій.
Желва̀къ — наростъ, нарывъ.
Желунѝца — желтуха (болѣзнь).
Жереб у̀шка — жеребенокъ.

З

Забѝдно — завидно, жалко.
Забо̀ка — небольшая долина на берегу рѣки, окруженная горой.
Заболо̀нъ — хлопотливость, помѣха.
Забыга̀ть, подбыга̀ть — начать *портится,* говоря про провизію, и *подсыхать,* говоря о почвѣ.
Завѐзно — много навезено, много скопилось извозныхъ.
Заворотѝть — завернуть во что-либо.
Завчера̀сь — третьяго дня (третеводнесь тожъ).
Загру̀зъ — затонулъ (про лодку, бревно и пр.).
Зада̀чки — названіе ламскихъ лекарствъ.
Задыма̀чивай — подгоняй, спѣши.
Зазво̀нистый — крѣпкій, основательный (про вещь).
Зазо̀рина — неровность у дерева.
Зазо̀рно — стыдно.
За̀зрѣла совѣсть — заговорила совѣсть.
Заѝмка — крестьянскій выселокъ, а также дача
Заколо̀дило — встрѣтилось какое-либо препятствіе, помѣшало.
Закургу̀зило — заморозило, задавило.
Зал у̀ха — заловка (семейское).
Замаѝчить — заговорить невнятно, непонятно.
Замухрѣ̀й—захудалый, невзрачный.
За̀перъ — затворилъ.
Заплѐлся — заговорился, запутался.
Заплута̀лся — заблудился.
Запо̀нъ — передникъ, фартукъ.
Заревѣ̀ть—кого-либо звать, кликать.
Заро̀дъ — стогъ сѣна.
Засерча̀лъ — разсердился.
Застру̀га — гребень снѣговой, образовавшійся отъ заноса.
Затура̀нъ — чай съ молокомъ, масломъ и поджаренной мукой.
Зауса̀й — небольшая рыбка породы вьюновъ.
Заусѝло — захмелѣлъ.
Захуда̀ть — похудѣть, также *обѣднѣть.*
Заѣ̀здокъ — ивовая верша для ловли рыбы.
Зенкѝ — глаза (обще-сибирск.).
Зѝмникъ — дорога, по которой ѣздятъ только въ зимнее время.
Зимовьѐ — деревянная изба, построенная наскоро, таежная постройка.
Зудѝтъ — чешется.
Зудѣ̀рный, зудѝра — нахальный, нахалъ, грязный (бурятское).

И

Измà льства — съ малолѣтства.
Има̀ть — ловить (обще-сибирск.).
Ѝнде — кое-гдѣ.

Инзага̀нъ — дикій козленокъ (бурятское).
Иргѐнъ — не кладеный баранъ (съ бурятск.).
Ишигѐнъ — домашній козленокъ (бурятск.).

К

Кавды̀? — когда?
Казѐнка — чуланъ.
Кайла̀ — орудіе для скалыванія льда и твердаго грунта.
Калыгѐй — заика (съ бурятск.).
Каля̀дить — клеветать (а также ворожить).
Капа̀ться, капу̀ша — мѣшкать, неторопливый.
Каптурга̀ — табачный кисетъ (съ бурятск.).
Кара̀чки — на четверенькахъ.
Кара̀хтерный — настойчивый.
Ка̀рій (ка̀рька) — темнокоричневая масть лошади.
Карта̀фка — картофель (семейское).
Кары̀мскій чай — кирпичный чай, сваренный съ молокомъ.
Катерѝнить — богатѣть («собирать Катеринъ», т. е. сотенныя бумажки).
Кибà сье — грузило у невода.
Ковыля̀ла — кривоногій.
Ко̀ли — если.
Колобро̀дить — ходить безъ цѣли.
Копылкѝ — ноги (ласкательное въ обращеніи къ дѣтямъ).
Кочеры̀житься — не соглашаться, упираться.
Кружа̀ть — заблудиться, ходить кругомъ.
Ку̀бышка — деревянная посуда (бурятское).
Ку̀ка — дѣвочка (съ бурятскаго).
Курага̀шка — маленькій барашекъ (*хурагашка* съ бурятскаго).
Ку̀рва — лукавый, лицемѣрный (съ китайск.).
Кургу̀зитъ — мерзнется.
Курпѐжитъ — нездоровится.
Курта̀шка — ку̀ртикъ — верхняя одежда семейскаго.
Ку̀хта — изморозь.
Куца̀нъ — самецъ не кладеный (*хуца* съ монгольск.).
Кычы̀мъ — потникъ подъ сѣдло (съ монгольск.).

Л

Лагу̀нъ — деревянная посуда, боченокъ (съ бурятск.).
Ла̀дно — хорошо, согласенъ.
Ла̀дный, ла̀дненькій — хорошій.
Ладо̀нь — мѣсто, облитое водой и замороженное для молотьбы хлѣба.
Ланхо̀нъ — китайскій глиняный кувшинъ.
Ла̀тка — глиняный горшокъ.
Лимо̀вина — ильмъ (дерево).
Логатѝна — низко лежащій лугъ.
Лонѝсь, лонско̀й — въ прошломъ году, прошлогодній.
Лонча̀къ — годовалый жеребенокъ.
Ло̀пать — одежда разная.
Лу̀нка — круглое, воронкообразное углубленіе въ землю.
Лупцова̀ть, лупцовка — бить, драка.
Льзя — можно.

Лѣтникъ — лѣтняя изба, а также лѣтняя дорога.

Лѣтось, лѣтошный—лѣтомъ, лѣтній.

Любовный, любно̀й — любимый.

Ля̀ля (мя̀нзя) — вялый, неповоротливый.

М

Маета̀ — усталость, мученье.

Малаха̀й — верхняя одежда (киргизско-бурятск.).

Ма̀ло-ма̀ло — немного, нѣсколько.

Ма̀лость, по малости — немного, понемногу.

Мангы̀ръ — дикій чеснокъ (съ монгольскаго).

Мараково̀ть — читать и понимать съ трудомъ.

Матѐрый — большой, громадный.

Мѐлево — что-либо размолотое.

Мельтесы̀тъ — мелькаетъ.

Могота̀, могѝтный — сила, сильный.

Моланья̀ — молнія.

Молоду̀ха — молодая женщина, невѣстка.

Молотьѐ—хлѣбъ, приготовленный къ молотьбѣ.

Мошкара̀, мухота — обиліе мошекъ, мухъ.

Мунга̀лъ, мунга̀льской — монголъ, монгольскій (семейск.).

Мурлы̀тъ — про воду, когда она крутится въ рѣкѣ при теченіи.

Мурлѝ — рыло у звѣрей.

Мухѝрчатый — пѣго-каряя масть лошади.

Мя̀гки — булки, только что испеченныя (семейск.).

Н

На потягу̀ — въ поводу, говоря про лошадь.

Нагды̀сь — недавно.

Надѣва̀шка — верхняя накидка (платье).

Назѐмъ, назмы̀ть — навозъ, унавозить.

Наипа̀че — въ особенности.

Нала̀дить — сдѣлать, устроить.

На̀ледь — вода, выступившая поверхъ льда зимой.

Намѐдни — надняхъ.

Напѐрся — наѣлся до отвалу.

Насу̀пился — надулся.

Наторѣть — научиться чему-либо въ совершенствѣ.

Натру̀ска — пороховница.

Нахлобу̀чить — надѣть шапку глубоко.

Нахлобу̀чка — выговоръ, замѣчаніе.

На̀шенскій, по-на̀шенски—нашъ, по-нашему.

Не давать зны̀ку — не давать отдыху.

Невдомѐкъ — не пришло въ голову, не подумавши.

Недоу̀мокъ — неучъ.

Незабы̀дно — необидно.

Незада̀ча, незада̀чливый — неудача, неудачникъ.

Немудрѐный — недалекій (про человѣка).

Ненаро̀комъ — ненарочно.

Не осы̀лить — не по силѣ.

Неспроста̀ — не безъ умысла.

Нѐчисть — нечистое.

Низа̀, низово̀й — низкія мѣста.

Николѝ — никогда.

Ноздрѐвый — названіе каторжника (прежнихъ временъ).
Нòниче, нòнишный — нынче, нынѣшній.
Нутрò, нутреннòй — животъ, внутри живота.
Ныркъ — снѣжный ухабъ, яма.
Нюнюкать — плакать.

О

Облàпить — обнять.
Облапòшить — обдѣлать, обмануть.
Обмалàхтаться — жениться.
Оболакàться — одѣваться.
Òбруть — недоуздокъ (бурятск.).
Обрящился — упалъ, оборвался съ чего-либо.
Обýтки — обувь.
Обýться — одѣть обувь.
Обхàживать — ухаживать, льстить.
Обыдѐнкомъ — въ тотъ же день.
Одѐръ — деревянная основа мѣстной двухколесной телѣги.
Одучъ — принуждать.
Озіяло — освѣтило.
Окачýриться — умереть.
Околесъ — вблизи чего-либо.
Окрутѝться — жениться.
Оплетàть — обманывать.
Опрѝчь — кромѣ того.
Опростоволòситься — поступить опрометчиво.
Опослѧ — послѣ того.
Опѐчье — порогъ на рѣкѣ (съ якутскаго).
Осѝлить — подъ силу.
Ослобонѝть — освободить.
Особлѝво — особенно.
Осòсокъ — поросенокъ (семейское).
Отлѧшить — отрубить, отрѣзать.
Отхòнъ — младшій въ селѣ ребенокъ (съ бурятск.).
Отчò — отчего.
Охòче — охотно.
Òхвость — солома съ пустымъ колосомъ, а также плохое зерно, оставшееся отъ молотьбы.
Охлюпалась — вымочилась.
Очурàхаться — очнуться.
Ошпàрило — обварило.
Ошýрки — отбросы отъ топки масла, сала (бурятск.).

П

Палы — лѣсные пожары.
Пальнýть — выстрѣлить.
Пàря — парень (обращеніе).
Пàужинъ — время передъ закатомъ солнца.
Перѐчить — спорить, не соглашаться.
Побѣжнѝкъ — веревка у невода.
Повàдный — сговорчивый.
Повòйникъ — женскій головной уборъ (платокъ).
Повзъѐмъ — подъемъ въ гору.
Погòда — вѣтеръ.
Погòдь — обожди.
Погулѧвка — вечерка, пикникъ.
Подвелò — похудѣлъ.
Подвѐртка — лоскутъ, употребляемый вмѣсто чулка.
Подхалѝмый — хитрый, неискренній.
Покèда — покуда, до котораго мѣста.
Покèлева — пока, покуда.
Пòльзовать — лечить.

Пóмочь — работа сообща съ приглашенными односельчанами.

Помѣшкать — обождать.

Понавѣдаться — освѣдомиться, побывать.

Пòнха — хлѣбная болѣзнь — ржавость.

По нутрỳ — по сердцу, по себѣ.

Попỳталъ — соблазнилъ.

Посельгà — поселенецъ.

Потрàфить — угодить, посчастливить.

Потòржной — пріисковый, подрядный рабочій.

Пошто̀ — почему?

Прàвдышный — настоящій.

Представляешься — прикидываешься не понимающимъ.

Прикỳска — хлѣбъ къ чаю.

Припѐкъ — принудилъ

Прижѐнникъ — мясной пирожокъ.

Приспѣлось — приключилось, случилось.

Прѝсталь — усталая лошадь.

Прѝхвость — льстецъ, ухаживающій за богачомъ.

Промéжду себя — между собой.

«Пропадѝ-пропадòмъ» — выражаясь при потерѣ въ чемъ-либо надежды.

Пропàлъ — издохъ (говоря про животныхъ).

Прòпасть — несчастье.

Прощавàться — прощаться.

Пỳздро — нижняя часть живота животнаго.

Пỳрга — зимняя метель.

Пустельгà — пустословъ.

Пỳще — побольше, сильнѣе.

Р

Разгильдя̀й — зѣвака.

Рàзи? — развѣ?

Размалевàть — покрасить.

Разопрѣлъ — вспотѣлъ.

Разпы̀халось — разгорѣлось (говоря про огонь).

Разродѝться — рождать.

Разувàться, разỳться — снимать обувь.

Раскошѐлиться — расплатиться.

Растю̀кать — разбудить.

Рѐлка, рѐлошная — возвышенность на лугу.

Рòбить — работать.

Рòзвальни — крестьянскія дровни.

Рỳшить — рѣзать печеный хлѣбъ.

С

Саданỳть — рѣзко ударить.

Сáджи — родъ куропатки (съ монгольскаго).

Садѝ! — дѣлай что-либо (напр. бей, гони!)

Сàлить — просаливать, напитывать жиромъ.

Самосѝдка — водка, приготовленная домашнимъ путемъ.

Сандалòй — ѣзда верхомъ вдвоемъ на одной лошади.

Сàпатка — носъ.

Сапỳха — лошадь съ тяжелымъ дыханіемъ.

Саранà — полевая лилія.

Сахàтый, сахатѝна — лось, лосиный (съ бурятск.).

Свалдàнить } — сдѣлать что-либо
Сваргàнить } скоро.

Сивѐритъ—дуетъ сѣверный вѣтеръ.
Сѝверъ — сѣверный склонъ горы.
Сидю̀ — сижу.
Сидѣ́йка — мѣстный кабріолетъ на двухъ колесахъ.
Скачѐкъ — саранча, кобылка.
Складà́ть — складывать.
Склѝзко — скользко.
Скòль?—сколько?
Скудà́ть — болѣть, нездоровиться.
Смòлость — коровье вымя.
Смольѐ — смоляныя дрова.
Совладà́ть—осилить что-либо.
Солонгòй — хорекъ (съ бурятск.).
Солонцы̀ — мѣсто въ тайгѣ съ солончаковой почвой, гдѣ обыкновенно охотятся засядками.
Сосунòкъ — ягненокъ.
Спозорà́нку — чуть-свѣтъ.
Спòрый — упорный, а также, говоря про вещь — *крѣпкая.*
Сразу — тотчасъ же.
Станýшка — нижняя женская рубашка.
Столкова́ться — обсудить, сговориться.
Струхнýть — испугаться.
Сулѝть—обѣщать.
Сýмрачно — морочно, неясно.
Сýподгорь — спускъ съ горы.
Сýпоросъ — свинья неопоросившаяся.
Сура̀зни, несура̀зно — нехорошо, незаконно.
Сура̀зъ — незаконнорожденный.
Суслòнъ — куча изъ 10 сноповъ.
Сусѣки — закрома для хлѣба.
Сутýнокъ — обрѣзокъ бревна (съ бурятскаго).
Сухота̀ — сухо, засуха.
Сымà́й — снимай (про одежду или упряжь).
Сымыгýнъ — мозгъ изъ костей (съ бурятскаго).
Сычýгъ—бараньи кишки, наполненныя кашей какъ кушанье (съ бурятск.).

Т

Табà́нить — остановить лодку (съ бурятск.).
Тага̀нъ — желѣзный треножникъ подъ чашу (съ бурятскаго).
Талѝна — тальникъ, ива.
Тара̀къ—варенецъ изъ молока.
Тарбага̀нъ—сурокъ (съ монголо-бурятскаго).
Та̀рка, та̀рачка — пирожокъ съ вареньемъ, или творогомъ (съ бурятскаго).
Таташѝнъ — бараній супъ (съ бурятскаго).
Тащѝть, тащѝ — носить, неси.
Тварьѐ—пренебрежительное выраженіе о бурятѣ.
Теперѐшній — настоящій.
Терпѐжь — нетерпѣнье.
Тинѝбусъ — постепенный подъемъ въ гору (съ бурятск.)
Товòонокò — то, того.
Тогды̀-сегды̀! — когда-либо!
Тожнò — тогда.
Толма̀чить (отъ слова *толмачъ*, по-бурятски — *переводчикъ*) — переводить, объяснять.
Тòросъ — ледяныя заторы на рѣкѣ.
Тòтвонокò — то, того.

Тошнѣе — сильнѣе.
Трапата̀ — мелкая рысь, переступь лошади.
Тулу̀нъ — кожаный мѣшокъ (съ бурятск.).
Ту̀тошній — здѣшній.
Ту̀чный (отъ тучи) — задумчивый, темный.
Ту̀ясъ — берестяная круглая посуда (съ бурятск.).
Тымѐнъ — верблюдъ (монгольск.).
Тырлы̀къ — бурятскій халатъ.
Тягà̀ться — судиться.
Тягà̀й! — тяни!
Тяну̀ха — тягучее.

У

Убугу̀нъ — старикъ, немощный (бурятск.).
Убѣгъ — убѣжалъ.
Ужлѝ — неужели?
Ужò̀тко — обожди.
Укà̀жь — укажи.
У̀кай — пугай.
Укокò̀шить — убить.
У̀лово — водоворотъ на рѣкѣ (съ бурятскаго).
У̀мственный — ученый.
Унты̀ — обувь мѣховая (бурятск.).
Упà̀рился — вспотѣлъ, усталъ.
Упà̀точиться — устать.
Упетò̀чить — запрятать.
У̀поводъ — извѣстная часть рабочаго времени.
Упокò̀йникъ — покойникъ.
Ура̀стый — крикливый (отъ слова ура).
Ургѐчить, ургѐкъ — охотиться, охотникъ (съ бурятск.).
Ургу̀й — трава «пострѣлъ».
У̀росъ, у̀росливый — не смирная лошадь, капризная.
Усѝтъ (заусѝло) — хмель разбираетъ.
Утвараживай — дѣлай гуще.
Утò̀пъ — утонулъ.
У̀трешній — утренній.
У̀тросъ — утромъ.
У фà̀рта — около счастья.
Ухайда̀кать — потерять, захватить насильно.
У̀хорь — смѣлый, бойкій.
Ушкà̀нъ — заяцъ.
У̀йма — много, масса.

Ф

Фартò̀вый, фартѝтъ — счастливый, счастье дается въ руки.
Фа́ртъ — удача.
Фасò̀нитъ — передѣлываетъ что-либо по-своему.
Финтѝтъ — хитритъ.
Фитя̀й — ротозѣй.
Фордыба̀чить — упираться, спорить.
Фу̀ска — металическій китайскій чайникъ для вина.

Х

Хабу̀ръ — весна по-бурятски, но употребляется и какъ опредѣленіе голода, недостатка.
Хà̀ить, охà̀ить — оговорить.
Халага̀й — крапива (бурятское).
Халза̀ный — лысый (бурятское).

Хамхӯлъ — катунъ трава (бурятск.).
Ха́на, ха̀ньшинъ—китайская водка.
Харасӯнъ — стоячій протокъ воды.
Харахо̀ей — червякъ, змѣя (съ бурятскаго).
Харахо̀нить — бездѣльничать (бурятское).
Харгана̀ — мелкій кустарникъ и трава (съ монгольск.).
Хашерѝкъ — двухлѣтній теленокъ (бурятск.).
Хайла̀ть — кричать.
Хайло̀ — горло.
Ха̀йринчи! — жалко! (бурятск.).
Хӣузитъ — вѣтренно.
Хӣузъ — рѣзкій вѣтеръ.
Хлѐстко — рѣзво.
Хлю̀здитъ, хлю̀здъ—пасуетъ трусъ.
Хлынѝть, хлы̀нь — бѣжать мелкой рысью, мелкая рысь.
Хрушко̀й — крупный.
Хря̀ — некрасивый.
Хуѝнъ— боль въ спинѣ, въ плечахъ (бурятск.).
Хусура̀нка — корова стародойка.
Хырсѐнъ — баранья грудинка (бурятское).

Ц

Цага̀нить — обдумать.
Ца̀пать, сца̀палъ — поймать, ловить.
Цыганьѐ — цыгане.
Цы̀цкать — натравлять собаку.

Ч

Чаво̀жъ? — что же?
Чаева̀ть — пить чай.
Чакалда̀къ — ирисъ (бурятское).
Чалдо̀нъ — бранное слово къ семейскимъ.
Ча̀литься — причаливать.
Чеба̀къ — зимняя шапка мѣхомъ наружу съ наушниками (бурятское).
Чеботно̀й — сапожникъ.
Чебурды̀хнуться—свалиться, упасть.
Чепа̀ться — качаться, шататься.
Черемша̀ — дикій лукъ.
Чиркѝ — кожаная обувь съ мягкой подошвой (бурят.).
Чистога̀номъ — начисто, на чистый вѣсъ.
Чо, ничо — что, ничего.
Что-нѐ-что! — что-то.
Чудно̀ — удивительно.
Чумбӯръ — черезсѣдельникъ (съ бурятскаго).
Чӯрка — деревянный обрубокъ.
Чӯхать, чӯхай — понимать, понимай.

Ш

Шалза̀нъ — клещъ.
Шалыга̀нить—шутить,насмѣхаться.
Шама̀нить — ворожить (бурятск.).
Ша̀ньга, ша̀нежка—сдобное печенье (сибирск.).
Ша̀ра — чайныя выварки (бурят.).
Шаральжа̀ — худая, сорная трава (съ бурятск.).
Шарамы̀га — тунеядецъ.
Шебарчѝтъ — шумитъ, шелеститъ.
Шепѐриться — упрямиться.
Шерба̀ — уха изъ соленой рыбы.
Шешура̀ — разные отбросы.
Шѝбко — очень.
Шивера̀ — отмель каменистая на рѣкѣ.

Ширѝть, шѝрка — зашивать въ кожу чай, зашивка.
Шитнѝца — швея.
Шишковѐать — собирать кедровыя шишки съ орѣхами.
Шлюѝха — проститутка.
Шляѝндить — выпрашивать.
Шмѐнить — осмѣивать.
Шѐйда — контрабанда (бурятск.).
Шулѝ — супъ (бурятск.).
Шушерѐ — не стоющій вниманія.
Шушѝнъ — короткая женская кофта.

Ѣ

Ѣдовѝтое, ѣдкое — вкусное, съѣдобное съ удовольствіемъ.
Ѣзжѐй, ѣдькѐ — поѣзжай, поѣзжай-ка!
Ѣхало — дорога (въ шутливомъ выраженіи).

Ю

Юлѐ, юлѝть — вертлявый, изворачиваться.
Ю̀хта — юфть.

Я

Ядрѐнный — крѣпкій, прочный.
Ямѐнъ, яманѝха — домашній козелъ (бурятскій).
Ямшина — извозъ.
Ярѝться — храбриться.
Ярово — скоро, быстро (съ китайск.)

Э

Э̀вано — вотъ оно.
Э̀твоноко — то, то есть.
Эстолько — столько.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ПЕРЕЧЕНЬ НАРОДНЫХЪ ЛЕКАРСТВЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ ЗАБАЙКАЛЬЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ НАРОДНЫХЪ ЛЕКАРСТВЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ ЗАБАЙКАЛЬЯ.

(БОЛѢЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХЪ).

Травы, корни и плоды.

Щавель. Отваръ изъ сушенаго щавеля дается при жаждѣ въ лихорадкѣ; припарки изъ свѣжаго щавеля дѣлаются при боляхъ живота или мочевого пузыря.

Капуста употребляется во многихъ видахъ, а именно: свѣжіе листья, только что сорванные, прикладываются къ головѣ — при боляхъ, разсолъ изъ-подъ соленой капусты — даютъ при жаждѣ, кочни свѣжей капусты—тонко изрѣзанные и посыпанные перцемъ въ молокѣ, — при кашлѣ; соленую, квашенную капусту усиленно употребляютъ — при несваренiи желудка. Высушенные листья капусты, истертые въ порошокъ, бурятскіе ламы даютъ трудно рожающимъ, вѣря, что слѣдующіе роды отъ такого леченія будутъ очень легки.

Подорожникъ. Сырые свѣжіе листья прикладываютъ къ порѣзамъ. Настойка на винѣ подорожника — при боляхъ желудка.

Чеснокъ. Въ свѣжемъ видѣ при цынгѣ, болѣзняхъ зубовъ и дурномъ запахѣ изо рта. Въ поджареномъ — охотно употребляется старыми людьми какъ укрѣпляющее средство (по словамъ крестьянъ, «кровь разгоняетъ, грѣетъ»). Въ распаренномъ видѣ прикладывается къ мозолямъ, какъ мягчительное и утоляющее боль.

Малина. Сушеная въ отварѣ — какъ потогонное. Одинаково употребляется и ламами, которые толченую сухую малину, въ примѣси

съ другими тибетскими лекарственными средствами, даютъ пить при простудныхъ болѣзняхъ.

Черемша (дико растущій чеснокъ) въ соленомъ видѣ въ громадномъ количествѣ идетъ на пріиски, гдѣ выдается безплатно рабочимъ, какъ предохраняющее средство отъ заболѣванія цынгой. Мѣстные жители также употребляютъ ее въ большомъ количествѣ. Въ особенности китайцы и семейскіе.

Черника. Въ сушеномъ видѣ при поносахъ. Въ особенности средство это дается дѣтямъ. Въ сыромъ видѣ считается также очень полезною для желудка.

Чистотѣлъ. Отваръ изъ сухихъ листьевъ дается при болѣзняхъ печени и въ припаркахъ; какъ наружное, прикладывается къ нарывамъ, лишаямъ и разнымъ злокачественнымъ язвамъ. Густой отваръ (вываренный) употребляютъ какъ «кровеочистительное».

Красная полевая лилія (сарана). Отваръ изъ корня дается дѣтямъ худосочнымъ и вообще слабымъ (какъ говорятъ: «чтобы жиру нагнать»).

Рябина. Отваръ изъ сушеной ягоды какъ слабительное. Также употребляется и ламами въ тибетской медицинѣ.

Морковь. Выжатый морковный сокъ также какъ легкое слабительное. «Морковная» полевая трава въ высушенномъ видѣ идетъ въ число травъ, употребляемыхъ для мягчительныхъ припарокъ.

Макъ. Сѣмена, отваренныя въ молокѣ, даются дѣтямъ при прорѣзываніи зубовъ. Отваръ маковыхъ сѣмянъ дается также какъ снотворное.

Рѣдька. Рѣдичный сокъ, какъ наружное средство, употребляется при ревматизмахъ, какъ внутреннее — при простудныхъ болѣзняхъ и отъ кашля.

Огуречный разсолъ какъ легкое слабительное, а также какъ отрезвляющее у пьяницъ.

Крапива (китайская — всюду растущая въ Забайкальѣ) въ свѣжемъ видѣ какъ механическое средство при леченіи ревматизма. Отваръ сушеныхъ листьевъ—при грудныхъ болѣзняхъ. Кромѣ того высушенные листья у курильщиковъ вмѣсто табаку при раздраженіи или болѣзни горла, также при начинающейся чахоткѣ.

Овесъ. Отваръ овсяной крупы — при дѣтскихъ поносахъ какъ укрѣпляющее. Овсяная солома, запаренная на молокѣ, какъ припарки при грудныхъ болѣзняхъ.

Черемуха. Винная настойка изъ ягодъ черемухи — при поносахъ.

Шиповникъ. Отваръ цвѣтовъ считается населеніемъ лучшимъ средствомъ при болѣзняхъ глазъ, въ особенности развитой въ краѣ среди бурятъ «слезливости» глазъ.

Картофель. Высушенные и стертые въ порошокъ цвѣты картофеля считаются хорошимъ средствомъ при изжогѣ. Тертые плоды — при ожогахъ и воспаленіи кожи (наружное).

Анисъ. Анисовая винная настойка, какъ успокаивающая боль желудка.

Полынь. Полынная винная настойка считается лучшимъ средствомъ въ застарѣлой лихорадкѣ. Также при слабости пищеваренія.

Подсолнечникъ. Отваръ цвѣтка считается противолихорадочнымъ средствомъ. Весь цвѣтокъ, высушенный на солнцѣ, считается лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ заноса эпидемическихъ болѣзней (ставятъ въ домахъ).

Брусника. Отваръ листьевъ и кореньевъ, а также и отваръ цвѣтовъ считается лучшимъ внутреннимъ средствомъ при леченіи ревматизма.

Береза. Водочный настой на внутренней корѣ дается при леченіи поносовъ. Водочный настой почекъ при боляхъ желудка.

Грецкій орѣхъ. Настой внутренней тонкой оболочки ядра на водѣ, или крѣпкій отваръ употребляется при леченіи дѣтскихъ поносовъ; средство это употребляется и горожанами.

Тысячелистникъ. Водочная настойка дается при лихорадкѣ и простудѣ.

Горчица. Сухая горчица при простудахъ насыпается въ чулки, или слабо-разведенной водой обмазываются подошвы и спина. Горчичники дѣлаютъ непремѣнно на уксусѣ или, гдѣ его нѣтъ, то на водкѣ.

Перецъ. Прибавленный къ мелко истертому табаку даютъ нюхать при боляхъ головы и при насморкѣ.

Лукъ. Высушенные стебли, истертые въ порошокъ, при «ногтоѣдѣ». Печеныя луковицы считаются хорошимъ средствомъ при несваренiи.

Арбузы. Сѣмя, высушенное и измельченное, прибавляется въ чай при боляхъ желудка.

Тыква. Сѣмена тыквы даются въ цѣломъ видѣ дѣтямъ какъ глистогонное. Отваръ изъ сѣмянъ для того же дается взрослымъ.

Мята. Водный отваръ мяты дается какъ успокоительное, нервное и успокаивающее рвоту.

Хрѣнъ. Тертымъ хрѣномъ натираютъ больныя мѣста при ревматизмахъ и вообще боляхъ.

Береста. Смолу, которую получаютъ отъ зажженной бересты, кладутъ въ дупло больного зуба. Также эту же смолу употребляютъ при лишаяхъ, густо обмазывая пораженное мѣсто.

Чай. Густой отваръ чернаго чая употребляется какъ промываніе больныхъ, гноящихся глазъ. Также слабымъ отваромъ промываютъ всякія ранки, въ особенности у дѣтей. Деревенскія дѣвушки слабымъ отваромъ чая смачиваютъ голову и волосы, какъ средство дающее хорошій ростъ волосамъ.

Конопляное масло. Употребляется при ожогахъ, какъ наружное средство и въ соединеніи съ молокомъ, какъ слабительное.

Камышъ. Высушенные и разбитые мягко стебли камыша употребляются при пролежняхъ.

Сѣно. Мелкая труха отъ сѣна, наложенная въ мѣшечки и запаренная, прикладывается какъ припарка.

Ирисъ (пострѣлъ). Цвѣты, высушенные на солнцѣ, считаются хорошимъ средствомъ въ отварѣ при родимцахъ и замираніяхъ. Отваръ даютъ съ молокомъ.

Настой на водкѣ коры рябины, цвѣтовъ травы такъ называемой «куриной слѣпоты» (родъ незабудокъ, очень мелкіе цвѣты) и цвѣтовъ чертополоха, смѣшанныхъ вмѣстѣ, даютъ дѣтямъ при слабости и золотухѣ.

Богородская трава. Въ сухомъ видѣ, какъ подкуриваніе, во время болѣзней въ комнатахъ больныхъ. Отваръ изъ травы дается при желудочныхъ боляхъ.

Березовый сокъ. Свѣже-собранный, помимо лакомства дѣтей, дается имъ во время прорѣзыванія зубовъ въ молокѣ.

Свекольный сокъ пьютъ при грыжахъ, а также для облегченія болей при гемороѣ.

Мохъ бѣлый съ гольцовъ, въ отварѣ, пьютъ отъ ревматизма и отъ чахотки.

Солодка (хунжуръ), растущая во многихъ горныхъ мѣстахъ Забайкалья и въ Монголіи, русскими употребляется въ сыромъ видѣ (корень) — отъ кашля. Въ тибетской же медицинѣ вываренный сокъ идетъ какъ вкусовое прибавленіе ко многимъ лекарствамъ и также дается при грудныхъ болѣзняхъ.

Укропъ. Отваръ дается какъ мочегонное и при водянкѣ.

Смола лиственницы. Сваренная съ конопляннымъ масломъ употребляется для приготовленія пластырей.

Табакъ. Свѣжіе листья (не заморенные) прикладываются къ нарывамъ и мѣстамъ укусовъ животными.

Огуречный сокъ. Моютъ золотушнымъ дѣтямъ лицо, а также взрослые часто употребляютъ его какъ умыванье отъ угрей и пятенъ на лицѣ.

Горецвѣтъ (желтые цвѣты) въ отварѣ употребляется при леченіи водянки и какъ мочегонное.

Морошка. Отваръ ягодъ—также считается хорошимъ мочегоннымъ; у монголъ же употребляется и при леченіи лихорадки. (Сушеныя ягоды, стертыя съ другими травами, разводятся ханшиной (китайской водкой).

Пихта. Отваръ хвои дается при страданіяхъ желудка, а также какъ глистогонное. Высушенная и стертая въ порошокъ хвоя употребляется, какъ присыпка, для дѣтей, а иногда съ лиственничной смолой какъ пластырь на раны и язвы.

Разныя лекарства и леченія.

Хлѣбъ свѣже испеченный (горячій) прикладывается какъ согрѣвающее въ боляхъ желудка. Для того же употребляютъ только что снятую съ барана шкуру (исключительно у монголъ).

Стягиваніе головы ремнемъ, бичевкой или платкомъ, почти всѣми мѣстными простолюдинами считается лучшимъ средствомъ при боляхъ головы.

Молоко вареное съ свинымъ или бараньимъ саломъ считается хорошимъ средствомъ при кашлѣ и вообще въ грудныхъ болѣзняхъ.

Свиное сало съ скипидаромъ, или смолой, употребляется для натиранія груди и спины при сильномъ кашлѣ.

Деготь чистый. При ревматизмахъ натираются имъ въ жарко натопленной банѣ. Также какъ наружное средство употребляется при леченіи чесотки и лишаевъ. Чахоточные употребляютъ деготь и въ пищу въ очень небольшомъ количествѣ, обыкновенно накапывая на мясо или въ молоко.

Нерпичій и Тарбаганій жиръ считается также хорошимъ средствомъ при леченіи ревматизма. Употребляютъ его въ растопленномъ видѣ, какъ наружное средство. Для того же (хотя и рѣже) берутъ и медвѣжій жиръ.

Гусиный жиръ употребляютъ при отмораживаніяхъ какъ наружное, а также при всякихъ трещинахъ кожи.

Тараканы. Настойка изъ нихъ дается больнымъ водянкой.

Голомянка (сортъ мелкой байкальской рыбы, живущей на очень глубокихъ мѣстахъ). Вытопленный жиръ изъ нея считается лучшимъ, хотя и дорогимъ, средствомъ при леченіи ревматизма.

Лакъ спиртовой употребляется при обжогахъ кожи, а также и при порѣзахъ, какъ стягивающее.

Кровь животныхъ употребляется въ леченіи чахотки, общей слабости и нѣкоторыми старыми людьми какъ укрѣпляющее (въ особенности кровь молодыхъ барановъ).

Водка и ханшинъ при ревматизмахъ и простудныхъ болѣзняхъ наружное.

Тушъ (китайская, употребляемая ими вмѣсто чернилъ) считается хорошимъ средствомъ при ожогахъ и наружныхъ сыпяхъ.

Уголь березовый толченый дается при несваренiи желудка и при дурномъ запахѣ изо рта.

Бумага. Желтое маслянистое вещество, остающееся отъ сожженной бумаги часто употребляется какъ простолюдинами, такъ и нѣкоторыми горожанами при зубной боли (вата, напитанная такимъ масломъ, вкладывается въ пустое дупло зуба).

Паутина и осье гнѣздо употребляется при порѣзахъ какъ кровеостанавливающее.

Зола (преимущественно отъ богородской травы (смѣшанная съ теплой водой) какъ обмываніе при накожныхъ болѣзняхъ.

Шерсть собаки, которая укусила, прикладывается къ укушенному мѣсту, а иногда сжигается въ золу, которой и присыпаютъ рану.

Глина красная, густо замѣшанная на водѣ, прикладывается при вывихахъ и ушибахъ.

Земля прикладывается къ укушеннымъ мѣстамъ осами, или пчелами. Пораженныхъ молніей закапываютъ въ сырую землю. Получившихъ сильныя ожоги на пожарахъ также обкладываютъ землей.

Дѣтская моча какъ наружное средство усиленно практикуется у инородцевъ. Ею лечатъ глаза и промываютъ раны.

Укусы осъ и пчелъ считаются хорошимъ средствомъ при леченіи ревматизма.

Китайская бумага (тонкая) употребляется при легкихъ порѣзахъ какъ пластырь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, у суевѣрныхъ людей, она же считается хорошимъ средствомъ при излеченіи наружныхъ сыпей и лишаевъ.

Мякина изъ трубки употребляется при укусахъ осъ, а также и змѣй.

Потная хомутина одѣвается на лихорадящихъ во время приступа жара, а также вообще при простудныхъ боляхъ.

Высасываніе яда при укусахъ змѣй, а иногда и банки на укусы практикуются почти исключительно одними семейскими. Сибиряки и буряты обыкновенно лечатъ такія раны наружными средствами.

Шпанская муха въ порошкѣ во многихъ лекарствахъ тибетской медицины считается какъ очищающая кровь.

Порошокъ пантовъ (изюбринныхъ рогъ) въ разныхъ дозахъ дается бурятскими и монгольскими ламами, какъ развивающее теплоту въ тѣлѣ и подкрѣпляющее силы. Лекарство очень дорогое.

Белена. Выварки изъ цвѣтовъ (густая масса) входитъ въ многія лекарства для леченія зубовъ. Этими же выварками напитываютъ деревянныя палочки (зубочистки), которыя даютъ нѣкоторые знахари и заговорщики зубной боли своимъ паціентамъ, которыми послѣдніе и очищаютъ дупло больного зуба.

Настой цвѣтовъ белены съ другими травами дается еще знахарями при трудныхъ родахъ.

Мыло сѣрое съ коноплянымъ масломъ дается какъ рвотное.

Сивушное масло считается хорошимъ средствомъ отъ боли зубовъ.

Деревянное масло съ мукой употребляется какъ мягчительные припарки. Также ушибы мажутъ и однимъ деревяннымъ масломъ.

Медъ употребляютъ во многихъ леченіяхъ, чаще при горловыхъ болѣзняхъ; въ соединеніи же съ маковымъ сѣменемъ какъ снотворное.

Цвѣты акаціи (дико-растущей) съ корой **Золотарника**, мелко истолченныя, употребляютъ при леченіи лихорадки.

Ладанъ съ медомъ и дегтемъ—какъ пластырь.

Желчь медвѣжью, высушенную въ порошкѣ, разведенную водой, даютъ при желудочныхъ растройствахъ.

Кало коровье, высушенное и смѣшанное съ богородской травой, зажигаютъ для дезинфекціи, въ особенности въ комнатахъ послѣ покойника. Буряты же жидкимъ каломъ иногда обмазываютъ раны.

Кора можевельника, высушенная и стертая въ порошокъ, дается при лихорадкѣ.

Кора ерника (кустарника) въ такомъ же видѣ дается при поносахъ у взрослыхъ.

Горохъ высушенный употребляютъ при изжогѣ.

Баня. Лечатся баней мѣстные жители почти отъ каждой болѣзни, въ особенности при простудѣ. А такъ какъ и въ сыпныхъ болѣзняхъ также ходятъ въ жаркую баню, то нерѣдко такое леченіе и является фатальнымъ.

Особенно же энергичное и усиленное леченіе баней практикуется при укусахъ бѣшеными животными. Въ это время мѣстные знахари (чаще бурятскіе или монгольскіе ламы) заставляютъ ходить въ жарко-натопленную баню ежедневно, оставаясь тамъ нерѣдко до получаса. Причемъ даютъ какое-то сильное слабительное. Послѣ нѣсколькихъ дней такого леченія больной страшно ослабѣваетъ. Кормятъ его все время леченія очень скудно: обыкновенно молочной пищей и поятъ чаемъ. Вся суть леченія сводится къ усиленному потѣнію.

Въ баняхъ же, при леченіи ревматизма натираются дегтемъ, ханшиной, скипидаромъ, перцовкой, или сѣкутъ больныя мѣста крапивой. Нерѣдко послѣ такихъ натираній и раздраженій кожи обливаютъ себя холодной ледяной водой, или накладываютъ снѣгъ.

Парятся почти всѣ простолюдины березовыми вѣниками, которые любители при распариваніи обливаютъ еще ханшиной («для крѣпости», какъ они объясняютъ).

Купанье, какъ лечебное средство, народъ не признаетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ маленькихъ дѣтей купаютъ въ соленыхъ озерахъ, считая, что соленая вода «сводитъ» всѣ накожныя болѣзни.

Ванны—природныхъ горячихъ источниковъ (въ Монголіи) составляютъ излюбленное средство населенія при леченіи ревматизмовъ. Ѣздятъ также туда и сифилитики, хотя послѣдніе чаще лечатся у ламъ внутренними тибетскими лекарствами.

Минеральныя воды также составляютъ частое лечебное средство мѣстнаго населенія. Особенно много больныхъ посѣщаетъ Ямаровскій (углекислый) источникъ. Пріѣзжаютъ сюда не только желудочные больные, но и вообще слабые. Лечатся по личному своему усмотрѣнію, выпивая нерѣдко въ день по нѣсколько десятковъ стакановъ воды. Большинство пріѣзжаетъ недѣли на двѣ—на три (крестьяне и буряты), почему и стараются за такое краткое пребываніе выпить возможно болѣе воды. Ваннъ изъ источника не принимаютъ. Въ рѣдкихъ же случаяхъ застарѣлыя раны и язвы лечатъ обливаніями, или компрессами.

Въ особенности много пріѣзжаетъ женщинъ, что вызывается сложившимся въ народѣ убѣжденіемъ, что вода этого источника излечиваетъ также и безплодіе.

При леченіи минеральной водой никакой діеты, конечно, большинство больныхъ не соблюдаетъ, къ врачу обращаются только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Соль употребляется въ лекарствахъ и леченіи очень часто. Чистая соль въ водкѣ считается хорошимъ средствомъ для пищеваренія, почему почти всѣ старики и употребляютъ водку, въ которой распущено немного соли, а иногда еще и два-три стручка перца.

Прижиганія. Укусы завѣдомо бѣшеныхъ животныхъ лечатъ прижиганіемъ раны раскаленнымъ желѣзомъ. Также прижигаютъ нерѣдко загноившуюся рану.

Уксусъ (винный). Намачиваютъ имъ голову при боляхъ, а также натираются уксусомъ, разведеннымъ съ водкой, при простудныхъ болѣзняхъ.

Глина съ конопляннымъ масломъ прикладывается къ пальцамъ при ногтоѣдѣ.

Крахмалъ (пшеничный), жидко разведенный, употребляется при сыпяхъ у дѣтей; а также при переломахъ костей холстяные бинты обмазываются понаружѣ крахмаломъ.

Чистотѣлъ. Выпарки всего растенія, разведенныя съ водой, употребляютъ какъ обмываніе злокачественныхъ язвъ. Приготовляется это лекарство только семейскими, инородцамъ же совершенно неизвѣстно.

Шелуха и жмыхи кедровыхъ орѣхъ, вмѣстѣ съ отрубями, идутъ иногда для ваннъ, какъ успокаивающее средство. Извѣстны среди сельскаго населенія.

Банки до сего времени усиленно практикуются среди простолюдиновъ.

Леченіе банками особенно развито между сибиряками и бурятами (въ большинствѣ обрусѣвшими). Также нерѣдко практикуется и «ставленіе горшка» на животъ.

Массажъ также составляетъ одно изъ частыхъ лечебныхъ средствъ Спеціалистами считаются буряты (въ особенности женщины). Практикуютъ они и среди городского населенія.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000201659377